

№ 4(11)
Декабрь 2014

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Современное
российское приграничье**

/ Современное
российское приграничье

/ Современные войны:
социально-экологическое
измерение

/ Теория социальной ниши
применительно к изучению
православных общин

/ Теоретико-концептуальный
конструкт
коррупционной культуры

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики (Махачкала, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DIBIROV Abdul-Nasir Z., Dr. Sci. (Polit.), Professor, Honored Scientist of Dagestan Republic, Rector of the Dagestan Institute of Economics and Political Science (Russia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: Приграничье как объект исследования..	11
<i>Бийжанова Э. К.</i> Приграничье как объект исследования.	11
<i>Халий И. А.</i> Современное российское приграничье: общие характеристики	23
<i>Левченко Н. В.</i> Образование в приграничных районах	34
<i>Аксёнова О. В.</i> Культурная среда приграничья: структуры и акторы	47
<i>Подъячев К. В.</i> Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения	59
К методологии научных исследований.....	73
<i>Каменский Е. Г.</i> Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт	73
<i>Подлесная М. А.</i> Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом	93
Современные войны: социальные причины и последствия	106
<i>Яницкий О. Н.</i> Современные войны: социально-экологическое измерение	106
<i>Дибиров А.-Н. З., Белоусов Е. В.</i> Война идентичностей ...	127

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
Modern Russian Borderland	11
<i>Biyzhanova E. K.</i> Borderland as an Object of Study	11
<i>Khaliy I. A.</i> Modern Russian Borderland: General Characteristics.....	23
<i>Levchenko N. V.</i> Education in Border Areas	34
<i>Aksenova O. V.</i> Cultural Milieu of the Border Lands: Structure and Actors	47
<i>Podyachev C. V.</i> The Political Parties and Socio-political Development of Border Regions of Russia: The Experience of Direct Watch	59
On the Methodology of Scientific Researches.....	73
<i>Kamensky E. G.</i> The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct.....	73
<i>Podlesnaya M. A.</i> The Feature of Network and Niche Approaches in Studying of Orthodox Parish in Russia and Abroad.....	93
Modern Wars: Social Causes and Consequences.....	106
<i>Yanitsky O. N.</i> Modern Wars: The Socio-ecological Dimension.....	106
<i>Dibirov A.-N. Z.</i> The War of Identities.....	127

**И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»**

Представляю номер

Уходящий 2014 год актуализировал неожиданную для российского общества тему – состояние приграничных территорий и особенно тех, что возникли в связи с распадом СССР. Эта актуализация, конечно, связана с событиями на Украине – как боевых действий в непосредственной близости от наших границ в Ростовской области, так потоков беженцев, а также изменение политической ситуации и умонастроений граждан Украины в сопредельных с Россией регионах. Именно поэтому темой номера последнего в этом году выпуска «Вестника Института социологии» стало [«Современное российское приграничье»](#), в которую включены статьи, подготовленные по результатам полевых исследований в Смоленской, Псковской и Курской областях, проведенных сектором изучения социокультурного развития регионов России и Центром региональной социологии и конфликтологии ИС РАН весной–летом этого года.

Открывает тему номера статья [Э. К. Бийжановой «Приграничье как объект исследования»](#), в которой сделана попытка постановки и концептуализации проблемы, определения объекта и предмета социологического анализа.

Статья [И. А. Халий «Современное российское приграничье: общие характеристики»](#) посвящена анализу основных социально-политических процессов, разворачивающихся в современном приграничье: политика государственных органов различных уровней; социально-экономическое положение приграничных регионов и их районов, расположенных в непосредственной близости от границы; морально-психологический климат, свойственный приграничным сообществам.

Социальный потенциал любого региона формируется под воздействием процессов, происходящих в сфере культуры и образования. В связи с этим две следующие статьи [Н. В. Левченко «Образование в приграничных районах»](#) и [О. В. Аксёновой «Культурная среда приграничья: структуры и акторы»](#) освещают эту проблематику. Один из выводов, представленных в этих работах, состоит в том, что пригра-

ничье в этом плане мало чем отличается от остальных регионов страны, что не представляется авторам правомочным: вероятно, подъёму образовательного и культурного уровня населения этих территорий следует уделять особое внимание, что должно бы стать одним из аспектов государственной политики. Авторы подчёркивают при этом, что местные акторы, включённые в данную деятельность, в большинстве случаев делают максимально возможное, не получая никакой дополнительной поддержки, не только выполняя свои должностные обязанности, но проявляя инициативу в соответствии со своей гражданской позицией и опираясь на самоорганизацию местных сообществ.

Завершает рубрику статья [К. В. Подъячева «Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения»](#), в которой анализируются действия политических акторов в приграничье и по его поводу. Как бы подытоживая все представленные выше результаты исследования, автор подтверждает вывод о том, что специальной политики в отношении приграничных территорий как на уровне регионов, так и на местном уровне, не выявляется, что, очевидно, не способствует повышению их безопасности.

В нашей, ставшей уже традиционной, рубрике [«К методологии научных исследований»](#) размещены две статьи молодых учёных, стремящихся базировать свои научные изыскания на теоретическом фундаменте. [Е. Г. Каменский](#) (Курск) в статье [«Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт»](#) в ходе анализа различных теоретических подходов формирует собственный теоретический каркас. В статье [«Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом»](#) [М. А. Подлесная](#) (Москва) рассматривает возможность и релевантность применения указанных в названии теоретических инструментов в ходе анализа осуществляемого ею исследования.

Последний раздел номера [«Современные войны: социальные причины и последствия»](#) возвращает читателей к современным проблемам, связанным, в первую очередь, с событиями на Украине. Но не только. В статье [О. Н. Яницкого](#) (Москва) [«Современные войны: социально-экологическое измерение»](#) впервые в российской социологии делается попытка научного осмысления того, что такое современная война и каковы её последствия. [А.-Н. З. Дибиров](#) (Махачкала) и [Е. В. Белоусов](#) (Москва) в своей статье [«Война идентичностей»](#) предлагают анализ причин противостояния различных социальных групп, направляя их поиск в русло процессов конструирования национальной идентичности. Можно утверждать, что эти статьи выходят на высокий уровень обобщения процессов, оказавшихся в фокусе внимания всего человечества в уходящем году.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

Приграничье как объект исследования

Бийжанова Элиза Камчыбековна – научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Институт социологии РАН, Москва

E-mail: eliza2306@mail.ru

Приграничье как объект исследования

Аннотация

В связи с процессами, происходившими в 1990-х гг., на части территории России сформировались зоны «нового приграничья», в которых впервые границы приобрели статус государственных. В статье рассматриваются популярные концепции исследования современного приграничья и их применимость к социологическому исследованию приграничных сообществ в современных условиях. В основном границы и приграничье исследовались такими научными дисциплинами, как география, геополитика, экономика и право, и содержали данные об отдельных территориях. Показано, что наиболее серьёзное осмысление проблем межгосударственных границ и возникающих в этой сфере взаимодействий началось в эпоху «холодной войны», возникла необходимость реализовывать мирное сосуществование стран с различными политическими режимами после окончания Второй мировой войны. Свои подходы к изучению приграничья применяли сторонники различных теорий: теория рационального выбора, неинституционализм, функционализм, неофункционализм, транснационализм, глобализм, конструктивизм, неомарксизм и т. д. Однако анализ этих концепций не предоставил ответов на основной вопрос – как во всех перечисленных процессах участвуют люди, проживающие в приграничных районах; какими социокультурными характеристиками обладает приграничный регион или район, служит ли он не только неким форпостом государства, но и мостом для социально-экономического, культурного, научного и прочего обмена? В ходе концептуализации основных понятий исследования автором определено, что объектом исследования является приграничье как социально-культурное явление, предметом – местные сообщества, под которыми понимаются конгломераты жителей приграничных районов, непосредственно граничащих с соседними государствами. Таким образом, выявлены основные функции приграничья как социокультурного пространства. К ним относятся: защита и охрана национального государства и его суверенитета; формирование условий для развития межгосударственного и/или межрегионального взаимодействия; налаживание контактов в различных сферах деятельности; пропаганда положительного образа России. Независимо от того, насколько укреплен или прозрачна граница, она всё равно создаёт различие между «здесь» и «там». В связи с исчезновением старых границ и появлением новых происходит новое пространственное определение и территориальная фиксация, что сегодня и наблюдается.

Ключевые слова: социологическая теория, новое приграничье, социокультурные пространства, национальное государство, суверенитет, безопасность

Огромные пространства России оказались в положении особых зон, сформировав так называемую зону «нового приграничья», в которую впервые вошли 24 субъекта РФ, три субъекта приобрели дополнительные границы со статусом государственных. В недалёком прошлом эти границы имели прозрачный характер, являясь практически формальными, поскольку символизировали границы между областями одной страны. В настоящее время в связи с изменением политической ситуации актуальность установки на открытость границ в нашей стране понижается, а барьерная функция возрастает, что должно вызвать формирование новых условий и факторов социально-экономического развития территорий «нового приграничья» России.

Приграничный регион, включающий в себя территории двух государств, обладает особенной географией, историей, экологией, социально-политическими условиями и экономическими возможностями и разделён суверенитетом граничащих стран (государств). Это регионы, у которых имеется совпадение административных границ с участками государственной границы страны.

Приграничная территория – это пространства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Стоит отметить, что в социологии нет чёткого определения приграничного социокультурного пространства, поэтому можно взять определение, принятое в географии: приграничное пространство определяется как особая социально-географическая зона, в пределах которой наблюдаются специфические процессы и явления. Таким образом, географический контур пограничного пространства представляет собой полосу местности, пролегающую вдоль линии границы по обе её стороны. Оно включает в себя зону, часть вод смежных рек, водоёмов, внутренних морских вод, пункты пропуска через государственную границу, а также административные районы и другие образования, прилегающие к государственной границе [Вардомский 2000].

Традиционно границы и приграничье исследовались такими научными дисциплинами, как география, геополитика, экономика и право. Большинство таких исследований содержали данные об отдельных территориях и имели конкретную практическую направленность.

Западные концепции исследования трансграничных проблем

Серьёзное осмысление проблем межгосударственных границ и возникающих в этой сфере взаимодействий началось в эпоху «холодной войны», когда требовалось реализовы-

В зону «нового приграничья» впервые вошли 24 субъекта РФ и три субъекта приобрели дополнительные границы со статусом государственных.

Традиционно границы и приграничье исследовались такими научными дисциплинами, как география, геополитика, экономика и право.

вать мирное сосуществование стран с различными политическими режимами после окончания Второй мировой войны. Современный этап развития политической ситуации требует переосмысления выдвигавшихся прежде теоретических подходов, что нашло выражение в теоретизированиях учёных конца XX – начала XXI вв. Попробуем проследить эти изменения.

Одним из наиболее популярных в контексте изучения трансграничных взаимодействий является *геополитический подход*. Он рассматривает изучение границ с точки зрения конкретного географического и политического разделения границ. Основным инструментом здесь является исследование баланса сил; гегемонии и субгегемонии, уровня национальной безопасности [Хаусхофер 2001; Chauprade 2013; Хантингтон 2003]. Однако для нашего исследования значимым становится то, что в результате применения этого подхода за пределами внимания остаются содержательные проблемы, касающиеся общества и взаимодействия двух приграничных сообществ (соседствующих государств).

Подход сторонников теории *рационального выбора* предполагает изучение деятельности бизнес-структур. С социологической точки зрения это означает, что изучается деятельность различных социальных групп, в применении к анализу приграничья это международное взаимодействие структур управления, бизнеса, образования и пр. Основные категории, применяемые в данном подходе: наличие у политических акторов, принимающих решения, стабильной и прозрачной системы политических предпочтений; наличие долгосрочных стратегий действия, сформированных на основе экспертного планирования [Roberts, Lloyd 2000]. Для исследования жизнедеятельности приграничных сообществ данный подход даёт инструментальный анализ стратегий и тактик, осуществляемых местной властью в приграничных районах, позволяет обнаружить необходимость формирования местной политики международного взаимодействия.

Неоинституциональный подход предлагает анализировать формирование новых «правил игры» в сфере использования ресурсов и конкурентной борьбы за них. Научный аппарат содержит следующие категории: наличие стабильных предпочтений; управление капиталом и другими ресурсами; разработка правил «игры», которые формируют устойчивые модели деятельности и условия для выполнения этих правил; формирование социально-культурного пространства, призванного сдерживать экспансию политических институтов граничащих стран [Норт 1997]. В приграничных районах, опираясь на этот подход, можно исследовать правила, по которым взаимодействуют различные структуры приграничных государств, тот социально-культурный фундамент, определяющий характер и методы реализации этих вновь возникающих неформальных институтов.

Геополитический подход рассматривает изучение границ с точки зрения конкретного географического и политического разделения границ.

Теория рационального выбора предполагает изучение деятельности бизнес-структур, что с социологической точки зрения означает изучение деятельности различных социальных групп, в применении к анализу приграничья это международное взаимодействие структур управления, бизнеса, образования и пр.

Неоинституциональный подход предлагает анализировать формирование новых «правил игры» в сфере использования ресурсов и конкурентной борьбы за них.

В фокусе внимания **функционалистов** находится процесс интеграции, который подразумевает, что конфликт становится невыгоден государствам. А **неофункционалисты** делают акцент на том, что далеко не во всех случаях интеграционные процессы могут быть применимы. Внимание и тех, и других обращено на изучение типов и способов сотрудничества, формирование трансграничных регионов, предпочтения политических элит и общий культурно-исторический фон [Lahteenmaki 1995]. Они фиксируют переход государственной политики от установки на обеспечение безопасности границ к ориентации на международную интеграцию приграничья, влекущую за собой отказ от суверенитета и признание приоритета международного права на приграничной территории. В некоторых приграничных районах уже существуют проекты, призванные заниматься развитием международных контактов, так называемые «Еврорегионы», что для нашего исследования может стать одним из предметов исследования.

Сторонники теории **транснационализма** делают акцент на взаимодействии не только государственных, но и негосударственных институтов. Это усиливается концепцией того, что транснациональное сотрудничество возникает вне зависимости от воли национальных государств как следствие активности самих сообществ. В этом случае основными категориями оказываются границы, которые определяются по этническому, религиозному, экономическому, социокультурному признакам [Kennedy, Roudometof 2002]. Взаимодействие сообществ в рамках этого подхода изучается в сферах торговли, «народной дипломатии», транспортных сетей, туризма и т. п.

Предел открытости границ достигается сторонниками **теории глобализма**, которые полагают, что государство должно быть лишено части суверенитета, что выражается в денационализации и десуверенизации [Scholte 2000; Zacher, Sutton 1995]. Такой подход оставляет границам исключительно протекционистские функции.

Конструктивистский подход выдвигает положение о том, что кто бы ни являлся инициатором и конструктором процесса интеграции (общество или государство), в основу их деятельности должно быть положено экспертное мнение. Вследствие этого их внимание фокусируется на анализе экспертных сообществ, деятельность которых оказывает влияние (в той или иной степени) на процесс принятия решений, обеспечивающий жизнедеятельность общества. Ключевыми категориями в этой связи оказываются научно-образовательные элиты, опирающиеся в своих исследованиях на социальную рефлексию разворачивающихся процессов (социальных, культурных, политических и т. п.), и процесс интернационализации знания, заключающийся в формировании международных сетей и потоков [Adler 2005; Checkel 2008].

В фокусе внимания функционалистов находится процесс интеграции, который подразумевает, что конфликт становится невыгоден государствам.

Сторонники теории транснационализма делают акцент на взаимодействии не только государственных, но и негосударственных институтов.

Предел открытости границ достигается сторонниками теории глобализма, которые полагают, что государство должно быть лишено части суверенитета.

Конструктивистский подход выдвигает положение о том, что кто бы ни являлся инициатором и конструктором процесса интеграции, в основу их деятельности должно быть положено экспертное мнение.

Со времён А. Грамши, утверждавшего, что существуют экономические границы и их определённая конфигурация, которые контролируют гегемонистические структуры, исторически сложившиеся в среде крупного капитала, основой теоретического подхода *неомарксизма* является контроль способов накопления и распределения глобального капитала. В рамках данной концепции «теории регулирования» отдаёт приоритет контроля национальным государствам, подтверждая необходимость их наличия. Не остаётся за пределами внимания неомарксистов и собственно отношение общества к процессам, происходящим в приграничных государствах [Валлерстайн 2001; Gills, Frank 2005].

Перечисленные выше теоретические подходы так или иначе делали попытку анализа приграничных территорий, но при этом не ответили на главный для нас вопрос – как во всех перечисленных процессах участвуют люди, проживающие в приграничных районах?

Для социологических исследований это достаточно новая тема. Основным научный интерес могут представлять местные сообщества, их социальный потенциал в контексте приграничья. Следует заметить, что ещё Г. Зиммель утверждал, что пространство должно быть исследовано не только само по себе, но и включая тех, кто его наполняет: «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму... Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы и другой...» [Зиммель 1996: 592].

В связи с распадом СССР и формированием новых государств и новых границ, актуализируется вопрос о том, что представляют собой сообщества граждан, проживающих на приграничной территории; какими социокультурными характеристиками обладает приграничный регион или район, служит ли он не только неким форпостом государства, но и мостом для социально-экономического, культурного, научного и прочего обмена.

Многообразие условий развития приграничных районов можно представить в трёх типах: европейском, постсоветском и азиатском. Здесь принципом классификации приграничья становится не столько географическая локализация, сколько «соседство», определяющее функционирование и развитие региона. По мнению Л. Б. Вардомского, «фундаментальной (и самой очевидной) характеристикой государственных границ является барьерность или контактность» [Прозрачные границы... 2002], т. е. развитость институтов, обеспечивающих внешние связи, уровень развития пограничной инфраструктуры. Территориальная близость приграничных районов с обеих сторон способствует развитию не только социально-эко-

Неомарксистский подход в рамках концепции «теории регулирования» отдаёт приоритет контроля национальным государствам, подтверждая необходимость их наличия.

Для социологических исследований приграничные сообщества и их социальный потенциал достаточно новая тема.

номических отношений, но и культурных связей. Ведь, в первую очередь, начинают сотрудничать районы, расположенные в непосредственной близости от границы и при этом друг от друга [Ойдуп, Кылгыдай 2012].

Одной из важнейших функций приграничья является то, что оно служит инструментом формирования и определения национальной и государственной принадлежности. Независимо от того, насколько укреплена или прозрачна граница, она всё равно создаёт различие между «здесь» и «там». В связи с исчезновением старых границ и появлением новых происходит новое пространственное определение и территориальная фиксация, что сегодня наблюдается в самых различных регионах мира и, конечно, в России.

Как показывает современная практика, процессы глобализации могут, с одной стороны, способствовать снижению закрытости границ национальных государств, а с другой – вызвать стремление государств и их граждан усилить свою защищённость. Открытость страны оказалась чревата и негативными социально-экономическими явлениями, как реальными, так и ожидаемыми [Артоболевский 2003]. На современном этапе это особенно ярко проявляется в России в связи с событиями на Украине.

Концептуализация понятий в рамках социологического исследования российского приграничья

Объектом нашего исследования является приграничье как социально-культурное явление, предмет исследования – местные сообщества, под которыми будут пониматься конгломераты жителей приграничных районов регионов РФ, непосредственно граничащих с соседними государствами. Это означает, что будут изучаться местные сообщества районов, расположенных на границах России с различными государствами – как с новыми, появившимися после распада СССР (например, Украина, Беларусь, страны Балтии на Западе, Казахстан на Востоке), так и с давно существовавшими «соседами» – Турция, Китай, Монголия и др.

Концептуализации подлежит само понятие «приграничье», в частности необходимо определить его функции и характеристики.

К функциям относятся:

- *охрана границы*, т. е. охрана национального государства – первое, что представляется неоспорим и главным; однако в условиях глобализации эта функция не выглядит не только единственной, но и главной;

Как показывает современная практика, процессы глобализации могут, с одной стороны, способствовать снижению закрытости границ национальных государств, а с другой – вызвать стремление государств и их граждан усилить свою защищённость.

- более значимым становится поддержание **открытости границ**, что должно формировать условия для развития межгосударственного и/или межрегионального взаимодействия;

Это взаимодействие вызывает к жизни следующую функцию:

- **налаживание контактов** в самых различных сферах жизнедеятельности соседствующих обществ и сообществ: экономической, социальной, культурной и даже политической;

Однако в современном постоянно меняющемся мире это не оказывается константой: борьба за «демократию», за переход к западному образу жизни (часто обозначаемому как европейский, а на деле оказывающийся американским), а ещё глубже – к вхождению в НАТО для охраны государства от бывших союзников или соседей, близких практически по всем параметрам, стремление народов к самоопределению и созданию новых государств, свержение «диктаторских» режимов (часто навязанных тому или другому народу) влечёт за собой новую, но старую (изначальную) функцию:

- **защиту своих границ для сохранения суверенитета государства**, действующего политического устройства, а, в конечном счёте, собственных ценностей, сложившихся на территории страны. Таким образом круг замыкается: попытка сделать границу открытой приводит к новому витку формирования закрытости;

- наконец, в любом случае (защиты границы или кооперации с «заграницей») приграничье должно **пропагандировать позитивный образ России** как современной страны, стремящейся и достигающей успехов в своём развитии, дружественно относящейся ко всем соседствующим с ней народам, если отношения с ними носят мирный и взаимоуважительный характер.

Основные характеристики приграничья (как представляется в идеале):

- равномерное заселение приграничных районов, недопущение обезлюдения;

- равномерное развитие приграничных районов, бедных и заброшенных районов быть не должно;

- целенаправленная политика региональных и местных властей; деятельность, направленная на обеспечение защиты границы всеми возможными способами (включая организацию дееспособного местного сообщества, выстраивание отношений с «соседями», воспитание патриотизма и других идейно-нравственных позиций у граждан);

- обеспечение достойного уровня социально-экономического развития приграничных районов, формирование благоприятных условий жизни местных сообществ, позволяющих им быть патриотами;

Функции приграничья:
охрана границы, поддержание открытости границ, налаживание контактов с «соседями», защита своих границ для сохранения суверенитета государства, пропаганда позитивного образа России.

- сохранение независимости отечественных местных сообществ от социально-экономического влияния пограничных государств, даже при условии международного сотрудничества, ими субсидируемого;

- наличие высокого уровня культурного развития местных сообществ приграничных районов, позволяющего гражданам адекватно оценивать и защищать как свою культурную самобытность, так и степень восприятия ценностей и культурных паттернов заграничных «соседей»;

- этому же будет способствовать достаточно высокий уровень образования членов местных сообществ, что также должно быть самостоятельной характеристикой приграничья.

Представляется, что соответствие данным характеристикам может стать убедительным доказательством жизнеспособности российского приграничья в выполнении его вышеозначенных функций.

Местные сообщества, как уже было определено – население каждого приграничного района в целом (т. е. включая центр и остальные поселения), должно, с нашей точки зрения, иметь и развивать собственный определённый социальный потенциал. Здесь многое зависит от деятельности местной власти как аппарата управления приграничьем (осознание её представителями данной специфики управления обязательно). Но и не только от неё. Так, консолидация местного сообщества (необходимая особенно в свете последних событий в странах, свергших «диктаторов» и борющихся за «демократизацию») невозможна без ведущего участия структур гражданского общества. Развитие и поддержание социокультурного уровня приграничья практически целиком зависит от учреждений образования и культуры. Воспитание патриотизма, восприятие установки на сохранение собственных традиций и ценностей, поддержание исторической памяти и т. п. невозможно реализовать без соединения усилий всех акторов местных сообществ. А без этого трудно представить адекватное восприятие управленцами существующей в сознании жителей приграничья позиции «свой–чужой».

Таким образом, приграничье призвано конструировать «своё» пространство, являться фактором консолидации жителей и в зависимости от ситуации задавать/формировать определённые жизненные стратегии местных сообществ, которые должны включать в себя фактор присутствия границы.

Поскольку сегодня статус приграничья как некоего форпоста страны оказывается всё более актуальным, обнаруживается возрастающая необходимость в глубоком изучении социального потенциала приграничья и детальном анализе социальных процессов, происходящих в приграничных районах.

Приграничье призвано конструировать «своё» пространство, являться фактором консолидации жителей и в зависимости от ситуации задавать/формировать определённые жизненные стратегии местных сообществ, которые должны включать в себя фактор присутствия границы.

Библиографический список

Артоболовский С. 2003. Новое российское приграничье // Независимая газета URL: http://www.ng.ru/konsep/2003-04-24/7_text.html [Дата посещения: 01.11.2014].

Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга. 414 с.

Вардомский Л. Б. 2000. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Приграничное сотрудничество: опыт и перспектива. Оренбург. С. 18–44.

Зиммель Г. 1996. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист. 607 с.

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Ойдуп Т. М., Кылыгдай А. Ч. 2012. Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Социологические исследования. № 6. С. 136–140.

Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России: Колл. монография / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. М. – Волгоград: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 573 с.

Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 603 с.

Хаусхофер К. 2001. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль. 250 с.

Adler E. 2005. Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations. London: Routledge. 334 p.

Berkowitz D., DeJong D. N. Russia's Internal Borders. The William Davidson Institute at the University of Michigan Business School. Working Paper № 189, July 1988.

Chauprade A. 2013. Chronique du choc des civilisations. Paris: Chronique Dargaud Editions. 271 p.

Checkel J. 2008. Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Ed. By Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press. P. 71–85.

Gills B. K., Frank A. G. 2002. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S. C. Chew, J. D. Knottnerus. Lanham. P. 151–178.

Kennedy P., Roudometof V. 2002. Transnationalism in a global age // Communities Across Borders: New Immigrants and Transnational Cultures / edited by P. Kennedy and V. Roudometof. London and New York: Routledge. P. 1–26.

Lahteenmaki K. 1995. Cooperation of the European Border Regions // Changing European Security Landscape/ Ed. by Clive Archer and Olli-Pekka Jalonen. Tampere Peace Research Institute. Research Report. № 63. P. 270–271.

Roberts P. W., Lloyd M. G. 2000. Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues? // Regional Studies. Journal of the Regional Studies Association. Vol. 34. № 1. P. 75–80.

Scholte J. A. 2000. Globalization. A Critical Introduction. Basingstoke.

Zacher M. W. Sutton B. A. 1995. Governing Global Networks. International Regimes for Transportation and Communication. Cambridge: Cambridge Studies in International Relations. 313 p.

Borderland as an Object of Study

Biyzhanova Eliza Kamchibeckovna

Scientific researcher, Institute of Sociology, Russian academy of sciences, Moscow, Russia.

E-mail: eliza2306@mail.ru

Abstract. In connection with processes taking place in the 1990s, zones of “new borderland” formed in Russia, many of which first acquired the status of national borders. The article discusses the concepts of the most popular modern borderland studies and their applicability to the sociological study of modern border communities. Basically, studies of borders and border areas by different disciplines such as geography, geopolitics, economics and law contained data on the discrete territories. It is shown that the most serious problems of interpretation of international borders in this field of interactions began in the era of the “Cold War”, when it became necessary for countries with different political regimes to peacefully coexist after World War II. Approaches to the study of the borderland have used different theories: the theory of rational choice, neo-institutionalism, functionalism, neofunctionalism, transnationalism, globalism, constructivism, neo-Marxism, etc. However, analysis of these concepts does not provide an answer to the main question – how do all these processes involve people living in the border areas, what sociocultural characteristics does a border region have, does it serve as not only a type of outpost of the state but also to bridge the socio-economic, cultural, scientific, etc. exchange across borders? During the conceptualisation of the basic concepts of the study, the author determined that the object of study is the borderland as a socio-cultural phenomenon and that local communities, the subject, are defined as conglomerates of border residents of Russian regions directly bordering with neighbouring states. Thus, the basic functions of the borderland were identified as social and cultural space. They include the protection and defence of the national state and its sovereignty, creating conditions for the development of inter-state and / or interregional cooperation, establishing contacts in various spheres of activity, and promoting a positive image of Russia. No matter how transparent or fortified a border is, it still creates a distinction between “here” and “there.” In connection with the disappearance of the old and emerging of new boundaries, there is a new definition of the spatial and territorial fixation of borderlands.

Keywords: the sociological theory, new border areas, socio-cultural space, the national state, sovereignty, security.

References

Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations. London, Routledge, 2005. 334 p.

Artobolevsky S. Novoe rossijskoe prigranich'e [New Russian Borderland] – Nezavisimaja gazeta. Official website. URL: http://www.ng.ru/koncep/2003-04-24/7_text.html [date of visit 01.11.2014].

Berkowitz D., DeJong D. N. Russia's Internal Borders. The William Davidson Institute at the University of Michigan Business School. Working Paper No 189, July 1988.

Chauprade A. Chronique du Choc des Civilizations. Paris, Chronique Dargaud Editions, 2013. 271 p.

Checkel J. Constructivism and Foreign Policy. Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Ed. By Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 71–85.

Gills B. K., Frank A. G. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System. Structure, Culture and History. Recent Issues in Social Theory. Ed. by S. C. Chew, J. D. Knottnerus. Lanham, 2002, pp. 151–178.

Haushoffer K. O geopolitike: Raboty raznykh let. [On Geopolitics: Works of Different Years]. Moscow, Mysl', 2001. 250 p.

Huntington S. Stolknovenie civilizacy [Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2003. 603 p.

Kennedy P., Roudometof V. Transnationalism in a Global Age. Communities Across Borders: New Immigrants and Transnational Cultures. London and New York, Routledge, 2002, pp. 1–26.

Lahteenmaki K. Cooperation of the European Border Regions. Changing European Security Landscape. Ed. by Clive Archer and Olli-Pekka Jalonen. Research Report. Tampere, Tampere Peace Research Institute, 1995, No. 63, pp. 270–271.

North D. Instituty, institucional'nyje izmenenija i funkcionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change, and Economic Performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 p.

Oydup T. M., Kylgyday A. C. Osobennosti mezhetnicheskikh svyazey naselenija tuvino-mongol'skogo prigranich'ja [Features of Interethnic Relations of Population on the Tuva – Mongolian Border Area] – Sociologicheskie issledovanija, 2012, No. 6, pp. 136–140.

Prozrachnye granitzы. Bezopasnost' i transgranichnoe sotrudnichestvo v zone novykh pogranychnykh territoriy Rossii [Transparent Borders. Security and Cross-border Cooperation in the Area of New Border Territories of Russia]. Ed. by L. B. Vardomsky, S. V. Golunoff. Moscow – Volgograd, Nauchno-obrazovatel'ny forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2002. 573 p.

Roberts P. W., Lloyd M. G. Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues? – Regional Studies. Journal of the Regional Studies Association, 2000, Vol. 34, No. 1, pp. 75–80.

Scholte J. A. Globalization. A Critical Introduction. Basingstoke, 2000. 170 p.

Vallerstine I. Analiz mirovykh sistem i situacija v sovremennom mire [Analysis of the World System and Modern Situation in the World]. Ed. by B. Y. Kagarlitzky. Saint-Petersburg, Universitetskaja kniga, 2001. 414 p.

Vardomsky L. B. Prigranichny pojas Rossii: problemy i tendencii razvitija [Russian Border Zone: Problems and Tendencies of Development]. Prigranichnoe sotrudnichestvo: opyt i perspektiva. Orenburg, 2000, pp. 18–44.

Zacher M. W. Sutton B. A. Governing Global Networks. International Regimes for Transportation and Communication. Cambridge, Cambridge Studies in International Relations, 1995. 313 p.

Zimmel G. Izbrannoe. V. 2. Sozercanie zhizni [Contemplation of Life]. Moscow, Jurist, 1996. 607 p.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

С о в р е м е н н о е российское приграничье: общие характеристики

Халий Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России Институт социологии РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Современное российское приграничье: общие характеристики

Аннотация

В статье¹ рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются приграничные территории России в политической, экономической, социальной, культурной и морально-психологической сферах. Анализируемые данные получены в ходе полевых исследований, проведённых весной–летом 2014 г. в трёх регионах европейской части Российской Федерации (в каждом регионе изучению подверглись региональный центр и два района, расположенных непосредственно на границе) в форме глубинных интервью с представителями региональных и местных властей, образовательных, медицинских, культурных и др. учреждений, политических партий, общественных движений и неправительственных организаций. Всего базу данных составили 70 транскриптов интервью. Помимо этого, проведён анализ официальных документов, публикаций в региональных и местных СМИ, а также всех доступных интернет-ресурсов (официальные сайты, региональные и местные форумы граждан, блоги и т. п.). Предпринята попытка оценить потенциал приграничных сообществ в их способности и готовности быть щитом страны в случае внешней угрозы. Показаны различия приграничных районов в способах ведения хозяйства, в типах патриотизма, а также сходства в развитии социокультурной сферы. Сделаны выводы о достигаемых результатах в ходе осуществления региональной и местной политики приграничья. Даны основные характеристики самой политики приграничья, реализуемой федеральными, региональными и местными структурами власти. Выявлены риски для безопасности новых российских границ, связанные с социально-экономическим положением приграничных территорий и связанным с ним процессом обезлюдения, отсутствием континуума российских поселений. Представлены условия, которые способствуют социально-экономическому развитию районов. Показана значимость не только защиты внешних границ, но и наличие границ внутренних, проявляющихся внутри самого общества в виде разделения мировоззрений, ожиданий, верований, а также желательных перспектив развития. Эта «граница» может приобрести наиважнейшее значение в приграничных сообществах, только зависеть от этой ситуации будут не приграничные районы, а вся страна.

Ключевые слова: приграничные территории и сообщества, социально-экономическая ситуация, политика приграничья, морально-психологический климат, консолидация, патриотизм

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества»).

До настоящего времени социологи и политологи крайне редко обращались к теме жизнедеятельности приграничных сообществ и политики приграничных областей. В советский период этому было весьма простое объяснение: приграничные территории были закрытыми практически полностью от любых взглядов общественности – существовали 100-километровые пограничные зоны, въезд в которые был строго по приглашениям и вряд ли там были бы разрешены какие-либо исследования обществоведов. В первые постсоветские годы эта тема также редко поднималась – проблемы внутри страны были существенно более значимы, чем проблемы границы. И только сейчас, особенно в связи с событиями на Украине, они приобретают суперактуальное значение. При этом особое внимание следует уделить новым границам, образовавшимся при распаде СССР. Поскольку эти границы возникли там, где их прежде не было, то они не только недостаточно оборудованы в военном и таможенном плане, но ещё их безопасность и закрытость зависят от социально-экономического, политического, социального и социокультурного состояния приграничных территорий. Очень важен и морально-психологический климат, сформировавшийся в местных сообществах, восприятие людей по ту сторону границы не как граждан другого государства, а как исторически близких, а нередко и связанных непосредственными родственными узами.

Хотя учёные приграничных регионов в последние годы тему старались осмысливать и даже искать теоретические подходы для её анализа [см., например: *Образы России и Белоруссии... 2013*]. Однако исследования в основном касались не социальных проблем (нам известны только некоторые из них [Норкин 2004; Гребёнкина 2007]), а чаще посвящались анализу геополитики, безопасности государства и международным отношениям [см., например: *Безопасность и международное сотрудничество... 2002*]. В них рассматривались также проблемы создания и функционирования такой формы международного приграничного сотрудничества, как «еврорегион», которые включают в себя территории двух-трёх государств с целью взаимодействия приграничных региональных и местных управляющих органов и местных сообществ в различных сферах – экономической, культурной и пр.

Поставив перед собой задачу социологического и политологического изучения современного российского приграничья, сектор по изучению социокультурного развития регионов России начал работу с полевых исследований в трёх регионах: Смоленская область с фактически спокойной границей союзного государства Беларусь; Псковская область, соседствующая с тремя Прибалтийскими государствами Эстонией, Латвией и Литвой, входящими в Евросоюз; Курская область, граничащая с Сумской областью Украины, где ситуация не обременена

близостью военного конфликта и исходом беженцев. За пределами внимания осталась весьма значимая для избранной темы Ростовская область, и не только потому, что сегодня ситуацию здесь постоянно освещают СМИ, но и потому, что эта ситуация столь сложна сегодня, что вряд ли стоит анализировать её именно сейчас.

В результате наших экспедиций, совершённых весной–летом 2014 г. (в каждом регионе изучению подверглись региональный центр и два района, располагающиеся непосредственно на границе), нами были проведены глубинные интервью с представителями региональных и местных властей, образовательных, медицинских, культурных и др. учреждений, политических партий, общественных движений и неправительственных организаций. Всего базу данных составили 70 транскриптов интервью.

Помимо этого, проведён анализ официальных документов, публикации в региональных и местных СМИ, а также все доступные интернет-ресурсы (официальные сайты, региональные и местные форумы граждан, блоги и т. п.).

Новое приграничье: общие сведения

Мы с удивлением обнаружили, что современные западные границы нашего государства располагаются в непосредственной близости от Москвы, (удивились не потому, что не знали географии, но потому, что никогда не задумывались об этом, привыкнув к тому, что в советские времена они были всё же очень далеко).

Обнаружили также, что границы, возникшие в результате трансформаций, почти полностью открыты. Конечно, степень открытости различна – от полного отсутствия приграничных служб в Смоленской области до полупрозрачной границы в Курской и более прикрытой в Псковской областях. Однако следует отметить слабую оборудованность границ (также в различной степени) и отсутствие пространственной непрерывности их охраны. Исследование показало, что, например, в Псковской области есть приграничные районы, в которых действуют пограничные службы, а есть и такие (в основном весьма слабоборосурные), где они и вовсе отсутствуют.

Выявилась и другая проблема: далеко не на всём протяжении границы присутствуют не только пограничные службы, но, что дополняет риски, и населённые пункты не представляют собой непрерывного континуума. Более того, разрушающиеся и вследствие этого исчезающие деревни, а также отток молодёжи из приграничных районов создают возможности для дальнейшего развития процесса обезлюживания российского приграничья.

Современные западные границы нашего государства располагаются в непосредственной близости от Москвы.

Далеко не на всём протяжении границы присутствуют не только пограничные службы, но, что дополняет риски, и населённые пункты не представляют собой непрерывного континуума.

Всё это сопряжено с социально-психологической открытостью местных жителей. Можно утверждать, что жители приграничья не воспринимают себя как иностранцев, чуждых и противостоящих друг другу. Во всех трёх изученных нами случаях местные сообщества имеют исторически сложившиеся тесные связи: это и родственные, и дружеские, и соседские, и партнёрские (в сфере торговли, культуры, образования, спорта и др.) отношения.

Политика приграничья

Федеральная государственная политика до сих пор не была нацелена на укрепление всего периметра границы. Имеется в виду, в первую очередь, не её оборудование и военная охрана, но именно политический аспект обеспечения безопасности границы в форме специфических установок, транслируемых «сверху» федеральным и местным властям: определение их функций в связи со спецификой приграничья. Как представляется, такие функции должны бы заключаться в следующем: повышенная забота о социально-экономическом состоянии приграничных районов, морально-психологическом состоянии местных сообществ, их культурном уровне, в связи с чем должно уделяться специальное внимание методам образования и воспитания детей; развитию и охране транспортной инфраструктуры.

Под влиянием украинских событий некоторые тенденции осуществления подобной политики сегодня можно обнаружить. Но складываются они скорее стихийно, чем целенаправленно, и реализуются большей частью именно местными властями и без дополнительных материальных ресурсов.

Единственное, что пришлось наблюдать непосредственно в ходе полевых исследований, это появившийся практически еженедельный контроль ситуации на приграничных территориях со стороны федеральных властей в форме требования постоянной отчётности региональных администраций о происходящем на границе и в области в целом. Региональные власти также настроены на контроль, особенно это заметно в районах, располагающихся на границе с Украиной. На уровне приграничных районов специальной охранительной политики в социальной сфере не обнаруживается. Здесь продолжают действовать устоявшиеся, традиционные способы управления, нацеленные, в первую очередь, на формирование у жителей чувства любви к «малой родине» и повышение уровня комфорта проживания. Как показали интервью, эта стратегия не связана (даже на мыслительном уровне) с положением приграничья. Но сегодня такая деятельность приобретает особый смысл и функцию формирования приграничного социального сознания. Так,

Политический аспект обеспечения безопасности границы в форме специфических установок, транслируемых «сверху» федеральным и местным властям, до сих пор не был в фокусе деятельности федерального государства.

Под влиянием украинских событий некоторые тенденции осуществления политики приграничья сегодня обнаруживаются, но складываются они скорее стихийно и реализуются большей частью именно местными властями и без дополнительных материальных ресурсов.

практически во всех изученных нами районах значительное внимание власти уделяют патриотическому воспитанию: здесь и достойное содержание «аллей Славы», сохранение и даже возведение новых памятников героям различных войн (от 1812 г. до чеченских), и поддержание памяти о знаменитых земляках, и т. п. К этому же следует отнести и проведение общерайонных праздников – как федерального, так и местного значения (в этом году широкий отклик у местных жителей получила акция «Бессмертный полк», проведённая, по всей видимости, по инициативе федеральных властей 9 Мая).

К этой же стратегии стоит отнести повышенное внимание местных властей к учреждениям образования (как основного, так и дополнительного). Впрочем, это свойственно большинству районов России (конечно, там, где власти честно работают). Но в приграничных населённых пунктах это чрезвычайно важно, хотя и приводит не только к тому, что способствует повышению культурного уровня жителей, противостоит бессмысленному, а то и девиантному времяпрепровождению молодёжи, но и к оттоку последней в связи со стремлением продолжать обучение после школы.

К политике приграничья можно отнести и запущенный с 2003 г. процесс создания международных горизонтальных структур в виде «еврорегионов»: «Слобожанщина» (2003 г.), состоящий из Белгородской (РФ) и Харьковской (Украина) областей; «Днепр» (2003 г.), соединяющий Брянскую (Россия), Гомельскую (Беларусь) и Черниговскую (Украина) области; «Ярославна» (2007 г.), связывающий Курскую и Сумскую области; «Псков – Ливония», в который входят пять районов Псковской обл., четыре района Латвии и три уездных Союза самоуправления Эстонии.

Социально-экономическое состояние приграничья

Можно смело утверждать, что наши приграничные области – не самые экономически сильные субъекты Российской Федерации. Но ещё менее экономически развиты приграничные районы. Причём уровень их развития, в первую очередь, зависит от существующих местных ресурсов (например, наличие объекта материальной или духовной культуры, который привлекает туристов и создаёт основу для развития турбизнеса). Во-вторых, для приграничных районов значимым фактором социально-экономического развития становятся погра-

Практически во всех районах значительное внимание власти уделяют патриотическому воспитанию.

К политике приграничья можно отнести и запущенный с 2003 г. процесс создания международных горизонтальных структур в виде «еврорегионов».

нические и таможенные учреждения, если таковые имеются. В отдельных случаях сохраняется мощное градообразующее предприятие (например, атомная станция).

Особое значение и сопутствующие этому риски имеет то, что уровень развития районов весьма различен: сравнительно более развитые соседствуют с почти вымирающими, в которых полный экономический упадок сопровождается отсутствием рабочих мест, вследствие чего происходит отток населения. Последнее вызывает социальное напряжение на грани взрыва или депрессивного состояния оставшегося населения и создаёт дополнительные риски для обеспечения безопасности границы.

Притока местных жителей ожидать не приходится, разве что из числа украинских беженцев, которых нередко расселяют именно в приграничных регионах (не исключение и исследуемые нами области).

Благополучие районов зависит также и от способов ведения хозяйства. В одной и той же области можно встретить поселения, где, несмотря на экономический упадок 1990-х гг., местные власти смогли сохранить (применяя разнообразные способы) существующие с советских пор предприятия и учреждения, в то время как в других всё утрачено полностью. В некоторых из них отсутствуют даже производства, которые могли бы обеспечить местных жителей самым необходимым (например, во многих районах закрылись хлебопекарни, молочные производства, которые существовали в советские времена почти повсеместно).

Различные подходы обнаруживаются и в ведении сельского хозяйства там, где оно ещё поддерживается. Первый способ – землю продать или сдать в аренду иногородним предпринимателям, которые создают агрохолдинги, использующие собственную рабочую силу (вахтовый способ), в результате чего эти предприятия не имеют никакой связи с районом, на территории которого они действуют и получают доходы. Второй способ – раздать землю только местным предпринимателям, в основном мелким фермерам, и таким образом содействовать социально-экономическому развитию района, укреплению его самообеспечения и консолидации местного сообщества, вместо утраты территории без какой-либо выгоды для местных жителей.

Морально-психологический климат приграничья

Первое, что следует отметить, это осознание представителями местных сообществ своего приграничного состояния, которое приобретает новое звучание в связи с украинскими событиями. То, что эти поселения представляют собой форпост страны, подтвердили представители всех социальных групп. Правда, повышенной обеспокоенности по этому

Наши приграничные области – не самые экономически сильные субъекты Российской Федерации, но ещё менее экономически развиты приграничные районы.

поводу никто не выказывает. Так, при всеобщей готовности защищать, в случае необходимости, рубежи родины жители Смоленской области тем не менее уверены, что на их части границы ничего произойти не может ввиду соседства с братским народом и союзным государством. Жители Псковского региона также выражают уверенность, что на их границе всё спокойно, поскольку они соседствуют с цивилизованными западноевропейскими странами, с которыми у них вполне тесные и давние связи и даже общие ценности. Население Курской области встревожено несколько больше, но успокоение находят в том, что Сумская область не является частью военно-политического конфликта. Пытаются думать, что взаимодействие с соседями радикально не изменилось, хотя и знают о подвижках, появившихся в последнее время: смена власти в украинском приграничье (органы региональной власти и местного самоуправления перешли в руки представителей партии «Батькивщина»), возникшая небезопасность перехода украинской границы российскими мужчинами активного возраста, разрыв родственных связей и многое другое.

Морально-психологическое состояние сообществ, в первую очередь зависящее от их социально-экономического положения, в меньшей степени формируется и под влиянием социокультурных факторов. Следует отметить, что развитие этой сферы приграничных сообществ мало отличается от всех остальных местных сообществ российских регионов. Буквально титанические усилия местных властей, педагогов различного профиля и работников культурных учреждений (домов культуры, музеев, библиотек) направлены на поддержание и развитие культурного уровня населения. Высокий уровень преподавания в школах обеспечивает молодёжи большой процент продолжающих повышать свой образовательный уровень после школы (в высшие и средние специальные учебные заведения поступают до 90% выпускников). Продолжают активно работать детские художественные школы и учреждения внешкольного дополнительного образования (хотя условия их деятельности и собственно выживания очень не просты), но и для взрослых в художественной сфере существуют различные кружки в домах культуры. Организуется большое количество массовых культурных мероприятий – выставок, фестивалей, конкурсов, праздничных представлений в честь Нового года и прочих событий – на базе всё тех же школ, домов культуры, музеев, библиотек. Эти массовые мероприятия имеют особое значение для консолидации местных жителей.

В целом по стране и в приграничье в частности такая социокультурная политика обеспечивает определённый климат безопасности проживания в районах различных субъектов РФ, особенно в тех, где этому достаточное внимание уделяют власти.

Представители местных сообществ осознают своё приграничное положение, которое приобретает новое звучание в связи с украинскими событиями. То, что эти поселения представляют собой форпост страны, подтвердили представители всех социальных групп.

Особым фактором морально-психологического климата в приграничных регионах выступает патриотизм в его различных интерпретациях.

Так, патриотизм Смоленска носит безоговорочный характер: защищать Родину будем в любом случае. Без сомнения, первостепенное значение здесь имеют многовековые традиции «старой Смоленской дороги» (во всех предыдущих войнах население этих мест первым встречало врага и последним его «проводило»). Но есть и новые основания: современная смоленская молодёжь утверждает, что будет строить свою жизнь там, где родилась (мнения студентов СмолГУ, высказанные на фокус-группе). Патриотизм Псковской земли несколько отличен. Находясь в тесном взаимодействии с Прибалтикой (которая и в советские времена отличалась прозападными ориентирами), псковичи больше восприняли западный образ мыслей и жизни в качестве идеала, к которому можно и нужно стремиться в своей стране. Об этом свидетельствует многое и в региональной политике, и в самоорганизации общества, и в идейно-идеологическом контексте. Разумеется, в первую очередь это присуще элитным слоям общества, т. е. более обеспеченным и активным в сфере политики, управления и экономики.

Наконец, Курская область представляет третий тип патриотизма. С одной стороны, её жители продолжают традиции советского образа жизни, с другой – они пытаются встроиться в систему рыночных отношений, что предполагает включение в глобальные сети и потоки, определённую открытость «миру», по крайней мере, в плане восприятия различных социальных, политических, экономических и культурных технологий (например, ни в одной другой области жители, а главным образом молодёжь, не были в таком масштабе вовлечены в проведение досуга в торгово-развлекательных центрах, да и самих торговых центров в таком объёме и концентрации «на квадратный метр» больше нигде не наблюдалось). Можно сказать, что патриотизм вообще не стоит в повестке дня жителей областной столицы.

Несколько тезисов в заключение

Современное состояние российского приграничья, мало чем отличающееся от внутренних регионов страны, не вызвало бы особых опасений, если бы не внешние события. Даже если согласиться с тем, что европейские ценности и образ жизни для российских граждан привлекательны и желаемы, то их обретение (или внедрение) насильственным (военным) способом при огромном числе жертв со стороны населения, что демонстрируют наши украинские соседи, для нас непри-

Особым фактором морально-психологического климата в приграничных регионах выступает патриотизм в его различных интерпретациях.

емлемо. Отсюда возникает необходимость строже защищать границы, в том числе целенаправленно работая в социальной и политической сферах.

Следует учитывать, что «граница» сегодня реализуется не только в форме защиты государства по внешнему периметру, но проявляется и внутри самого общества в виде разделения мировоззрений, ожиданий, верований, а также желательных перспектив развития. Украина демонстрирует нам, что такое разделение может оказаться географическим – когда страна в своём «взгляде на мир» делится пространственно. Но в нашем случае география вряд ли окажется решающим фактором. Эта «граница» может приобрести наиважнейшее значение в приграничных сообществах, только зависит от этой ситуации будут не приграничные районы, а вся страна.

Библиографический список

Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М. – Волгоград: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 572 с.

Гребёнкина С. В. 2007. Особенности социально-пространственного развития российского социума (на примере дальневосточного приграничья). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. соц. н. 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск. 24 с.

Норкин Д. А. 2004. Приграничная территория как социальное пространство (на примере российско-эстонской границы). Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 158 с.

Образы России и Белоруссии в контексте приграничья. Монография / Под ред. В. Ю. Пименова. Смоленск: СмолГУ, 2013. 235 с.

Modern Russian Borderland: General Characteristics

Khaliy Irina Al`bertovna

Doctor of science (sociology), chief of the Department of socio-cultural development of Russian regions, Institute of Sociology, Russian academy of sciences, Moscow, Russia.
E-mail: illaio@yandex.ru

Abstract. The paper addresses the problems faced by the border territories of Russia in the political, economic, social, cultural, moral and psychological spheres. Data were analysed from field research conducted in the spring and summer of 2014 in three regions of the European part of the Russian Federation (in every region a regional centre, and two districts have been investigated, which are located directly on the border) in the form of in-depth interviews with representatives of regional and local authorities, educational, medical, and cultural institutions, political parties, social movements

and non-governmental organisations. The total database consists of 70 transcripts of interviews. In addition, an analysis was made of official documents, publications in regional and local media, as well as all available internet resources (official sites, regional and local citizens' forums, blogs, etc.). An attempt is made to evaluate the potential of border communities for their ability and willingness to be a shield of the country against external threats. Differences are present in border territories in the methods of farming, in the types of patriotism, as well as similarities in the development of social and cultural spheres. Some conclusions are presented on progress in the implementation of regional and local border policies. On the basis of characteristics of the border policies implemented by federal, state and local government structures, risks to the safety of new Russian borders are identified and related to the socio-economic situation of border territories and the related process of depopulation or the lack of a continuum of Russian settlements. The author describes the conditions that contribute to the social and economic development of the regions. The importance of not only the protection of the external borders but also the presence of "internal boundaries", manifested within society as a division of philosophies, expectations, beliefs, as well as desirable development prospects, are summarised. This "frontier" may acquire not only inside border communities but also spread to the whole Russian society.

Keywords: border territories and communities, socio-economic situation, policy and politics, consolidation, patriotism.

References

Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v pojase novyh granic Rossii [Security and International Cooperation in New Border Zone]. Ed. by L. B. Vardomsky i S. V. Golunov. Moscow – Volgograd: NOFMO, 2002. 572 p.

Grebionkina S. V. Osobennosti social'no-prostranstvennogo razvitija rossijskogo sociuma (na primere dal'nevostochnogo prigranich'ja)[Specificity of Social and Spatial Development of Russian Society (the Example of Far East Region)]. Avtoreferat. Habarovsk, 2007. 24 p.

Norkin D. A. Prigranichnaja territorija kak social'noe prostranstvo (na primere rossiysko-estonskoy granicy). [Border Territory as Social Space (the Example of Russian – Estonian Border)]. Dissertation. SPb.: Sankt-Peterburgsky gosudarstvenny universitet, 2004. 158 p.

Obrazy Rossii i Belorussii v kontekste prigranich'ja [Images of Russia and Belorussia in the Context of Borderland]. Smolensk, SmolGU, 2013. 235 p.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

Образование в приграничных районах

Левченко Наталья Валерьевна – младший научный сотрудник сектора по изучению социокультурного развития регионов России
Институт социологии РАН, Москва

E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

Образование в приграничных районах

Аннотация

В статье анализируются особенности учебного процесса в образовательных учреждениях российского приграничья. Данные получены в результате проведённого исследования в трёх приграничных регионах РФ методом глубинных интервью с директорами и учителями районных школ, школ и техникумов искусств, учителями дополнительного образования, с представителями районной администрации. Проведён анализ официальных документов и публикаций в СМИ по данной теме. Выявлены проблемы, с которыми на современном этапе сталкиваются учебные заведения в исследуемых регионах. Рассматриваются перспективы выпускников общеобразовательных школ и их ориентированность на дальнейшее обучение в вузах, ссузах и т. п. Делается попытка оценить результаты учебного процесса в приграничных районах. Показаны методы воспитательного процесса во время обучения школьников. Несмотря на введение нового закона об образовании, представлены примеры сохранившихся традиций в обучении. Проанализировано отношение учителей к ЕГЭ и ГИА и влияние этих нововведений на учебный процесс. Представлены особенности ситуации, связанной с образованием на селе. Даны основные характеристики дополнительного образования, реализуемого как на базе общеобразовательных учреждений, так и отдельно от них. В статье показаны виды дополнительного образования и заинтересованность в них как учеников, так и их родителей. Во время исследования был выявлен преподавательский состав приграничных школ, а также показано, что часть выпускников возвращаются на малую родину и в родные учебные заведения уже как преподаватели.

Ключевые слова: школьные учреждения, дополнительное образование, учебный процесс, преподавательская деятельность

В сентябре 2013 г. вступил в силу новый федеральный закон «Об образовании» [Федеральный закон РФ... 2013], согласно которому было введено несколько новых положений:

- среднее профессиональное образование теперь предполагает два вида программ – подготовка квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена вместо упразднённых ПТУ и колледжей;

- чётко определены понятия «семейное образование» и «семейные детские сады»; семьям, в которых дети обучаются дома, положена некоторая компенсация расходов;

- дошкольное воспитание стало самостоятельным уровнем образования и регулируется теперь федеральными государственными стандартами.

В результате «при планировании деятельности учебных заведений и созидании новых программ происходит столкновение консервативных и прогрессивных тенденций» [Ключарёв 2013: 239]. В то же время новый закон вызвал массу споров и дискуссий. Самое распространённое мнение, что современное образование отдаляется от процесса воспитания детей и создания у них целостной картины мира, становится менее направленным на обучение фундаментальным основам науки, что может негативно отразиться на уровне культуры и образования российских школьников. Подобные дискуссии активно проходят на российском телевидении. Так, например, в одном из выступлений (31 августа 2014 г.) Патриарх Кирилл отметил, что «если образование не будет давать системы, не будет подвигать учащихся, чтобы они овладевали такой системой, мы никогда не будем образованными людьми. Человек становится культурным лишь тогда, когда он понимает причинно-следственные связи того, что происходит с культурой, с миром». Также Святейший Владыка полагает недопустимым самоустранение школы от воспитания: *«Если получение знаний не будет сопровождаться воспитанием личности, то школа не будет решать тех задач, которые перед ней стоят»*. При этом важно воспитывать детей в такой системе ценностей, которая формировала бы у них любовь к Отечеству, желание создать семью. *«Мы должны отстаивать свои собственные ценности, которые вырастают из нашей духовной, культурной традиции»*, – подчеркнул Святейший Патриарх Кирилл [Важнейшей задачей образования... 2014].

В результате можно ожидать, что в российском приграничье, где ощутимо влияние со стороны соседних государств, ситуация в области системы образования складывается более драматично, чем в центальных областях страны.

Школьное образование: общая ситуация и проблемы

Несмотря на нововведения и на процессы обезлюживания небольших районов и их объединения с более сильными, положение учреждений образования в приграничных районных центрах превзошло наши ожидания. В основном средние школы сохранились, за исключением полностью ликвидированных деревень.

В школах учатся в среднем около 400 человек, причём в некоторых районных центрах численность учеников начальных классов превосходит численность учащихся среднего и старшего звеньев, о чём свидетельствует один из наших респондентов: *«Самые большие классы на данный момент в начальной школе, она полностью укомплектована. Пробелы только в 9–11 клас-*

сах и то из-за демографической обстановки в то время, когда они родились». Этот факт иллюстрирует, что не все молодые люди стремятся покинуть периферию, т. е. процесс миграции населения в крупные города из небольших районов хоть и стал широко распространённым явлением, но всё же не массовым.

Если говорить о качестве населения, то, по мнению опрошенных респондентов, уровень образованности и культуры жителей приграничных районов достаточно высок: *«Очень много хороших детей, у нас 12 медалистов, но всё по природе передаётся»; «Мало семей, которые не занимаются воспитанием своих детей».*

Совсем иная ситуация складывается на селе. Здесь уже наблюдается чёткая миграция населения, сокращается количество общеобразовательных учреждений ввиду уменьшения количества населения, как результат – сокращение числа учащихся. Однако представители городских районных советов, учителя и директора школ стараются сохранить школы и там: *«Мы любим способом стараемся сохранить школы, даже если там 8–9 человек. Это всё-таки ещё один культурный центр: дети ходят в библиотеку, в ту же самую, поселковую, и в дом культуры».* Сокращение образовательных организаций происходит не только в сёлах, но и в городах малоресурсных районов, что приводит к объединению нескольких школ в одну: *«В городе закрылась школа-интернат, и детей с разными проблемами отправили к нам [в общеобразовательную школу], но у нас есть специальные для них программы, и к нам ещё перевели детей из лингвистической гимназии, и некоторые уроки мы им преподаём».*

Так же, как и в других регионах России, в исследованных нами приграничных районах остро стоит вопрос о доставке детей из удалённых населённых пунктов в школы. В большинстве случаев директора школ справляются с этим: *«Есть два школьных автобуса, мы возим детей из пяти населённых пунктов».* Но в вымирающих районах эта проблема приобретает неразрешимый характер, несмотря на все старания глав районной администрации: *«Мы когда-то закупили автобус, но потом его сняли, так как невозможно было соблюсти все требования к перевозке детей. В результате пустили рейсовый автобус, но это привело к тому, что некоторые деревни оказались вне маршрута автобуса. У нас есть деревня, которая находится в шести километрах от автобусной остановки, но ребёнок всё равно ходит в школу, его водят родители».* Однако совсем не везде обстановка столь удручающая, во многих районных центрах создаются специальные и относительно хорошие условия для обучения школьников: *«В нашем районном центре есть школа-интернат областного комитета образования, где обучаются малообеспеченные дети со всей области, условия там прекрасные, пятиразовое питание, хорошее общежитие».*

Место воспитания в системе образования приграничных районов

Во всех исследуемых районах приоритетной задачей образования остаётся обучение и воспитание детей. Несмотря на то, что обучение проходит согласно федеральным стандартам, педагоги проявляют инициативу: дают знания сверх того, что требуется, и продолжают заниматься воспитанием учеников. Вот примеры ответов директоров школ из разных приграничных районов, независимо от их экономического благополучия:

- *«не воспитывать не получается: у нас много мероприятий, мы стараемся чем-то занять детей»;*

- *«в первую очередь в школе должно быть воспитание, мы детей любим, и они знают об этом»;*

- *«мы стремимся любыми способами вытягивать трудных ребят, мы должны хвататься за каждого ученика. Когда складывается безвыходная ситуация, мы приглашаем родителей и беседуем с ними».*

Таким образом, благодаря заложенным моральным устоям, сложившимся традициям и стереотипам, российские учителя в провинции пока ещё не готовы принимать нововведения, не соответствующие их устоявшимся представлениям о преподавании. Скорее всего, учителя понимают, что «концепт ребёнка в современном обществе относится к разряду наиболее нуждающихся в заботе и приватном мире как необходимом условии успешной социализации» [Колесникова 2013: 133]. Тот факт, что учителя не должны терять навыков воспитания школьников, доказывают и другие исследования учёных Института социологии РАН: «Основным содержанием социального воспитания является обеспечение процесса социализации и саморазвития молодого человека как субъекта деятельности на основе новейших технологий и средств педагогической поддержки» [Пронина 2012: 8548].

Ещё одной иллюстрацией того, что российские школы пока не перенимают навязываемые европейские стандарты (несмотря на тесные контакты некоторых исследуемых районов со странами Евросоюза), является то, что в России редко где можно встретить школьные учреждения, ориентированные на уровень образования, доступный «отстающим». Во время полевых исследований был обнаружен только один лицей, выполняющий такую установку. В основном учителя продолжают практику обеспечения высокого уровня образования для всех.

Несмотря на то, что обучение проходит согласно федеральным стандартам, педагоги проявляют инициативу: дают знания сверх того, что требуется, и продолжают заниматься воспитанием учеников.

Особенности восприятия ГИА и ЕГЭ

Помимо ЕГЭ, который проводится уже несколько лет, с принятием закона об образовании 2013 г. становится обязательной государственная итоговая аттестация (ГИА) после 9-х классов во всех регионах РФ. Экзамен проходит в виде тестирования на специальных бланках, похожих на бланки ЕГЭ [Десять основных положений... 2013]. Из-за того, что формой оценки знаний учащихся как после 9-го, так и после 11-го классов, становится тестирование, процесс образовательной деятельности педагогов тоже должен был существенно измениться: «Всё негативное усугубилось, идёт натаскивание на тест».

Следует ожидать, что в результате современные дети получают не столько общие знания по различным дисциплинам, сколько обучаются механизму прохождения теста для получения высоких результатов. К удивлению, педагоги как в сфере воспитания, так и в самом процессе обучения не следуют неукоснительно предъявляемым ныне требованиям: «Натаскивание идёт на дополнительных занятиях, а у кого – и в ходе репетиторства». Согласно федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, дополнительное образование в программах начального, основного и среднего общего образования становится платным [В костромских школах... 2014], однако многие школы продолжают подготавливать учеников, не взимая за это дополнительные средства: «У нас есть стимулирующий фонд, мы учителям из него доплачиваем». Ещё одним подтверждением сохранения советских традиций является сочувствие и сопереживание своим ученикам как со стороны учителей, так и директоров школ: «В этом году на ЕГЭ поставили камеры... Мне было плохо, потому что детям было плохо, хотя мы им создали комфортные условия, подкармливали их и поставили конфеты».

Преподавательский состав районных школ

В среднем возраст преподавательского состава в школах одинаков по всей России, и приграничье не является исключением. В основном школьные учителя – это высококвалифицированные специалисты предпенсионного и пенсионного возраста. Хотя нельзя сказать, что данная ситуация сильно удручающая, так как благодаря этому сохраняется уровень образования и воспитания, существовавший в прежние времена: «наши учителя все местные», «по области у нас сильнейшие учителя». Однако, по словам респондентов, в исследуемых районах работают и молодые учителя, в возрасте от 30-ти лет, причём во многих районах учителя возвращались

в районы, отучившись в областных центрах: *«В нашей школе 29 основных специалистов и 7 совместителей из числа вернувшихся»*. Такая же обстановка складывается и с учителями дополнительного образования. Несмотря на все неудобства, низкие зарплаты и особенности жизни на периферии, учителя и специалисты, получив образование, возвращаются обратно, о чём свидетельствовали наши респонденты – директора школ искусств: *«90% преподавательского состава – это наши выпускники, закончившие ведущие вузы»*.

Директора школ стараются также сохранить квалификацию своих преподавателей, поддерживать необходимый уровень современной культуры учителя: *«В городе находится районный центр по подготовке преподавателей именно по информационным технологиям»*.

Результаты преподавательской деятельности

Несмотря на все трудности и проблемы, с которыми сталкиваются директора, учителя и сами школьники, результаты школьной преподавательской деятельности поражают. Выпускники практически всех районных школ приграничья (нередко около 100%) поступают в вузы и ссузы районных и областных центров, в ведущие вузы Москвы и Санкт-Петербурга! Подтверждение данного факта иллюстрируют следующие высказывания респондентов:

- *«начиная с 8-го класса мы приглашаем к детям представителей средних учебных заведений, к 9–11 классам мы приглашаем представителей вузов, стараемся, чтобы дети знали, куда можно пойти учиться. Наши дети ориентированы на обучение»*;

- *«у нас все два класса 100% поступили в вузы разного профиля»*;

- *«в нашем вузе в основном учатся из области, либо из самого областного центра»*.

Скорее всего, такие результаты существуют в виду того, что это позволяет уровень полученного среднего образования и установки, которую ученики получают в школах, на продолжение обучения, что является способом и возможностью покинуть малоперспективный в плане работы и самореализации район. Определённое влияние семьи в этом направлении тоже прослеживается. При проведении фокус-группы среди студентов вузов выяснилось, что желание пойти учиться прививалось детям родителями – как из числа местной интеллигенции, так из семей рабочего класса или домохозяек: *«Я пошла учиться в вуз потому, что родители так хотели, хотя мама – домохозяйка, а отец – водитель»*.

Однако многие выпускники стремятся не покидать свой район, а продолжить обучение где-нибудь по-соседству: *«В 15-ти км от нас есть средняя школа, и дети после 9-го класса поступают туда или в ссуз, или в сельскохозяйственный техникум»*. Также нередко выпускники возвращаются после обучения: *«Процентов 70–80 учащихся сельскохозяйственной академии возвращаются обратно, поскольку у нас постоянно есть работа для инженеров, механизаторов, требуются ветеринары»*. Вместе с тем, многие респонденты отметили, что в основном молодёжь не стремится вернуться обратно, главная причина – отсутствие рабочих мест и достойной зарплаты. Места их дислокации – областные центры, Москва и Санкт-Петербург. Но стоит подчеркнуть, что за границу современная молодёжь не стремится: *«Раньше всем хотелось учиться в Эстонии, сейчас это не распространено, хотя некоторые там учатся, но потом возвращаются обратно»*. Об этом свидетельствуют и исследования, проведённые Институтом социологии РАН – *«Формирование гражданской и патриотической позиции молодёжи и подростков России» 2007 г.* и *«Формирование гражданской и патриотической позиции учащихся старшекласников» 2011–2012 гг.*, по результатам которых можно говорить, что большинство школьников являются патриотами, и смысл патриотизма для них – в любви к Родине [Пронина 2012: 8540].

Дополнительное образование детей российского приграничья

Во всех исследуемых районах, осуществляется серьёзная работа по дополнительному образованию школьников, куда входят творческие, музыкальные и спортивные занятия, причём это образование осуществляется как на базе общеобразовательных учреждений, так и в специальных учреждениях: *«На базе нашей школы есть дом творчества, там много кружков и спортивных секций. Есть два прекрасных спортивных зала, которые работают семь дней в неделю, детская спортивная юношеская школа района»*. Разнообразие направлений такого образования кажется безграничным: *«В школе есть кружки по шахматам, шашкам, теннису, танцевальный кружок, вокальный; есть свой театр, который организовала наша учительница. Она закончила колледж культуры и организует мероприятия для родителей и детей»*. Таким образом, работа кружков и секций держится на инициативе и энтузиазме директоров и учителей школ: *«Мы ведём разные кружки, и все они бесплатные»*. Сотрудники такого рода учреждений полностью увлечены своей деятельностью, являются носителями культурных традиций и ремёсел, одухотворены своей деятельностью и готовы работать за небольшие зарплаты: *«Самое главное – привить детям добро»*.

Работа кружков и секций держится на инициативе и энтузиазме директоров и учителей школ. Сотрудники учреждений дополнительного образования полностью увлечены своей деятельностью, являются носителями культурных традиций и ремёсел и готовы работать за небольшие зарплаты

Однако с принятием нового закона об образовании ситуация для учителей дополнительного образования усугубилась: теперь зарплата учителей должна стать средней по региону, что нередко осуществляется за счёт сокращения ставок в образовательных учреждениях, в первую очередь это коснулось именно художественных школ: *«Лучше бы нам оставили нашу зарплату в 5 тысяч руб., чем сделали среднюю, в связи с чем мне приходится увольнять сотрудников. Пока я сократил технический персонал, убираем теперь сами – и в помещении, и во дворе».*

Как правило, учителя стараются вовлечь детей в тот или иной род занятий. Их внимание особенно сосредоточено на воспитании «трудных» детей и школьников из неблагополучных семей:

- *«мы отправляем в кружки всех детей из неблагополучных семей всякими уговорами, процентов 50 всех школьников там занимаются точно»;*

- *«мы приходим в детский сад; если видим, что ребёнок талантливый, то убеждаем родителей отводить его к нам на обучение»;*

- *«30–40% школьников у нас занимаются в кружках на базе школы, но многие ходят и в дом пионеров, музыкальную школу и в спорткомплекс».*

В некоторых районах работают специализированные заведения, основывающие обучение на русских традициях и культуре: *«В учреждении есть два народных хора; хотим сохранить русские традиции. Мы выкупили у сгоревшего цеха станки, что позволило более 10 лет выпускать народных мастеров, сохраняя традиции нашего района. Появился казачий коллектив, который выступает благотворительно на различных мероприятиях, в домах престарелых и т. д.».*

Таким образом, учителя техникумов и школ искусств являются одними из главных носителей народной культуры, которые готовы многое сделать для её сохранения: *«Нигде в мире нет аналога такой системы первоначального музыкального и художественного образования. Если его сейчас уберут, восстановить будет очень сложно»;* *«Мне бы хотелось, чтобы дети не просто лепили или ткали, а делали это, осознавая, к какой нации и к какому народу они принадлежат. Сохранить традицию – значит сохранить Россию».*

Результаты исследования показали, что относительно большое количество школьников получают дополнительное образование. *«В нашем учреждении учатся около 90 учеников, но больше и не надо: у нас индивидуальное обучение. Это дети со всей области, но бывает, что приезжают и из других областей»;* *«У меня есть два филиала – здесь и в посёлке в 20-ти км отсюда, там 107 учеников».*

Активная деятельность ведётся и по экопросвещению школьников сотрудниками местных особо охраняемых природных территорий: *«Мы ведём большую работу по воспитанию экологической культуры, ознакомлению с правилами поведения на охраняемых территориях, воспитанию экологического мировоззрения и у взрослых, и у детей. Есть отдельный центр экологического образования на базе соседнего дома отдыха»; «Мы проводим экологические беседы, занятия, экскурсии, экологические лагеря, практики, экспедиции, конкурсы, участвуем в акциях и мобилизуем волонтеров».*

Несмотря на низкую зарплату и слабую востребованность (в плане перспектив занятости) в художественной сфере, дети продолжают обучение по интересующему их профилю, пытаются занять свою нишу на рынке труда: *«Наши выпускники открыли в детских школах искусств областного центра кружки ковроткачества и керамики. Наши прикладники работают в общеобразовательных школах в Москве и Санкт-Петербурге»; «Мы даём высокий процент поступающих в среднеспециальные и высшие учебные заведения по всей России, наши выпускники продолжают обучение в колледжах культуры, музыкальных колледжах, у нас поступали и в московский Институт культуры, Мусоргский музыкальный колледж, Орловский институт культуры, Московский архитектурный институт и т. д.».*

В то же время учителя дополнительного образования не ставят целью для своих выпускников продолжение обучения только в этом направлении. Для них гораздо важнее сам факт повышения культурного уровня, возможность духовного воспитания и развития многих других положительных качеств в результате занятий детей разными видами творческой деятельности: *«Если дети закончили не только общеобразовательную школу, но ещё и нашу, то они честнее, лучше, ярче видят мир».*

Сотрудничество учреждений образования соседних стран

В виду того, что исследуемые школы находились на приграничных территориях с разными странами, важно было узнать, существуют ли, дружественные связи между школами смежных государств, каким образом они реализуются и как это влияет на выбор выпускников школ. Выявилось несколько форм такого взаимодействия: *«У нас есть проект с Эстонией по визитам детей, хотя деньги на это не выделяются, но дети всё равно ездят за счёт родителей»; «Наша лингвистическая школа – это бывшая эстонская школа. Одно время там преподавали русские учителя на эстонском языке, так как у нас с ними очень тесные связи.*

Если её закроют, эстонцы подумают, что мы их притесняем. Там дети изучают их обычаи. Наши школы обмениваются учениками, мы выезжаем на футбольные соревнования».

Несмотря на то, что исследование проводилось уже в момент нарастания напряжённости политической ситуации и обострения отношений между РФ и Евросоюзом, ухудшения отношений между школами или ограничений в дружественных школьных визитах не было выявлено.

Сотрудничество с другими странами проходит как на базе общеобразовательных учреждений, так и на базе школ дополнительного образования: *«Мы ведём совместный проект с Евросоюзом – это реставрация здания Народной дружины (современный дом культуры). У нас есть танцевальный детский кружок, руководители которого находят спонсорскую помощь и ездят выступать за границу».*

Некоторые выводы

Проведённое исследование показало, что жизнь в районах российского приграничья значительно интереснее и заманчивее, чем в столице и в ближайших к ней районах, причём это достигается во многом благодаря деятельности учителей-энтузиастов. В целом картина вырисовывается следующим образом: в областях, расположенных на границе РФ, идёт усиленная подготовка школьников к поступлению в вузы как своего региона, так и двух столиц России. Ориентация на продолжение обучения присутствует почти у всех выпускников, однако особого стремления покинуть родину у молодёжи не наблюдается. Примерно половина школьников исследуемых районов активно посещают дополнительные кружки и спортивные секции, выступают в соседних государствах, а некоторые из них продолжают обучение именно в творческой сфере.

Местные власти оказывают возможную или, скорее, доступную для них помощь системе образования, однако каких-либо специальных образовательных программ, разработанных на региональном или федеральном уровне специально для приграничных районов, не обнаруживается.

Библиографический список

Ключарёв Г. А. 2013. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 6. С. 234–251. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_6/Klucharev.pdf [Дата посещения: 05.11.2014].

Колесникова Е. М. 2013. Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 7. С. 129–152. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Kolesnikova.pdf [Дата посещения: 05.11.2014].

Пронина Е. И. 2012. Особенности гражданской социализации и социальной адаптации молодых в новых социальных условиях // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ. М.: РОС. С. 8536–8549. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Pronina_IV_Kongress.pdf [Дата посещения: 05.11.2014].

Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ 2013 // Кодексы и законы РФ. Правовая навигационная система. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> [Дата посещения: 05.11.2014].

Святейший Патриарх Кирилл. 2014. Важнейшей задачей образования является формирование у учащихся целостной картины мира // Официальный сайт Московского патриархата URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3716487.html> [Дата посещения: 08.11.2014].

Десять основных положений нового закона об образовании // РИА Новости. 26.08.2013 URL: <http://ria.ru/spravka/20130826/958263873.html#ixzz3GEn43Jq> [Дата посещения: 06.11.2014].

В костромских школах появится платная продлёнка // RG.RU Российская газета. 23.09.2014 URL: <http://www.rg.ru/2014/09/23/reg-cfo/prodlenka-anons.html> [Дата посещения: 06.11.2014].

Education in Border Areas

Levchenko Natalia Valerievna

Junior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

Abstract. The paper analyses features of the educational process at educational institutions of the Russian border. Data are obtained from field research in three border regions of the Russian Federation using in-depth interviews with directors and teachers of regional schools, schools and technical schools of arts, teachers of additional education, and representatives of regional administration. The analysis is based on official documents and mass media publications on this subject and reveals the current problems that educational institutions in the studied regions face at present. Prospects of graduates of schools and their focus on further training in Higher Education Institutions, Average Education Institutions, etc. are considered. An attempt is made to estimate the results of the educational process in border areas through examples of the educational process during the training of school students. Despite the introduction of the new law "About Education", examples are given of previous traditions that remain in training. The relationship of teachers to the Unified State Examination and State Total Certification has influenced the educational process and is analysed. Features of the situation connected with education in the village are presented in terms of the main characteristics of additional education both on the basis of educational institutions and separately from them. The paper shows the types of additional education and the interest in these from pupils, as well as from their parents. During this research, the teaching structure of border schools was demonstrated. Also documented was the fact that part of borderland school graduates come back to the small homeland and to native educational institutions as teachers.

Keywords: educational institutions, additional education, educational process, teaching activity.

References

Desiat' osnovnykh polozheniy novogo zakona ob obrazovanii [Ten Guidelines of the New Law on Education]. RIA Novosti. Vypusk 26.08.2013. URL: <http://ria.ru/spravka/20130826/958263873.html#ixzz3GEn43Jq> [date of visit 06.11.2014].

Federal'ny zakon RF "Ob obrazovanii v Rossijskoy Federacii" № 273-FZ 2013 [Federal Law of Russian Federation "On Education in Russian Federation"]. Kodeksy i zakony RF. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf> [date of visit 05.11.2014].

Kliuchariov G. A. «Problema meluzgi», obrazovatel'nye neravenstva i jeffektivnost' vuzov kak social'no-jekonomicheskie indikatory [The Problems of "Small Fry", Educational Inequality and Efficiency of Universities as a Socio-economic Indicators] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 6, pp. 234–251. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_6/Klucharev.pdf [date of visit 05.11.2014].

Kolesnikova E. M. Pedagogi doshkol'nogo obrazovanija: specifika professional'noy gruppy i rynka uslug [Teachers of Preschool Education: Specific Professional Group and Marker Services] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 7, pp. 129–152. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Kolesnikova.pdf [date of visit 05.11.2014].

Pronina E. I. Osobennosti grazhdanskoy socializacii i social'noj adaptacii molodykh v novykh social'nykh uslovijah [Features of Civic Socialization and Social Adaptation of the young in the new social conditions]. Materialy IV Ocherednogo Vserossiskogo Sociologicheskogo Kongressa. Moscow, ROS, 2012, pp. 8536–8549. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Pronina_IV_Kongress.pdf [date of visit 05.11.2014].

Sviateyshy Patriarkh Kirill. Vazhneyshey zadachey obrazovanija javljaetsia formirovanie u uchashhihsia tzelostnoy kartiny mira [The Most Important Task of Education is to Develop in Students a Holistic View of the World]. Moscow Patriarchate's official website. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3716487.html> [date of visit 08.11.2014].

V kostromskikh shkolah pojavitsja platnaja prodlionka [In Kostroma Schools Parents will Pay for Afterschool Time of Their Children] – Rossijskaja gazeta. 23.09.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/23/reg-cfo/prodlenka-anons.html> [date of visit 06.11.2014].

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

Культурная среда приграничья: структуры и акторы

Аксёнова Ольга Владимировна – ведущий научный сотрудник сектора по изучению социокультурного развития регионов России
Институт социологии РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Культурная среда приграничья: структуры и акторы

Аннотация

В статье¹ представлен анализ деятельности государственных организаций культуры в трёх приграничных регионах (Смоленской, Псковской и Курской областей). Основу культурной инфраструктуры составляют дома культуры, краеведческие музеи и библиотеки. Показано, что в ходе их функционирования трансформируется их структура, включая в себя новые подразделения. Кроме того, к ним присоединяются негосударственные, неформальные объединения, творческие группы и клубы. В некоторых случаях государственные структуры инициируют их создание. Формируются сложные и уникальные для каждого района сети связей, включающие в себя разнообразных местных субъектов, в числе которых могут быть религиозные и политические структуры, бизнес, общественные организации и т. п. Все организации создают условия для потребления культуры и для активного в ней участия, что становится важным свойством местной культурной среды. Выявлена роль действующего субъекта в деятельности этих организаций. Показано, что её результативность зависит от социального активизма сотрудников, конфигураций создаваемых ими сетей, а направления и формы деятельности определяются личностью управленца или профессионала. Обнаружен феномен соединения государственного управления и самоорганизации в функционировании всех трёх типов организаций. Деятельность всех структур в значительной степени сфокусирована на изучении местной культуры, истории и природы, что способствует воспитанию патриотизма у жителей во всех исследуемых регионах. Местные культурные организации осуществляют взаимодействие с соседними государствами на уровне районов, участвуя, таким образом, в создании положительных представлений о стране. Показано, что существенное ухудшение межгосударственных отношений эти связи нарушает. Вместе с тем культурная среда приграничья не отличается от культурной среды других регионов России. Причины этого заключаются, с одной стороны, в традиционно добрососедских отношениях с Украиной, Беларусью и Эстонией, с другой – в отсутствии государственной стратегии культурного развития приграничья, которая в современных условиях необходима.

Ключевые слова: культура, культурная среда, культурная инфраструктура, местная культура, структура, актор, устойчивые практики

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества»).

Одной из задач исследований, проводившихся нашим сектором в приграничных регионах летом 2014 г., было выявление особенностей воспроизводства их культурной среды¹, а также её места и роли в жизнедеятельности сообществ и в формировании морально-психологического климата приграничья. Представленный в данной статье анализ сконцентрирован на деятельности государственных учреждений культуры, которые во многих случаях являются единственно доступными для населения, т. к. приграничные районы удалены от федеральных, а в иных случаях и от региональных культурных центров.

В качестве теоретико-методологических инструментов использовался структурно-функциональный подход, позволяющий выявить базовые элементы местной культурной среды [Парсонс 2000], а также институциональная концепция, интерпретирующая институты как правила взаимодействий [Норт 1997]. Для анализа деятельности её субъектов применялась сформулированная А. Туреном категория актора, способного принимать самостоятельные решения и действовать согласно с собственными интересами и ценностями [Турен 1998].

Основным методом сбора данных стало проведение глубинных интервью с представителями региональной и районной администрации, работниками дворцов и домов культуры, домов детского творчества, библиотек, музеев, действующих на региональном и районном уровнях, а также в отдельных сельских локальностях.

Культурно-просветительская триада: структуры и функции

Базовая инфраструктура культурной жизни местных сообществ мало изменилась с советских времён, несмотря на постоянные административные трансформации и на появление в ней ряда негосударственных субъектов. Её основными составляющими по-прежнему являются государственные структуры: дома культуры, библиотеки и краеведческие музеи. Управление этими организациями имеет сложную, разноразноуровневую систему. Общим её принципом является централизованная сеть организаций на каждом из уровней управления, которая предполагает наличие главной структуры в центре (региональном, районном) и ряда её филиалов в населённых

¹ Понятие *культура* в данном случае используется в значении творческой и просветительской деятельности, категория *культурная среда* обобщает институциональные, ценностные, поведенческие и прочие её составляющие, образующие в рамках сообщества определённую целостность. *Культурная инфраструктура* означает совокупность институтов и структур, обеспечивающих функционирование и воспроизводство культуры.

пунктах; например: дом или дворец культуры в райцентре и дома культуры или клубы в посёлках и деревнях. Они связаны системой планирования, отчётности, контроля и потоком ресурсов. Последние во всех случаях невелики, а по мере распределения по филиалам и вовсе стремятся к нулю: *«У нас централизованная библиотечная система, 14 филиалов, но они работают по-разному. В больших сёлах библиотеки работают полный день, а в остальных – по сокращённому графику. И есть сотрудники, которые оформлены на 0,25 ставки, но работают больше».*

Финансирование всех организаций осуществляется из бюджетов различного уровня (федерального, регионального, районного или муниципального), в том числе через государственные программы. Кроме того, часть средств им приносят гранты, спонсорская помощь и хозрасчетная деятельность.

Дворцы и дома культуры создавались в начале 1920-х гг. как клубные и культурно-просветительские организации на базе действовавших в России в 80-х гг. XIX в. народных домов. Направления их деятельности сформировались исторически и до сих пор почти не изменились: хореография, вокал, музыка классическая и народная, рукоделие, театры, клубы по интересам. Общей для всех исследованных нами домов культуры является ориентация на фольклор: практически повсеместно есть ансамбли народных инструментов, народного танца и песни. Следует подчеркнуть, что используется именно местный фольклор, что требует осуществления определённой исследовательской деятельности: *«У нас есть отдел народного творчества, он занимается сбором фольклорных записей, делает декорации для различных мероприятий».*

Главной функцией домов культуры, с нашей точки зрения, является предоставление местным жителям доступа к культуре в качестве её потребителей и творцов одновременно. Они могут быть зрителями и слушателями, и они же являются художниками, актёрами, певцами и т. п., то есть непосредственными участниками и создателями культурного действия. Дома культуры организуют концерты, конкурсы, театральные представления, выставки в своём городе или посёлке, гастроли у соседей или там, где клубы закрыты: *«Обслуживаем территорию, где клубы закрылись, едем с концертами в эти деревни. Это выездные концерты «От всей души». В их программе есть юмор, монологи. Если православный праздник, то соответствующая программа. Включаем в концерт рассказ о самой деревне, как она появилась, строилась, почему у неё название такое, это далеко не всем местным известно».*

В работе кружков и ансамблей участвуют в основном дети и люди старшего возраста: *«Есть специалисты: балетмейстер, дирижёр ансамбля народных инструментов, народной песни. Есть также и хореографический ансамбль».*

Базовая инфраструктура культурной жизни местных сообществ мало изменилась с советских времён, несмотря на постоянные административные трансформации и на появление в ней ряда негосударственных субъектов.

Главной функцией домов культуры, с нашей точки зрения, является предоставление местным жителям доступа к культуре в качестве её потребителей и творцов одновременно.

«Вдохновение», в нём 72 ребёнка, среди них и группа «Детский сад», в ней заняты дети 4–5 лет»; «У нас есть коллектив «Сударушка», там совсем пожилые бабушки. Ещё клуб «Ложница» работает. Это объединение пожилых людей: собираются, поют песенки, ставят сценки. Бабушки очень активные. Приходят с палочкой, отставляют её в сторонку и танцуют. Рецептами обмениваются, хвалятся. Их посиделки приурочены к празднику, они пишут сценарии, придумывают призы, уходят все довольные».

Россияне традиционно и повсеместно ориентированы на всестороннее развитие личности ребёнка, приграничье в этом смысле не является исключением. Эта установка характерна и для родителей, и для работников домов культуры: *«Дети приобщены к культуре: хореография, рисование, выжигание. У нас в посёлке участвуют 80 человек, хотели бы больше, но не у всех получается. Дети стараются; у нас тихо, молодёжь неплохая. Выпивают, случается, но сейчас запрет на продажу алкоголя молодым хорошо влияет. У нас и происшествий нет, драк нет».*

Пенсионерам дома культуры предоставляют пространство для общения, досуга и активной творческой деятельности, что само по себе важно, но стоит обратить внимание и на соединение их клубов и ансамблей с детскими и юношескими группами под одной крышей, в рамках одних и тех же концертов и разнообразных мероприятий. С нашей точки зрения, это сочетание поддерживает социокультурную связь между поколениями, связь молодёжи с недавней, но уже историей.

Музеи. Краеведческие музеи занимают особое место в сети музеев: они многопрофильны, сочетают все возможные виды коллекций – от художественных до естественнонаучных. Они изначально ориентированы на локальность, представляют особенности её природного развития, её историю, культуру, быт и прочие сферы жизнедеятельности. Их коллекции часто уникальны: *«Деятельность нашего музея направлена на то, чтобы собрать наибольшее количество подлинных экспонатов. Основной материал – археологические находки, которых в последнее время у нас потрясающе огромное количество. За последние три года два клада было найдено, до 300 с лишним экспонатов; они, естественно, поступили в фонд нашего музея».*

Музеи занимаются просвещением и обучением, работают со школами, поэтому большинство их посетителей – дети школьного возраста. В некоторых музеях работают археологические кружки и группы: *«Мы пытаемся со школами проводить работу, но я не называю это кружками. Это просто работа с детьми, которые очень любят историю и археологию».*

Россияне традиционно и повсеместно ориентированы на всестороннее развитие личности ребёнка.

Краеведческие музеи занимают особое место в сети музеев: они многопрофильны, сочетают все возможные виды коллекций. Они изначально ориентированы на локальность, представляют особенности её природного развития, её историю, культуру, быт и прочие сферы жизнедеятельности. Их коллекции часто уникальны.

Совместно с техникумом искусств и археологами, которые у нас несколько лет уже работают, мы объединяемся, занимаемся вместе».

Заработать средства самостоятельно для музея в небольшом населённом пункте невероятно сложно. Местным жителям его коллекции хорошо известны. Туристов в приграничных районах немного. Посетителей привлекают выставки, которые проводят музеи: *«Выставки различные. Это и привозные выставки из Москвы и Петербурга. Была выставка бабочек из Воронежа. Популярны восковые фигуры, динозавры, керамика, картины курских художников. В основном выставки из Воронежа, Белгорода, Орла, Тамбова. Выставки местных художников. В нашем музее 500 картин, все подлинники».* Некоторые музеи организуют семейные праздники, превращая их в познавательные мероприятия: *«Мы свадьбы обрядовые проводим. У нас уже был один день рождения. Класс приходил. Подарочки подарили, провели экскурсию, и дети счастливые ушли домой».*

Библиотеки были и остаются центрами местной культуры, несмотря на снижение интереса к чтению: *«К нам читатели идут. Может, потому что у нас есть своя специфика. У нас же нет культурных центров, а библиотека находится в центре города. Может, поменялись предпочтения молодёжи, может, изменились интересы, но люди всё равно идут. Был период, когда хлынул поток детективов, читатели это брали, а сейчас более серьёзное чтение. У нас очень маленький бюджет, и на всё денег не хватает, не хватает литературы. Мы забыли те времена, когда к нам выстраивались очереди, но если приходит хорошая литература, то появляются и записи, и очереди».*

Библиотеки, как и музеи, осваивают новые виды деятельности, формируют практики, которые довольно быстро становятся устойчивыми, превращаясь в неформальные институты. Они создают информационные центры (юридические, политические, образовательные), проводят выставки и чтения. Во многих районах библиотеки объединяют местных поэтов, писателей и художников. Как и дома культуры, они организуют клубы по интересам: *«В клубе писателей «Вдохновение» около двадцати человек. Вообще у нас 8 клубов по интересам. У нас есть клуб ветеранов, собирают человек 45–50, но они очень активные, у них тоже разные темы, мы им готовим разные развлекательные мероприятия. Есть клуб «Надежда», это клуб пожилых и в основном одиноких женщин. Есть клуб «Садовод-огородник». К сожалению, клуба художников у нас нет, хотя художники есть. Мы устраиваем разные выставки, народ туда ходит. Вход бесплатный. И детей к нам водят с удовольствием. Мы даже составляем график, чтобы не было накладок».*

Дублирование функций характерно даже для небольшого города или посёлка. Практически все организации культуры создают кружки и клубы по интересам, проводят выставки. Однако в итоге они разделяют свои задачи, причём делают это достаточно тонко. Так, например, детский дом творчества общается к искусству всех детей без исключения; дом культуры предоставляет самым талантливым возможности выхода на региональный или федеральный уровень через участие в конкурсах; музыкальная школа даёт профессию: *«У Дома культуры есть свои танцевальные кружки. Когда наши начинают «звездиться», их переманивают туда. Там у них появляются перспективы выйти на большую сцену. Дом культуры отбирает тоненьких, фигуристых. У нас занимаются все: и толстые, и кривые. Если ребёнок хочет танцевать или петь, мы его берём. Но если наш педагог понимает, что ребёнок талантливый, сразу советует идти в музыкальную школу. Мы сертификатов не даём, а там ребёнок уже и профессию приобретает»*. Отметим, что предусмотреть заранее и закрепить институционально такого рода различия в правилах и нормах практически невозможно, они формируются работниками различных организаций культуры в ходе их взаимодействий друг с другом и с населением. Обнаружить какой-то общий паттерн в этих взаимодействиях едва ли возможно; они, во-первых, ситуативны, во-вторых, индивидуальны, так как зависят от конкретных личностей. Художников может в одном районе объединить музей, в другом – библиотека, а в третьем такого объединения нет вовсе, но есть клубы поэтов или писателей.

Функционирование всех трёх систем предполагает работу профессионалов. Профессионализм, по мнению наших респондентов, обязателен, однако некоторые из них говорили о нарастающем дефиците специалистов: *«Последние годы у нас в области не готовят специалистов. Раньше у нас были колледжи культуры, работало заочное отделение Института культуры, но его закрыли, и притока специалистов не стало. Мы иногда берём педагогов, а недавно взяли с музейным образованием»*.

В культурной сфере легче всего устанавливаются связи с ближним зарубежьем. В граничащих друг с другом районах проводятся фестивали, конкурсы, шахматные турниры. Пожалуй, наиболее тесными и разнообразными они являются в Псковской области, часть которой ранее входила в состав Эстонской ССР. В этом случае взаимодействие не ограничивается конкурсами и концертами, в приграничных районах осуществляются и международные проекты при поддержке ЕС. Граница здесь не воспринимается как граница с НАТО, т. е. с потенциальным противником. Однако в Курской области летом 2014 г. ситуация изменилась в связи с войной на Донбассе и резким ухудшением межгосударственных отношений. Культурные связи прерваны и на районном уровне.

Всё зависит от человека: организация или самоорганизация?

Как и в других регионах, в приграничье всё зависит от человека, этот тезис в той или иной форме повторяют почти все наши респонденты. Задача руководителя – найти человека, готового данное направление развивать, наделённого знаниями, умением и талантом, активной жизненной позицией: *«Очень трудно найти интересных людей. В пржевальском доме детского творчества их больше, там национальный парк, к ним больше народа едет. У нас город заурядный, но если приезжает кто, мы пытаемся отыскать у него какие-нибудь способности. Если человек оказывается интересным, привлекаем к работе с детьми».* Но если такой человек по каким-то причинам уходит, то и работа направления в целом приостанавливается, теряется её качество, падает популярность: *«Раньше много людей приходило. Был театр, приходили разного возраста люди, театр был бесподобный. Но женщина, которая режиссёром была, уже на пенсии давно. И сейчас всё заново нужно начинать, пока только молодёжь учим».*

Обеспеченность ресурсами также зависит от личностных качеств работников или менеджеров: *«У нас есть танцевальный кружок «Надежда», руководит им директор школы искусств. Она волевая женщина и выбивает спонсорскую помощь, да и родители заинтересованы. За счёт этого дети чаще гастролируют, за границу выезжают».*

В этой ситуации очень сложно обнаружить чёткую границу между функционированием управленческой вертикали и самоорганизацией местного сообщества. Более того, именно актор является источником организационного и институционального развития, создавая различные центры, клубы, ансамбли, разрабатывая новые мероприятия: *«Папа работает в доме культуры, уже давно, лет пять. Он организовал здесь свой кружок студии эстрадного пения «Веретено», туда ходят моя дочь и племянница. Они лауреатами в международном конкурсе стали».*

Сети взаимодействий также являются результатом деятельности местных акторов. Все организации достаточно активно взаимодействуют друг с другом и с множеством других структур: государственных, политических, общественных, религиозных. В итоге формируется конфигурация разнообразных связей, которая не повторяется даже в пределах одного района. Так, в райцентре церковь сотрудничает только с библиотекой. В одном из посёлков этого же райцентра взаимодействия установились с местным приходом, библиотекой и домом культуры. Связи устанавливаются с обществами инвалидов, с монастырями, политическими партиями и т. п.

На местном уровне всё зависит от человека (это подтверждают почти все респонденты). Задача руководителя – найти человека, готового данное направление развивать, наделённого знаниями, умением и талантом, активной жизненной позицией.

В современной ситуации сложно обнаружить чёткую границу между функционированием управленческой вертикали и самоорганизацией местного сообщества. Более того, именно актор является источником организационного и институционального развития, создавая различные центры, клубы, ансамбли, разрабатывая новые мероприятия.

Анализ устойчивых практик не позволяет отделить управление от самоорганизации даже в тех случаях, когда они иницируются властью. Праздники являются, пожалуй, наиболее ярким примером такого соединения действий управленческой вертикали и низовой инициативы. Они объединяют всех местных акторов и вовлекают практически всех местных жителей. В подготовке и проведении праздников, помимо всех перечисленных выше учреждений культуры, участвуют власти, бизнес, церковь, школы и др. Популярны все праздники: государственные, церковные, местные: *«День России был 12 числа. Стараемся в каждом концерте, на каждом государственном празднике показать все коллективы, которые у нас есть. Если не сразу в концерте, то вечером клуб общения организуем возле фонтана: люди танцуют, духовой оркестр играет, там же и детский духовой оркестр. А открывает вечер у нас хор в красивых костюмах, всё это здорово»*; *«Масленица в прошлом году прошла как никогда. Были и русские народные танцы. Давно такого праздника не было, спасибо молодёжи, которую мы привлекаем. Они и сами тянутся, даже не за поощрение, хотя мы каждого стараемся отметить»*; *«9 Мая и День города – самые сложные праздники. У нас получается точек очень много в городе, а людей мало. Начинаем мы на братской могиле в Боровском в 9 утра, потом митинг в 11 на площади, с площади – сразу к вечному огню, параллельно проходит детский концерт в парке, тут же мы идём на фронтовой обед играть, танцевать и развлекать, перерыв 2–3 часа, игровые детские вечера начинаются, здесь клуб общения и вечерний концерт»*.

По словам некоторых респондентов, самыми любимыми и посещаемыми праздниками являются День города, 9 Мая и Новый год. Новый год местное сообщество встречает вместе: *«Масса народа собирается на Новый год, мы работаем ночь. С 8 до 10 часов вечера концерт идёт театрализованный. У нас всегда и на митинге театрализация обязательно присутствует: любой митинг, любой праздник – всё театрализовано»*.

Помимо дня города есть и другие локальные праздники, например, «День огурца»: *«У нас Демидов – огуречный город. Мы огурцы выращиваем, продаём в Смоленске. В июне месяце праздник. Все свои огурцы приносят, свежие и солёные. Хозяйства выставки организуют. Разную продукцию представляют – от клюквы до свинины. Игры, аттракционы проводят»*.

Особой разницы между праздниками местными и государственными в восприятии жителей нет. Напротив, что ранее считалось принудительным и официальным, спущенным сверху, в настоящее время активно поддерживается снизу: *«Раньше говорили, что в советское время принуждали идти на демон-*

страцию. Сейчас люди по ним соскучились. Их никто на демонстрацию Первого мая не принуждал идти, пришли сами. Или, скажем, прошёл «Бессмертный полк», так места не было, площади не хватило, чтобы уместился весь народ с фотографиями».

Следует отметить, что и повседневную деятельность государственных учреждений культуры сложно разделить на формальную и неформальную. Как было показано выше, музеи и библиотеки не только предоставляют пространство для работы клубов и других творческих организаций, но часто инициируют их создание. Сами работники выступают одновременно в роли активистов, выполняющих значительно больший объём работы, чем тот, что требуется по инструкции или оплачивается.

Заключение

Деятельность государственной культурной триады в приграничных районах оказалась достаточно сложной для анализа. Она ускользала от слишком формальных и фиксирующих категорий. Формальные и неформальные институты не поддавались разделению, государственные структуры демонстрировали гибкость, их состав и характер деятельности менялся от района к району, занятые в них управленцы и профессионалы были активистами не в меньшей мере, чем участники общественных объединений, а их действия сложно интерпретировать категориями шаблона или образца.

В то же время невозможно отрицать значимость структур и институтов. Скорее наблюдается симбиоз вертикали управления и самоорганизации в сфере культуры. Государственные структуры предоставляют акторам спектр возможностей и пространство действий. Они также обеспечивают культурную деятельность ресурсами, пусть небольшими, но в настоящее время достаточно стабильными. Профессионализм работников-активистов позволяет формировать и сохранять культуру сообщества, предотвращая её архаизацию.

Можно утверждать, что культурная триада играет ключевую роль в создании местной культурной среды. Наиболее важными представляются следующие её особенности:

- соединение классики, современности и народности, причём народное творчество в домах культуры часто играет ведущую роль и представлено именно в его местном варианте; следует подчеркнуть, что деятельность музеев и библиотек также сконцентрирована на разных аспектах локальности: местной природе, местной истории, творчестве местных поэтов и писателей;

- сочетание потребления культуры и участия в её создании; культурный досуг может быть активным и пассивным; профессионалами являются только руководители творческих

Наблюдается симбиоз вертикали управления и самоорганизации в сфере культуры. Государственные структуры предоставляют акторам спектр возможностей и пространство действий, обеспечивают ресурсами, хотя и небольшими, но стабильными. Профессионализм работников-активистов позволяет формировать и сохранять культуру сообщества, предотвращая её архаизацию.

коллективов, театров и различных кружков; общая установка на развитие местной культуры требует не только творчества и просвещения, но и осуществления исследовательской деятельности, в которую также вовлекаются местные жители;

- формирование устойчивых практик, объединяющих всех социальных субъектов локальности, способствующих консолидации сообщества. Основным типом таких практик являются праздники.

Без всякого сомнения, местная культурная среда улучшает морально-психологический климат в приграничных локальностях. Активизм работников культуры, готовых выполнять большую работу за малые деньги, делает эту работу относительно независимой от финансирования, а потому её формирование слабо связано с экономической ситуацией. Это затормозило разрушительные процессы в удалённых сообществах в 1990-е гг., предотвращает их и в наши дни.

Местная культура ориентирована на воспитание патриотизма и любви к малой родине во всех трёх регионах. В то же время отражения особой роли приграничья не выявляется. Сравнение полученных результатов с выводами наших предыдущих исследований показывает, что культурная среда пограничных локальностей Смоленской, Псковской и Курской областей практически ничем не отличается от культурной среды других регионов России. Формирование постоянной оборонительной готовности прослеживается в Смоленской области, но это обусловлено самой её историей, географическим положением Смоленска, едва ли не регулярными наступлениями и отступлениями захватчиков по старой смоленской дороге. Культурные связи с районами, находящимися по ту сторону границы, несомненно играют важную роль в создании положительного имиджа страны на местном, самом близком к человеку, уровне. Однако опыт Курской области показал, что связи быстро рвутся в ситуации конфликта, а созданный ими образ исчезает под воздействием пропаганды. По словам одного из местных жителей: *«Сумская область насупилась и отвернулась от нас»*. Причины только лишь положительного образа соседа понятны. Государственная граница появилась здесь лишь после распада СССР, долгие годы территории с обеих сторон границы были одной страной. Кроме того, в сфере культуры не прослеживается специальной стратегии федерального центра по отношению к приграничным территориям. В настоящее время она становится жизненно необходимой. Как было показано выше, учреждения культурной триады могли бы быть для неё эффективными каналами уже потому, что они соединяют централизованное управление и местную самоорганизацию, а их роль в жизнедеятельности сообщества, в формировании его морально-психологического климата пока ещё очень велика.

Активизм работников культуры, готовых выполнять большую работу за малые деньги, делает эту работу относительно независимой от финансирования, а потому её формирование слабо связано с экономической ситуацией. Это затормозило разрушительные процессы в удалённых сообществах в 1990-е гг., предотвращает их и в наши дни.

Местная культура ориентирована на воспитание патриотизма и любви к малой родине.

Библиографический список

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 188 с.

Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. М.: Академический Проект. 880 с.

Турен А. 1998. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир. 204 с.

Cultural Milieu of the Border Lands: Structure and Actors

Aksenova Olga Vladimirovna

Candidate of sociological sciences, leading researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Abstract. The paper presents the results of the research on the activities of the state cultural structures of the three border regions (Smolensk, Pskov and Kursk). The public cultural infrastructure of Russian localities includes “houses of culture” or clubs, museums of local history, and libraries. The paper shows that the structure of these organisations is transforming by the creation of new subdivisions. The organisations could also incorporate non-governmental organisations and groups in any form. State structures could initiate the creation of such groups in some cases. As a result, complicated and unique networks are forming in each district. These networks contain various actors, such as religious and political structures, businesses, nongovernmental organisations, etc. All these organisations provide the possibilities for both the consumption of culture and active participation in it. This is one of the most important features of the local cultural milieu. The paper reveals the role of an actor in the functioning of the above state structures and shows that their efficiency depends on the social activism of the employees and the form of the networks. The forms of activity are determined by the personality of the managers or professionals and reveal the phenomenon of the conjunction of public administration and self-organisation. The activities of all structures are focused largely on the local culture, local history and local nature. Such patriotic orientation is revealed in all investigated regions. Local cultural organisations interact with a neighbour state’s cultural structures at the local level and create a positive image of the country. The paper shows that such ties could be destroyed because of radical worsening of the relations between states. There are small differences between the cultural milieu of the border and all other Russian regions because of traditionally good relations with Ukraine, Belarus and Estonia on the one hand and the absence of a clear state strategy for the cultural development of border regions on the other hand. Such a strategy is vitally important under modern circumstances.

Keywords: culture, cultural milieu, cultural infrastructure, local culture, structure, actor, sustainable practices.

References

Nort D. Instituty, institutsional’nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change, and Economic Performance]. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «NACHALA», 1997. 188 p.

Parsons T. O strukture sotsial’nogo deistviya [The Structure of Social Action]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2000. 880 p.

Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii [Le Retour de l’acteur]. Moscow, Nauchnyi mir, 1998. 204 p.

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

П о л и т и ч е с к и е п а р т и и и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора по изучению социокультурного развития регионов России Институт социологии РАН, Москва

E-mail: kirvik@bk.ru

Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения

Аннотация

В статье¹ излагаются результаты исследования, проведённого в мае–июле 2014 г. в трёх приграничных областях России: Смоленской, Псковской и Курской. В фокусе внимания автора – деятельность политических партий и общественных движений в указанных регионах, их взаимодействие с региональными и муниципальными властями, особенности политического поведения жителей, трансграничное сотрудничество. В качестве основных методов исследования использованы визуальное наблюдение и глубинное интервью, а также анализ веб-сайтов, местных СМИ, нормативных документов. В статье показано, что основным фактором, определяющим жизнь местных сообществ, являются локальные акторы – авторитетные на местах люди, чья деятельность, как правило, не связана непосредственно с политикой. Именно в участии локальных акторов в деятельности политических партий автор видит причину успехов партий на выборах. Этим же обусловлено и то, что политические партии и общественные движения ведут весьма активную деятельность, однако в публичном пространстве представлены незначительно. По мнению автора, локальные акторы, обеспечивающие партиям электоральные результаты, сами используют партии в интересах собственных проектов и не тратят силы на их рекламу вне предвыборных кампаний. Автор обращает внимание и на тот факт, что образ провинции, формируемый центральными СМИ и блогосферой, абсолютно не соответствует реальному положению вещей. Даже не в областных центрах, а в районах и поселениях, несмотря на незначительность финансовых ресурсов, существует весьма активная социальная жизнь. Но эта бурная деятельность, как правило, обращена не в политическую, а в культурно-образовательную сферу. Также в статье рассматриваются особенности трансграничного сотрудничества. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что говорить о существовании российского приграничья как особого кластера пока не приходится: приграничное положение жителями пока не осознано и в их политическом поведении не отображается.

Ключевые слова: Россия, приграничные регионы, политология, политическая социология, политические партии, гражданское общество, трансграничное сотрудничество, местные сообщества

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества»).

Происходящие в последнее время события: распад Украины, присоединение Крыма, конфронтация с США снова пробудили интерес к двум почти уже забытым темам: патриотизму и обороноспособности. Об этом стали регулярно говорить руководители государства, лидеры политических партий, эксперты и публицисты. Применительно к предмету наших исследований (социально-политическое и социокультурное развитие регионов России) эти темы заставляют обратить внимание на российское приграничье – регионы, расположенные непосредственно у государственной границы Российской Федерации.

Наша выборка включала три региона – Псковскую, Смоленскую и Курскую области. Выбор регионов для исследования определялся их характерными особенностями, имеющими значение для наших изысканий.

Псковская область граничит непосредственно с государствами-членами Евросоюза и НАТО – Эстонией и Латвией. И, хотя она не относится к «старому приграничью» (регионы, где проходила государственная граница СССР), её пограничный статус имеет глубочайшие исторические корни. Территория, ныне относящаяся к Псковской области, была пограничной областью Руси с древнейших времён до 1721 г., здесь же проходила государственная граница Советской России в период 1918–1940 гг.

Смоленская область граничит с Республикой Беларусь – наиболее дружественным России государством, членом Евразийского союза, на границе с которым даже нет контрольно-пропускных пунктов. Вместе с тем исторически Смоленщина всегда считалась форпостом России: со времени присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г.^{1*} город всегда вставал на пути агрессоров. Даже после 1772 г., когда государственная граница прошла далеко к западу, именно на смоленской земле разыгрались крупнейшие сражения и в 1812, и в 1941 гг.

Курская область граничит с Украиной. Украинскую границу в этом месте отделяет от Москвы около 500 км, что, с учётом нынешней напряжённости в отношениях, создаёт в данном регионе серьёзные риски и вынуждает обратить внимание на оборонную составляющую. Кроме того, именно в Курской области расположен ключевой объект экспортной инфраструктуры ОАО «Газпром» – Суджанская газораспределительная станция, на которую всегда устремляются телевизионные репортёры, как только возникают затруднения с поставками российского газа на Украину и в Европу. Потому, хотя эпицентр конфликта (Донбасс) расположен достаточно далеко оттуда, влияние украинского кризиса ощущается там весьма остро.

¹ В августе сего года исполнилось 500 лет этому историческому событию.

В качестве основных методов исследования мы использовали визуальное наблюдение в соответствии с принципами «третьей социологии» [Штомпка 2009: 6] и глубинные интервью с представителями администрации, политических партий и общественности. Визуальное наблюдение в нашем случае даёт очень значимый материал для научного анализа. Проведённые нами ранее исследования в регионах показали, что если основываться только на анализе СМИ и веб-сайтов, не посещая регионы и не наблюдая жизнь локальностей непосредственно, можно прийти к ошибочным выводам. Визуальное наблюдение позволяет существенно скорректировать данные, полученные иными методами.

Глубинное интервью гораздо ближе целям нашего исследования, нежели массовый опрос. Поскольку нас интересуют определённые аспекты жизни регионов, нам важно мнение компетентных людей, непосредственно задействованных в соответствующих сферах жизнедеятельности: будь то сельское хозяйство, партийное строительство, социальные движения, электоральный процесс, образование или культура. Кроме того, формат интервью позволяет корректировать вопросы в ходе беседы, задавать наводящие, уточняющие вопросы и т. д. Особенностью нашего метода является и то, что мы по возможности общаемся с респондентами непосредственно на их рабочих местах, а не на «нейтральной территории», что позволяет нам совмещать интервью с визуальным анализом и некоторыми элементами включённого наблюдения. Всё это в совокупности даёт возможность получать данные, ускользающие от исследователя в массовых опросах, особенно с вопросами закрытого типа.

В ходе исследования для корректировки полученных данных мы прибегали также к анализу веб-сайтов, местных СМИ, изучению нормативных документов. Опирались и на итоги ранее проведённых нами исследований в других регионах России. Это позволило сделать ряд существенных, на наш взгляд, наблюдений, которые мы изложим в данной статье.

Политическая жизнь изученных регионов кажется весьма насыщенной. В областных законодательных собраниях представлены все парламентские партии, кроме них в Псковской области есть один депутат от партии «Яблоко», а в Смоленской – от Партии пенсионеров.

Единая Россия, однако, везде обладает существенным перевесом. Даже в Смоленской области, где действующий губернатор состоит в другой партии (ЛДПР), фракция Единой России – самая крупная: 36 депутатов из 48. Последнее свидетельствует о некоторой ошибочности представления о роли административного ресурса в региональных избирательных кампаниях.

Политическая жизнь изученных регионов кажется весьма насыщенной. В областных законодательных собраниях представлены все парламентские партии, кроме них в Псковской области есть один депутат от партии «Яблоко», а в Смоленской – от Партии пенсионеров.

Существует тенденция к увеличению разнообразия партийного состава региональных парламентов. Так, ещё в областных законодательных органах предыдущего созыва, полномочия которых закончились только в 2012–13 гг., количество депутатских объединений было меньше. В Смоленской области, например, присутствовали только три партии – Единая Россия, КПРФ, ЛДПР (сегодня к ним добавилась Справедливая Россия); в Псковской области – 4 парламентских партии, а на последних выборах к ним добавилась пятая – Яблоко, хоть и представленная всего одним депутатом. Если обратиться к ещё более раннему времени, можно видеть, что в той же Псковской области в парламенте созыва 2002–07 гг. были представлены только 2 партии – Единая Россия и КПРФ; в Смоленской области в этот же период подавляющее большинство депутатов вообще формально были внепартийны – выдвигались избирателями (хотя позднее примкнули к Единой России). Это ещё раз доказывает наличие тенденции к большему разнообразию партийного состава.

На первый взгляд, эту тенденцию можно было бы связать с протестными выступлениями осени 2011 – весны 2012 гг. и последовавшими затем политическими реформами. Но, по нашему мнению, это не вполне правильно. Во-первых, как можно видеть из приведённого выше примера, число представленных в региональных парламентах партий выросло уже по итогам выборов 2007 г. Во-вторых, в рассмотренных регионах по итогам выборов 2013 г. ни один представитель так называемых «новых» или «несистемных» партий не прошёл в региональный законодательный орган.

Поиск подлинных причин возникновения такой тенденции неизбежно приводит к выводу о слабости методологии, видящей причины любых социально-политических изменений исключительно в институциональных трансформациях, прежде всего нормативно-правового характера [Подъячев 2014: 130].

По мнению практически всех респондентов, которым мы задавали вопрос о причинах электоральных успехов политических партий, главный фактор успеха состоит в привлечении в партию авторитетных в регионе (или на отдельной территории, если речь идёт о мажоритарном округе) людей. Это как раз те люди, которых мы выявляли и в прежних наших исследованиях, определяя как «локальных акторов» [Подъячев 2013: 89] и о которых ещё скажем ниже. Именно их участием в той или иной партии и объясняли респонденты достижения данной партии на выборах. Наибольшее число таких людей состоит в Единой России, плюс в её пользу играет большой авторитет В. Путина, который в глазах большинства населения продолжает ассоциироваться с партией. То, что В. Путин формально в ЕР не состоит, а официально партию возглавляет гораздо менее популярный в регионах Д. Медведев, на электо-

Выявлено наличие тенденции к большему разнообразию партийного состава законодательных органов власти в регионах.

В рассмотренных регионах по итогам выборов 2013 г. ни один представитель так называемых «новых» или «несистемных» партий не прошёл в региональный законодательный орган.

Главный фактор электорального успеха состоит в привлечении в партию авторитетных в регионе или на отдельной территории людей. Наибольшее число таких людей состоит в Единой России.

ральных позициях ЕР не сказывается. Локальные акторы, как можно судить по проведённым интервью с некоторыми из них, видят в Единой России прежде всего возможность наиболее эффективной реализации собственных проектов^{1*}, поскольку партия обладает наиболее мощными ресурсами и связями в федеральном центре.

В пользу КПРФ играет также наличие традиционного электората – в основном людей пожилых, испытывающих сильную ностальгию по СССР, которые голосуют за эту партию, невзирая ни на что.

Что касается других партий – Справедливой России, ЛДПР, и особенно «непарламентских», – то их достижения на выборах в исследуемых регионах, надо полагать, полностью зависят от привлечения в партию так называемых «локальных акторов». За прошедшее время эти партии научились работать с ними; кроме того, появились авторитетные люди, по тем или иным причинам не нашедшие общего языка с Единой Россией, и они вошли в состав партий, позиционирующих себя как оппозиционные. Конечно, для локальных акторов более привлекательны парламентские партии, обладающие большими ресурсами и имеющие определённые лоббистские возможности на федеральном уровне. Однако в тех случаях, когда кто-либо из локальных акторов примыкает к партии непарламентской, её шансы провести в региональный парламент хотя бы одного кандидата резко увеличиваются.

Впрочем, всё сказанное выше можно было бы выяснить и из одного анализа веб-сайтов соответствующих законодательных органов и политических партий. Непосредственное наблюдение на местах позволило выявить ещё одно значимое явление. Все описанные политические партии в рассматриваемых регионах ведут весьма оживлённую деятельность. Самое главное, что по большей части она не связана с узкополитическими, электоральными целями, в большой степени обращена в социально-благотворительную и гуманитарную

¹ Необходимо уточнить, что речь идёт отнюдь не только о бизнес-проектах. Локальные акторы – это далеко не всегда предприниматели. Часто это директора школ, музеев, местных клубов; подчас просто инициативные граждане. Их «проекты» – некоммерческие и часто имеющие большое социальное значение. К примеру, авторитетный, уважаемый директор школы хочет открыть при школе творческий центр. Денег на это ни в районном, ни в областном бюджете нет – и он идёт в Единую Россию, чтобы с её помощью добыть средства в федеральном центре. С таким явлением мы постоянно сталкивались в исследуемых регионах.

сферу. Например, партии активно участвуют в организации спортивных мероприятий, в антинаркотических и антиалкогольных кампаниях, проводят разного рода «культпоходы» и т. п. Особенно в такой деятельности преуспевает ЛДПР. Партии, причём отнюдь не только Единая Россия, активно участвуют и в мероприятиях подобного рода, организованных по инициативе властей. В этом случае об «оппозиционности» и политических разногласиях забывают. Вместе с тем партии участвуют и в протестных акциях, причём, как правило, не являясь их инициаторами. Большая часть протестных акций в регионах носила каузальный характер и первоначально инициировалась внепартийными гражданскими активистами. Представители политических партий однако, присоединялись к ним в процессе, демонстрировали партийную символику, чем способствовали привлечению внимания СМИ к акции, вообще придавали ей некоторый публично-политический характер. Представляется, что участие партий в этом случае было значимым фактором, склонявшим власти к компромиссу с протестующими гражданами. Хотя в подобном «вовлечении» в протестное движение пальму первенства держит КПРФ, другие оппозиционные партии также участвуют, причём подчас одновременно.

Но надо отметить, что описанная выше деятельность мало заметна для стороннего наблюдателя (и, по словам многих наших респондентов, для большинства жителей региона тоже). Вне предвыборных кампаний политические партии словно бы отсутствуют в публичном пространстве. Все они, даже могущественная Единая Россия, не формируют повестку дня, не задают направление публичного дискурса. Тщательное визуальное наблюдение не выявило практически нигде партийной символики, каких-либо агитационных плакатов и т. п. Если в изучаемых нами ранее регионах встречались рекламные щиты ЕР, ЛДПР, то в рассматриваемых приграничных не обнаружили почти ни одного. Все опрошенные респонденты, за исключением самих партийных активистов и работающих с партиями чиновников областных администраций, отвечали отрицательно на вопрос о том, сталкивались ли они в своей работе с политическими партиями. А на локальном уровне партии вообще представлены крайне слабо. Да, в муниципальных собраниях присутствуют представители партий, но их партийная принадлежность почти никак не отражается на их деятельности. На уровне районов, не говоря уже о поселениях, партии часто даже не имеют координаторов. На первый взгляд, учитывая сказанное выше об участии локальных акторов в работе политических партий, это может показаться парадоксальным. Но анализ показывает, что никакого противоречия здесь нет. Локальные акторы приходят в партии ради поддержки своих проектов, которые они реализовывали бы и вне партии. После

Все описанные политические партии в рассматриваемых нами регионах ведут весьма оживлённую деятельность. По большей части она не связана с узкополитическими, электоральными целями, в большой степени обращена в социально-благотворительную и гуманитарную сферу.

выборов они продолжают заниматься прежде всего тем, чем занимались и прежде, уделяя основное внимание своему главному проекту, и у них нет никакого желания дополнительно, вне выборов, рекламировать партию. Узнаваемость партии, её «бренда», и все прочие маркетинговые достижения локальным акторам не нужны – ведь это не они получают известность и авторитет от партии, а наоборот – партия от них¹.

Но надо отметить, что относительная незаметность политических партий (особенно на локальном уровне) вовсе не означает отсутствия социальной активности. В этом плане проведённое исследование полностью подтвердило выводы, сделанные нами ранее, по итогам исследований в других регионах страны [Подъячев 2013]. Образ провинции, особенно удалённой от столиц, формируемый центральными СМИ и, казалось бы, автономной и плюралистичной блогосферой, абсолютно не соответствует реальному положению вещей [Аксёнова 2013]. Рассматривая даже не областные центры, а районы, малые городские и сельские поселения, мы видим, что, несмотря на незначительность финансовых ресурсов, там, как правило, существует весьма активная социальная жизнь. Однако она обращена не в политическую, а в культурно-образовательную сферу и поддерживается теми самыми локальными акторами, чья деятельность мотивирована в основном энтузиазмом и чувством патриотизма. Именно локальные акторы, а не институты определяют жизнь местных сообществ – и в рассматриваемых нами приграничных регионах это, при надлежаще организованном наблюдении, видится столь же чётко, как на других, не приграничных, территориях. Особенным успехом в последнее время пользуются мероприятия патриотической направленности. Ярким примером такой деятельности стала акция «Бессмертный полк»², прошедшая во всех изученных регионах в День Победы (акция проходила как в областных центрах, так и в муниципальных районах). Идея её изначально исходила от властей, но была поддержана всеми политическими партиями и общественными движениями. Успех акции превзошёл все ожидания – во всех рассмотренных нами регионах она прошла, можно сказать, с аншлагом: помимо представителей общественных движений, патриотических, ветеранских организаций, тех же политических партий, заранее готовившихся к акции, в мероприятии приняло участие большое количество

¹ Можно заметить, что нечто подобное наблюдаем мы и на федеральном уровне – В. Путин даже не является членом Единой России, но, поддерживая партию, приносит ей едва ли не большую часть голосов на выборах всех уровней, а занятие Д. Медведевым поста председателя партии отнюдь не добавило ему очков.

² Суть акции – жители города приходят на центральную площадь города с увеличенными фотографиями своих родственников – участников Великой Отечественной войны, и шествием проходят по улицам.

жителей. Успех проекта «Бессмертный полк» показал, что в рассматриваемых нами регионах 9 Мая в действительности консолидирует граждан на почве общей исторической памяти.

Попытки поиска в политической жизни изучаемых регионов какой-либо «приграничной» специфики показали, что приграничное положение ни на деятельности политических организаций, ни в политическом сознании жителей никак не отображается. Так, во всех трёх регионах политические партии, представленные в законодательных органах, даже в своих предвыборных программах почти не ссылались на приграничное положение региона. Какие-либо специфически «приграничные» проблемы в публичном дискурсе почти не фигурируют. Если что и обсуждается в местных СМИ, включая и партийные, и «оппозиционные», то никак не вопросы, связанные с приграничным положением. Анализ обращений граждан, поступающих в партии или органы власти, также показывает, что основные вопросы, волнующие жителей данных регионов, такие же, как и в других частях страны: ЖКХ, пенсионное и медицинское обеспечение, недостаток рабочих мест. Более того, как можно судить по проведённым нами интервью, положение изучаемых регионов до сего дня не осознано их жителями на глубинном уровне как приграничное. И это при том, что мы проводили интервью с жителями не просто приграничных областей, но муниципальных образований, расположенных непосредственно у государственной границы! Конечно, жители понимают, что они живут вблизи другого государства, но почти не ощущают специфичности этого положения. Респонденты в пограничных районах Курской области (Рыльском и Суджанском) говорили, что ощутили «фактор границы» только в этом году, когда на Украине вспыхнул конфликт и возникли опасения, что военные действия могут докатиться и до них, как докатились до жителей Ростовской области. Можно было бы предположить, что Смоленская и Курская области граничат с Беларусью и Украиной, граница с которыми де-факто не демаркирована и почти не охраняется. Однако, в Псковской области, где граница с Эстонией и Латвией, входящими в ЕС и НАТО, чётко обозначена на местности и охраняется, мы наблюдали почти аналогичную картину. Историческое положение регионов как приграничных тоже, как видно, не играет существенной роли: и Смоленская область, и Псковская, которые были приграничными на протяжении веков, демонстрируют примерно такую же картину социально-политической ситуации, что и «глубинные» регионы страны. Более того, в Псковской области, которая в условиях нынешнего международного положения является едва ли не передовым рубежом, ощущение «оставленности» также присутствует. Так, многие жители области, и в числе их региональное руководство, всецело ориентированы на Санкт-Петербург,

Приграничное положение ни на деятельности политических организаций, ни в политическом сознании жителей никак не отображается.

словно бы уже и не рассчитывают на возможности развития своего региона. В других областях, как приграничных, так и «глубинных», мы такого не замечали.

Можно предположить, всё дело в том, что изученные нами три области во времена СССР приграничными не были, но всё-таки 23 года – достаточный срок, чтобы прочувствовать перемены. Кроме того, в Калининградской области¹, которая была пограничной и в СССР, ситуация весьма близка к описанной выше. Жители её, хотя и воспринимают свой регион как особенный, видят специфику не в приграничном положении, а в оторванности от «большой» России. Представляется, что основной причиной такой ситуации является отсутствие какой бы то ни было специфической «политики приграничья» у федерального центра на протяжении всего периода после распада СССР. Федеральное правительство не воспринимает приграничные регионы как зоны особого внимания, потому и на местах свою «особость» не ощущают. Однако в силу каких причин проблема особого статуса приграничных регионов не присутствует в публичном дискурсе и программах политических партий в самих этих регионах – вопрос, требующий дополнительного внимательного изучения. Пожалуй, единственной специфичной для приграничья чертой в социально-политической сфере, которую нам удалось выявить, является наличие трансграничных связей как на региональном, так и на муниципальном уровне, что было отмечено нами во всех рассматриваемых регионах.

В основном трансграничное сотрудничество осуществляется в рамках так называемых еврорегионов, идея которых была заимствована из Евросоюза. Еврорегионы объединяют две соседние области, расположенные в разных государствах. Так Курская область объединена с украинской Сумской областью в еврорегион «Ярославна»², Псковская область – с эстонскими уездами Тарту и Пыылва. В Смоленской области никакого еврорегиона нет, но там сотрудничество с Беларусью ведётся очень активно и без этого, и особенно интенсифицировалось после учреждения Таможенного союза и последовавшего за этим демонтажа КПП на границе. Трансграничное сотрудничество с Украиной в Курской области также велось весьма активно, но было прервано после произошедшего в Киеве переворота. Однако в случае Украины и Беларуси это сотрудничество с соседями не воспринимается как международное

¹ Калининградская обл. не была охвачена данным исследованием, но её мы имели возможность наблюдать ранее, в рамках проекта НИУ ВШЭ «Практика на Балтике».

² Назван так в честь княгини Евфросинии Ярославны, фигурирующей в «Слове о полку Игореве». В «Слове...» указано, что во время описываемых в тексте событий она находилась в г. Путивле, ныне расположенном в Сумской области близ границы с областью Курской.

и в политическую сферу (в узком смысле, как сферу электоральной борьбы) никак не проецируется. Оно охватывает прежде всего культурно-гуманитарную сферу. Так, в Смоленской области постоянно проводятся обменные выставки смоленских и белорусских художников, фольклорные фестивали, спортивные соревнования. Красненский район тесно сотрудничает с Дубровенским районом Могилёвской области Беларуси, делая это напрямую, без участия федеральных или областных властей. Причём сотрудничество это распространяется и на сельское хозяйство (например, районы во время уборки урожая оказывают друг другу помощь техникой).

В Курской области проводились мероприятия по культурному обмену с Украиной вплоть до весны 2014 г. В краеведческие музеи приграничных городов Суджи и Рыльска приезжали многочисленные экскурсии школьников из Сумской и Черниговской областей, даже из Киева. Также совместно с Православной Церковью и властями Сумской области организовывался крестный ход с почитаемой верующими иконой Богородицы из Горнальского монастыря в Курской области до украинского села Мирополье. И подобных акций во всех изученных регионах было множество.

Определённая специфика есть в Псковской области: межрегиональное трансграничное сотрудничество с эстонской стороны осуществляется в рамках программ Евросоюза. Псковские школьники, например, отправляются в поездки по Эстонии, многие отдыхают там в летних лагерях и т. п. Это финансируется и направляется из Брюсселя. Вследствие категорического неравенства возможностей одной области и Еврокомиссии в сотрудничестве возникает ресурсный дисбаланс, и оно из равноправного партнёрства (как в случаях с Беларусью и Украиной) превращается в канал определённого влияния. Можно думать, что это воздействие в гуманитарной сфере постепенно начинает проецироваться и в политику. Показательно, что именно в Псковской области на последних выборах в местный парламент прошёл кандидат от партии «Яблоко», единственной из выступавших на региональных выборах, которая чётко позиционирует себя как прозападная и выдвигает лозунг присоединения России к НАТО и ЕС.

Заключение

Разумеется, рассматриваемая нами здесь проблематика очень обширна, и даже схематичное её изложение требует гораздо большего объёма. Тем не менее, проведённое исследование, особенно в сопоставлении с итогами прошлогодних исследований в других регионах страны, позволяет сделать некоторые обобщения.

Первое. Политические партии и общественные движения в изученных регионах ведут весьма активную деятельность, однако в публичном пространстве представлены очень незначительно. И это вовсе не «зажим» со стороны властей: доминирующая «Единая Россия» также почти не замечена. Дело скорее в том, что существование локальностей определяется другими социальными силами.

Второе. В изученных регионах, как и в исследованных нами годом ранее регионах «глубинных», ведущую роль в жизни местных сообществ играют «локальные акторы». Электоральные достижения политических партий в большой степени связаны с привлечением их к партийной деятельности. Для партий же непарламентских участие локальных акторов является единственным основанием хотя бы минимального электорального успеха.

Третье. Во всех изученных регионах, даже в Псковской области, имеющей глубочайший исторический опыт существования в качестве приграничной территории, до настоящего дня положение региона не осознано на глубинном уровне как приграничное. В политическом сознании и политическом поведении жителей приграничное положение никак не отображается.

Четвёртое. Трансграничное сотрудничество на межрегиональном уровне последние годы шло весьма активно. Велась обширная работа в рамках так называемых «еврорегионов». Однако это сотрудничество в разных регионах носит различный характер.

В целом проведённое нами исследование показало, что социально-экономические, социально-политические и социокультурные характеристики приграничных регионов не позволяют говорить о «российском приграничье» как некоем особенном кластере. Хотя влияние приграничного расположения, несомненно, ощущается, в социальном плане оно не породило каких-либо специфических черт, характерных исключительно для приграничья. Наблюдаемые нами особенности каждого региона можно отнести скорее на счёт его собственной специфики, нежели специфики приграничья как такового. На наш взгляд, основной причиной этого является отсутствие на протяжении всего периода после распада СССР единой политики федерального центра в отношении приграничных регионов.

Пожалуй, только сейчас ситуация начинает изменяться: под воздействием возникшей в этом году напряжённости в международных отношениях, в первую очередь конфликта вокруг Украины, руководство страны, едва ли не впервые заговорило о проблемах, возникающих на границах страны [Путин 2014]. Хочется думать, что это не закончится одними разговорами и не выльется в очередную разовую кампанию, но приведёт к формированию устойчивой «приграничной политики»

Социально-экономические, социально-политические и социокультурные характеристики приграничных регионов не позволяют говорить о «российском приграничье» как некоем особенном кластере.

российского государства. Если это произойдёт, то можно будет сказать, что украинский кризис сыграл для нас и некоторую позитивную роль.

Библиографический список

Аксёнова О. В. 2013. Затерянный город: медийный конструкт и реальность // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 7. С. 62–74 URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Aksenova.pdf [Дата посещения: 29.10.14].

Подъячев К. В. 2013. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 7. С. 75–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Podychev.pdf [Дата посещения: 29.10.14].

Подъячев К. В. 2014. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. № 10. С. 129–134.

Путин В. В. 2014. Выступление 31 октября 2014 года на встрече с российскими офицерами, назначенными на высшие командные должности // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46904/print> [Дата посещения: 01.11.2014].

Штомпка П. 2009. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.

The Political Parties and Socio-political Development of Border Regions of Russia: The Experience of Direct Watch

Podyachev Cyril Victorovitch

Candidate of political sciences, researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kirvik@bk.ru

Abstract. This article is based on the presentation of the results of a study conducted in May-July, 2014, in three border regions of Russia: Smolensk, Pskow and Kursk. The author focuses on the activities of the political parties and social movements of these regions, studies their communication with the regional and municipal authorities, and analyses either the political behaviour or the cross-border cooperation of the inhabitants. The main research methods used by the author were visual observation, in-depth interviews, analyses of normative documents and content-analysis of web sites and local media. The author demonstrates that the main factors that determinate the life of the local communities are local actors – reputable local persons whose activities generally are not directly related to politics. However, as the author demonstrates, the success of any political party during elections is strongly determined by the participation of these local actors in the activities of political parties. One can see the same situation when active political parties and social movements are very slightly presented in the public space. According to the author, local actors who provide the electoral result to the parties use the parties in their own interests and do not spend time

campaigning for the party after the election campaigns are finished. The author draws attention to the fact that the image of the province generated by the national media and the blogosphere is not correlated with the actual situation. For example, despite the lack of financial resources, one can find a very active social life in the regional centres, in the regional district centres and villages. However, this activity used to be directed not to the political but to the cultural and educational sphere. The author also discusses the features of cross-border regional cooperation. According to the study, the author concludes that it is difficult to talk today about the existence of a Russian frontier as a special cluster: the border status is still not accepted by the residents and is not displayed in their political behaviour.

Keywords: Russia, the border regions, political science, political sociology, political parties, civil society, cross-border cooperation, local community.

References

Aksenova O. V. Zateriannyi gorod: medijny konstrukt i real'nost' [Lost City: Media Construct and Reality] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 7, pp. 62–74 URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Aksenova.pdf [date of visit 29.10.14].

Podyachev K. V. Nizhegorodskaja oblast': industrial'ny centr i hranitel' remiosel [Nizhni Novgorod Region: Industrial Center and Keeper of Crafts] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 7, pp. 75–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Podyachev.pdf [date of visit 29.10.14].

Podyachev K. V. K voprosu o roli politicheskikh partiy v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija v regionakh Rossii [The Role of Political Parties in the State and Municipal Government in the Russian Regions] – Vlast', 2014, no10, pp. 129–134.

Putin V. V. Vystuplenie 31 .10. 2014 na vstreche s rossijskimi oficerami, naznachennymi na vysshie komandnye dolzhnosti [Speech of October 31, 2014 at a Meeting with Russian Officers in Senior Command positions] – Officialnyi website President`a RF. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46904/print> [date of visit 01.11.2014].

Sztompka P. V fokuse vnimanija povsednevnaia zhizn': novy povorot v sotziologii [Daily Life is in Focus: a New Turn in Sociology] – Sotziologicheskie issledovanija, 2009, No. 8, pp. 3–13.

К методологии научных исследований

Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт

Каменский Евгений Георгиевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО Юго-Западный государственный университет, Курск

E-mail: kamensky80@mail.ru

Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт

Аннотация

В статье¹ представлена авторская концепция коррупционной культуры как социального феномена, осуществлена попытка его категоризации. Описываются функциональные, структурные, поведенческие и иные аспекты содержания изучаемого явления. В результате формируются и инструментально актуализируются теоретико-методологические и концептуальные основания научного анализа коррупционной культуры в социальной теории. Основными процессами институционализации коррупции, её идентификации как социокультурного явления выступают процессы легитимации и ритуализации коррупционных практик, типизируемые в условиях симуляции и имитации формальных социальных практик. Вследствие данной ситуации коррупция как нормативная среда начинает регулировать социальные отношения в обществе. В частности, в результате теоретических исследований было предложено авторское определение понятия коррупционной культуры, а также определены её особенности в России, заключающиеся в интеграции таких криминальных феноменов как национальная коррупционная традиция, коррупционная организационная культура и коррупционные деструкции институциональной организации социума. Сформирована модель функциональной структуры коррупционной культуры и механизмов её формирования в условиях аномии ценностно-нормативного пространства российского общества. Коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве. В этих случаях ценностно-нормативные компоненты коррупционных практик также основываются на специфике ценностно-нормативной матрицы института их локализации. Таким образом, в России коррупция как социальный феномен определённого ценностно-нормативного содержания пролонгируется в хронологическом контексте в социальную перспективу как компенсаторный комплекс дисфункций аномии социокультурной системы, обусловленной национальной традицией организации экономики и производства, спецификой социальной психологии населения и его профессиональных групп. Отмечается феномен альтернативности коррупции в отношении официального права. То есть идентифицируются два института регулирования формальных отношений, функционирующих параллельно, где каждый сопровождает процесс реализации формальных социальных практик посредством собственных методов – правовых либо криминальных (коррупционных).

Ключевые слова: коррупционная культура, коррупция, коррупционные риски, институциональная структура, социальный ритуал, легитимация, криминальные практики

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Коррупционные риски инновационного развития: социолого-криминологический анализ», проект № 13–33–01265.

Проблема коррупционной культуры в настоящее время не имеет комплексного научного объяснения. В первую очередь, не разработаны категориальные границы данного феномена, не определены непротиворечивые теоретико-методологические подходы к его анализу. Собственно, не представлен должным образом сам понятийный конструкт коррупционной культуры как научной дефиниции.

По нашему мнению, описанное состояние научной теории в данной области может быть объяснено уже самой противоречивостью лексического содержания понятия. Традиционно в обыденном, и нередко в научном, коммуникативном обмене термин «культура» и его производные определяются как нечто, содержащее социально полезные, конструктивные, собственно «положительные» характеристики какого-либо объекта. В свою очередь, понятие «коррупция» несёт в себе противоположные смыслы как в формальном, так и в нравственном аспекте его употребления. Следовательно, понятие «коррупционная культура» воспринимается как нечто внутренне антагонистичное, несовместимое.

Тем не менее, социально-онтологические характеристики культуры, при всем многообразии её определений, не содержат, за исключением аксиологических аспектов, каких либо предпосылок для выводов об её исключительно социально полезной роли и содержании. Кроме того, в истории социальной мысли как России, так и зарубежья, содержится немало положений, объясняющих культуру как деструктивно влияющий социальный факт в отношении естественных предпосылок развития личности и общества.

Для целей нашего исследования мы предполагаем принимать во внимание социологические, в первую очередь институционализирующие и ценностно-нормативные, аспекты содержания культуры как социального феномена, её системно-структурные и функциональные компоненты, интегративное значение в социальном пространстве.

В. П. Култыгин отмечает: «С середины 1980-х гг. стало расти понимание того, что культура является не только и не столько сферой художественного творчества, художественной рефлексии, но, прежде всего, в тесной взаимосвязи самых разнообразных форм поведения индивидов и групп с ценностями и их иерархическими конфигурациями в общественном сознании акторов. В этой связи возникли так называемые *cultural studies*... Задачей данного обществоведческого жанра стало раскрытие социальных механизмов, управляющих поведением людей, в первую очередь посредством идентификации и самоидентификации людей с определёнными общностями и присущими им нормативными системами» [Култыгин 2008:143].

Мы также, в контурах предмета нашего исследования, под основными компонентами культуры понимаем ценности и нормы общественной жизни, формирующие ценностно-нормативную матрицу социальных отношений. Данная конструкция будет носить универсальный характер в предметной области исследования, так как позволяет анализировать с означенных позиций любые объекты культурных практик вне зависимости от критериев их классификации. То есть любые номинально теоретически или эмпирически определённые группы социокультурных отношений могут быть исследованы с позиций ценностно-нормативного содержания, которое присутствует в них как системообразующий элемент, наряду с целеполаганием данных видов отношений.

Одним из предметных исследований проблемы определения содержания коррупционной культуры через ценностные характеристики является работа Т. А. Нестик. Он пишет, что в существующей научной литературе можно выделить три подхода к взаимосвязи культуры и коррупции. Согласно первому из них, сама коррупция является культурой (деловой или организационной) и должна анализироваться с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей. Второй подход восходит к структурному функционализму Т. Парсонса и Р. Мертона. В его рамках коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам, порождаемым конфликтом между элементами системы ценностей. В рамках третьего подхода коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры [Нестик 2002].

Полагаем, что особенности коррупционной культуры в России интегрируют в себе черты всех указанных типов коррупции, как в социально-содержательном, так и в детерминационном аспекте. В данном случае важно учитывать, что объектом, обладающим определённым ценностно-нормативным содержанием, выступают коррупционные практики как специфический вид социального взаимодействия. Следовательно, коррупционная культура может быть рассмотрена как результат процесса неформальной институционализации данного вида криминальных практик.

Этот вывод можно схематически представить моделью детерминаций особенностей российской коррупционной культуры (см. рис. 1).

Под основными компонентами культуры понимаются ценности и нормы общественной жизни, формирующие ценностно-нормативную матрицу социальных отношений.

Объектом, обладающим определённым ценностно-нормативным содержанием, выступают коррупционные практики как специфический вид социального взаимодействия. Следовательно, коррупционная культура может быть рассмотрена как результат процесса неформальной институционализации данного вида криминальных практик.

Рис. 1. Модель детерминаций особенностей коррупционной культуры России

В данном случае сложно установить прямые детерминационные связи между указанными явлениями, так как это требует проведения достоверного исторического анализа развития коррупции в России. В ранжировании хронологии детерминации социальных феноменов мы ориентировались на общепринятое в социологической науке понимание социальных процессов и механизмов. Тем не менее, очевидно, что все три причинных комплекса могут быть в равной степени идентифицированы в российской правовой культуре. В данном случае определённые ранги в механизмах причинности присвоены им на тех основаниях, что особенности национальной культуры определяются территориальными, географическими, природно-климатическими, геополитическими и иными причинами, носящими объективный, несоциальный характер, в то время как другие причинные блоки зачастую определяются собственно социальными основаниями. При этом, вне зависимости от детерминационного статуса в отношении друг друга, все три блока причин определяют особенности коррупционной культуры в России в равной степени.

Таким образом, в наиболее обобщённом виде процесс институционализации коррупционных отношений можно представить следующей процессуальной формой, согласующейся с общепринятой в социологии моделью формирования социальных институтов. Данный вид взаимодействий, имея длительную хронологическую и культурную историю в России, транслируясь в социокультурной институциональной системе хронологически и пространственно, типизируется. В результате формируются специфически ему присущие ценности и нормативы, то есть естественным образом происходит институциональное развитие определённого типа криминальных

отношений, что и соответствует социологической модели институционализации. По мере развития коррупционной модели отношений как вида криминальной практики, её системное содержание усложняется, варьируется в своих проявлениях, сохраняя основной идентифицирующий признак, заключающийся в определённой квалификации данных отношений с позиций нормативно-правового регулирования как коррупционных. Квалифицирующие признаки коррупции как преступления в уголовном законодательстве определяют критерии идентификации рассматриваемого вида отношений как коррупционных, формируют его видовую самостоятельность и социальную репрезентативность.

Кроме того, коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве. В этих случаях ценностно-нормативные компоненты коррупционных практик также основываются на специфике ценностно-нормативной матрицы института их локализации.

Таким образом, коррупционную культуру мы считаем возможным определять в первую очередь с позиций информационно-семиотического подхода как социально значимую информацию, транслирующуюся через определённые ценности, нормы, символы, смыслы. Тем не менее, данный подход не учитывает социально-поведенческий компонент коррупционных отношений, что, согласно антропологическому подходу к культуре, может быть компенсировано через введение в категориальный конструкт формы данного типа социальных практик (определённого способа человеческой жизнедеятельности).

Методологически ценным для нашего исследования мы считаем позицию К. Мангейма, определяющего следующие факторы, важные для формирования понятия культуры:

1. Релятивизация отдельных сфер культуры по отношению друг к другу, причём ценностный акцент делается на всей их совокупности.
2. Понимание относительности и преходящего характера любой исторической формы феномена культуры.
3. Осознание принципиально процессуального характера культуры.
4. Соответствующее образованию переживание феномена культуры как такового, идеал образования.
5. Антагонистическое размежевание понятия культуры и понятия природы.
6. Осознание общественного характера феномена культуры [Мангейм 2000: 239].

Коррупция, являясь сама по себе родовой формой определённого вида социальных отношений, имеет широкий спектр типичных инвариантов своей репрезентации, например, в соответствии со спецификой институциональных локусов осуществления коррупционных отношений в социокультурном пространстве.

Следовательно, по К. Мангейму, ценностный акцент переносится на весь феномен культуры, что мы полагаем существенным в анализе её коррупционного редукта. Также ценности как существенный элемент коррупции отмечает Т. М. Безубяк: «Результаты теоретического анализа проблемы коррупции показывают, что она выступает в качестве специфической формы социального взаимодействия, возникающей на основе изменения общественных ценностей и принятия в массовом сознании асоциальных установок. Такое социальное явление предполагает замещение функциональных взаимодействий, обеспечивающих реализацию общественных потребностей, в том числе практик хозяйствования, дисфункциональными практиками, узко групповыми эгоистическими притязаниями, подменяющими общественные интересы» [Безубяк 2010: 66]. Кроме того, в приведённой позиции идентифицируется компенсаторный, замещающий характер коррупции, что согласуется с выводами в отношении адаптации современной институциональной системы к аномии социокультурной среды, в том числе коррупционными способами. В условиях российской действительности данные процессы аккумулируются стойкой исторической традицией коррупции в условиях объективных онтологических предпосылок её возникновения как социально-правового феномена. В. Ю. Якутин пишет: «Коррупция как способ корыстного использования любого властного места существует всегда, пока существует власть, о каком бы обществе – первобытном, рабовладельческом, феодальном – ни шла речь. В условиях действия товарно-денежных отношений коррупционные приёмы меняются, приобретают в основном денежную форму» [Якутин 2010: 91].

Помимо устойчивой исторической традиции коррупции в России, её распространение и влияние на общественные процессы аккумулирует глобализация этого явления, отмеченная сегодня в научном сообществе [Серапина 2010: 81–87] и обусловленная общемировыми тенденциями формирования единого культурного и экономического пространства, ростом участия в общественных процессах транснациональных корпораций и межправительственных организаций, деятельность которых регулируется нормами международного (и международного частного) права, в которые не включены вопросы ответственности за коррупционные деяния, отнесённые к сфере национальной юрисдикции.

В свою очередь, на основе работы М. Ю. Попова [Попов 2010: 24–31], можно представить три модели наиболее общего понимания коррупции:

1. Как социально-правового явления, то есть как вида преступления.

Идентифицируется компенсаторный, замещающий характер коррупции, что согласуется с адаптацией современной институциональной системы к аномии социокультурной среды, в том числе коррупционными способами.

Помимо устойчивой исторической традиции коррупции в России, её распространение и влияние на общественные процессы аккумулирует глобализация этого явления.

2. Как следствия личностного мировоззрения, обусловленного субъективно-средовыми факторами.

3. Как исторически обусловленную неправовую нормативность.

По нашему мнению, описанные модели объяснения коррупции являются не самостоятельными определениями её сущности, а могут быть рассмотрены как характеристики различных аспектов её социальной онтологии. То есть необходима интеграция всех указанных аспектов в единое поле дефиниции коррупционной культуры, что возможно через её описание как сложного социального феномена.

На основании описанных выше методологических предпосылок, мы полагаем возможным сформулировать понятие коррупционной культуры, которая понимается как *совокупность ценностно-нормативных регулятивов коррупционной деятельности как институционального криминального явления, сформированная в результате исторического развития коррупционных практик социального взаимодействия, обуславливающая возникновение и преемственность типовых форм их осуществления в границах действующего в определённый хронологический период нормативно-правового контекста (законодательства) общества, а также сами социально репрезентативные формы коррупционной деятельности.*

Для структуризации данного понятия с целью определения его социально идентифицируемых проявлений, коррупционную культуру можно рассмотреть в трёх аспектах (или уровнях):

1. Массовый (макро), отражающий общее состояние проблемы, направленный на подтверждение факта существования самого феномена и масштабов его отражения в социокультурном пространстве общества.

2. Институциональный (меза), по особенностям локализации в тех или иных типах социальных институтов.

3. Групповой и индивидуальный, личностный (микро), то есть коррупционное сознание.

Приведённая уровневая структура коррупционной культуры отражает иерархичность строения сложных систем как их сущностное, универсальное свойство, где в данном случае основным критерием такого рода стратификации выступает социальный масштаб явления. В перспективе становится возможным описывать уровни коррупционной культуры и их системные связи, что позволит решать проблемы определения детерминаций распространения её ценностно-нормативного содержания в институционально-субъектных контекстах.

Коррупционную культуру можно рассмотреть в трёх аспектах (или уровнях): массовый (макро), отражающий общее состояние проблемы, направленный на подтверждение факта существования самого феномена и масштабов его отражения в социокультурном пространстве общества; институциональный (меза), по особенностям локализации в тех или иных типах социальных институтов; групповой и индивидуальный, личностный (микро), то есть коррупционное сознание.

Операционализовав понятие коррупционной культуры, необходимо определить её сущностные, социально-онтологические характеристики. В связи с этим, важно отметить, что коррупция как самостоятельный вид социальных практик имеет длительную историю в России, что позволяет рассматривать её как определённый тип криминальной культуры, транслируемый в современные формы социальных взаимодействий в контексте процессов архаизации институтов власти. В частности, П. Л. Крупкин отмечает: «...в 1990-е гг. произошла существенная архаизация российской государственности. В ... контекст архаизации вписывается ... современная российская коррупция, которая чётко показывает, что основным мотивом многих представителей правящего класса является именно стремление к извлечению максимума дохода из подконтрольной территории, и это выражается в большой величине коррупционной ренты, которая присваивается чиновничеством. Коррупционные изъятия существуют как в форме «разворовывания бюджета», т. е. стоимость государственных услуг завышается на величину «откатов», так и в форме просто взяток, т. е. фактически дополнительного налога на общество» [Цит. по: Исаков, Ермоленко 2011: 387].

Принимая во внимание длительную хронологическую историю коррупции как формы социального взаимодействия, невозможно игнорировать для полноты понимания сущностного содержания коррупционной культуры её социально-психологические характеристики, в частности, правовой менталитет. А. Л. Журавлёв и А. В. Юревич выделяют три важных свойства отношения к коррупции в России, которые непосредственно связаны с массовой психологией россиян:

1. Толерантность – отношение к коррупции как к повсеместному («все берут», «воруют-с» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьёзного осуждения.

2. Выраженное осуждение в массовом сознании россиян вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров.

3. Непоследовательность и противоречивость. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и моё окружение – другие». Таким образом «...очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными...» [Журавлев, Юревич 2012: 11].

Следовательно, в России коррупция гораздо шире понятия организационной культуры или временной дисфункции – это традиция, аккумулирующая ценностно-нормативный

потенциал практически всего спектра субъектов институционального взаимодействия. Данную позицию подтверждает, в частности, мнение Т. А. Нестик: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры. Коррупционные сети структурируются на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных), имеют множество целей и включают в себя различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным и по отношению к нормам государства и семьи, и по отношению к интересам отдельного их участника» [Нестик 2002]. Следовательно, можно констатировать институциональный комплекс коррупционной культуры, основанный на идентифицируемом ценностно-нормативном фундаменте.

Мы полагаем, что представленные выше характеристики коррупционной культуры позволяют утверждать, что последняя выступает неформальной институциональной альтернативой формальному институту позитивного права. При этом, являясь, по сути, ценностно-нормативной матрицей социального взаимодействия, эти институциональные пространства коррелируют к состоянию всего комплекса характеристик социокультурной среды российского общества и в соответствии с содержанием социального запроса дублируют функциональный набор друг друга, позволяя реализовать определённые цели субъектов формального взаимодействия наиболее эффективным из указанных альтернатив на данный момент способом. Репрезентирующими характеристиками социокультурной и политической среды в отношении формирования коррупционных деформаций культуры определяются низкий уровень правосознания и отсутствие действенных механизмов обратных связей общества и государства [см., например: Колосова, Иванюк 2011: 160–167]. Этот процесс интегрирует черты описанных Т. А. Нестик подходов. Например, частично его можно объяснить теорией аномии Р. Мертона, через адаптационный потенциал коррупции в отношении низкого уровня правореализационной практики. В то же время, здесь прослеживаются черты третьего подхода, согласно которому коррупция – явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры. В такого рода условиях она транслируется в широчайший спектр формальных отношений институциональной системы и локализуется, в том числе, как организационная культура, что соответствует первому описанному Т. А. Нестик подходу. Следовательно, *в России коррупция как социальный феномен определённого ценностно-нормативного содержания*

В России коррупция гораздо шире понятия организационной культуры или временной дисфункции – это традиция, аккумулирующая ценностно-нормативный потенциал практически всего спектра субъектов институционального взаимодействия.

Репрезентирующими характеристиками социокультурной и политической среды в отношении формирования коррупционных деформаций культуры определяются низкий уровень правосознания и отсутствие действенных механизмов обратных связей общества и государства.

продолжается в хронологическом контексте в социальную перспективу как компенсаторный комплекс дисфункций аномии социокультурной системы, обусловленной национальной традицией организации экономики и производства, специфической социальной психологии населения и его профессиональных групп.

Мы полагаем, что определение сущности коррупционной культуры во всём комплексе содержательных характеристик возможно через выявление её структурно-функционального устройства, а также его социально-аксиологического содержания. На основании существующих теоретических подходов и понятийного коррелята, предложенного нами ранее, коррупционную культуру возможно структурировать на следующие базовые подструктуры.

1. По содержательному критерию.

1.1. Нормы.

1.2. Ценности.

1.3. Контроль.

Отметим, что зачастую контроль выступает элементом иной, например управленческой, системы, и в представленной иерархии замещается традицией. Однако в отношении коррупционной культуры мы полагаем правомерным такой состав и ранжирование элементов в содержательном блоке при построении модели её структурной иерархии.

2. По масштабу субъектной локализации (количественному составу трансперсональных и персонифицированных субъектов).

2.1. Массовая.

2.2. Групповая.

2.3. Личностная (индивидуальная).

3. По масштабу институциональной локализации.

3.1. Системная (во всей институциональной системе).

3.2. Институциональная (коррупция в образовании, политическая коррупция и т. д.).

3.3. Субинституциональная (институционально-локальная, например, в сфере школьного или вузовского образования, в сфере отдельных органов госвласти и т. д.).

Особенностью процесса, включающего все уровни коррупционных деформаций, является то, что легитимные цели порождают через определённые ритуалы посредством механизма легитимации формирование коррупционной культуры, что происходит в контексте стойкой исторической коррупционной традиции и современных особенностей социокультурного и политико-экономического пространства России.

Ритуализация и легитимация коррупции являются существенными элементами процесса формирования коррупционной культуры как особого социально-правового феномена, так как формируют в общественном сознании её статус как устойчивого, культурно обусловленного, социального факта. То есть коррупционные схемы легитимируются через представление исключительности предоставляемых услуг, где вознаграждение выступает адекватной платой за их оказание. Этому способствует, в первую очередь, низкий уровень правовой культуры населения и коррупционные традиции. Ритуализация коррупционных взаимодействий основана на стойкой традиции допустимости данных форм неформальных отношений и их легитимации. Это в итоге сформировало определённые типовые модели коммуникаций, поведения и собственно всего процесса реализации коррупционных схем, то есть их ритуализацию. Иными словами, оказываемая услуга выступает ценностью, покупая и продавая которую субъекты коррупционных отношений руководствуются неформальными нормативами поведения в их реализации. В частности, коррупционные модели профессиональных отношений могут расцениваться как неформальная, но органичная часть организационной культуры определённых профессиональных сообществ. Данное обстоятельство подтверждает правомерность научной идентификации феномена коррупционной культуры, выводя её из категории исключительно теоретической конструкции в статус социокультурного феномена. Схематически данный процесс представлен на рис. 2.

Как представлено на рис. 2, оба процесса (коррупционный и правовой) равнозначно детерминируют насыщение социального и психологического содержания коррупционной культуры. Следовательно, вся система формальных и криминальных практик нормативно определённого процесса достижения легитимных целей субъектами профессиональных отношений результируется в правовом нигилизме либо через осознание неэффективности бюрократических процедур, либо через осознание эффективности процедур коррупционных, что также способствует институционализации коррупционных моделей мышления и поведения. В научной литературе мы также находим подтверждение объективации описанных процессов. В частности Ю. В. Латов отмечает: «...как считают многие обществоведы, именно бюрократизм и коррупция являются главной причиной того, что экономические и социальные программы дают низкий эффект. ... Интересно отметить довольно сильное отличие оценок значимости проблем коррупции и бюрократизма. В принципе, бюрократизм (бесконтрольность профессиональных чиновников) является основой, главной причиной развития коррупции. Объективно он должен был бы иметь индекс значимости такой же, как и коррупция, или даже выше. На самом же деле бюрократизм оценивается россиянами, в сравнении с коррупцией, как менее опасное явление» [Латов 2008: 130].

Коррупционные схемы легитимируются через утверждение исключительности предоставляемых услуг, где вознаграждение выступает адекватной платой за их оказание.

Рис. 2. Процесс формирования коррупционной культуры механизмами ритуализации и легитимации коррупционных практик в условиях низкой эффективности правореализации (цветом выделены стрелки, обозначающие высокоэффективные связи, без заливки цветом – низкоэффективные)

Описанная выше модель отношений иллюстрирует феномен альтернативности коррупции в отношении официального права. То есть идентифицируются два института регулирования формальных отношений, функционирующие параллельно, где каждый сопровождает процесс реализации формальных социальных практик посредством собственных методов – правовых, либо криминальных (коррупционных). Также необходимо отметить, что оба института находятся в общем аттракторе целеполагания – достижение легитимного результата. При этом у коррупции богатая традиция и отработанные временем модели, а у права – низкоэффективный правореализационный механизм и дихотомичные модели регулирования, обусловленные отсутствием устойчивой традиции правового регулирования и частой трансформацией нормативно-правового пространства, его противоречивостью и декларативностью.

На основании представленных выше конструктов, мы можем сформировать представление о функциональном наборе коррупционной культуры. Базовыми, наиболее чётко идентифицируемыми являются следующие функции коррупционной культуры: *трансляции; адаптивная; нормативная (регулирующая); ценностная; интегративная; организующая (институционализирующая)*. Все эти функции формируются в хронологической последовательности в контексте укрупнения масштаба коррупции как социально-правового явления, а также их типизации, становления коммуникативных связей в социальном пространстве, отражающих её институционализацию.

Функция трансляции обеспечивает пролонгацию коррупционных феноменов в национальной культурной традиции России в исторической перспективе.

Адаптационная функция отражает процесс приспособления социальных субъектов к ситуации аномии через удовлетворение социальных потребностей в регулировании правовой реальности коррупционными нормативами.

Регулирующая функция является производной процесса формирования адаптивной функции, так как коррупционная нормативность формируется в отсутствие механизмов реализации формального позитивного права, при сохранении социальной потребности в ценностно-нормативной системе реализации социальных взаимодействий.

В свою очередь, образование *ценностной функции* определяется нормативной, в то время как в естественном процессе институционализации недевиантных отношений механизм функционирует обратно, когда ценности предшествуют их нормативному закреплению. Однако ценности коррупционной культуры являются легитимацией неправовой нормативности криминального поведения субъектов коррупционных взаимодействий. То есть ценностно легитимируются коррупционные механизмы реализации социальных взаимодействий как реакция на социальную и психологическую депривацию субъектов коррупционных практик, ритуализируя и оправдывая коррупцию как альтернативную формальным правовым процессам форму.

Интегративная функция отражает эффекты так называемой «круговой поруки», наблюдаемой как следствие механической солидарности субъектов коррупционных практик, обеспечивает идентификацию их с определённым типом коррупционной культуры (организации, профессиональной группы и т. д.).

Институционализирующая функция обеспечивает формирование целостности коррупционной культуры как системы (происходит интеграция коррупционных ценностей, нормативов, ритуалов, моделей поведения в единое субкультурное пространство). Данная функция является производной от процесса формирования и реализации предыдущих функций.

Функции коррупционной культуры: трансляции; адаптивная; нормативная (регулирующая); ценностная; интегративная; организующая (институционализирующая).

Описанный процесс мы можем представить в виде схематической модели (см. рис. 3).

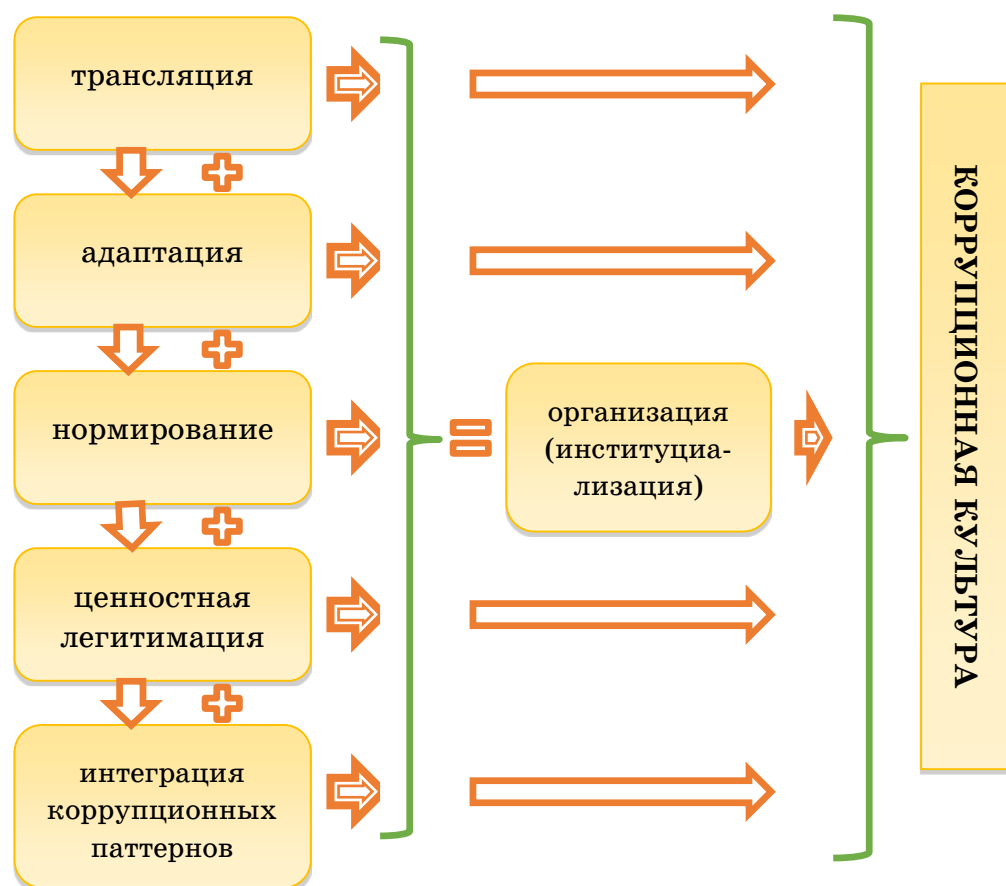

Рис. 3. Функциональная структура коррупционной культуры и механизм её формирования

Сам механизм возможно проиллюстрировать на примере организационной культуры в контексте процессов архаизации политического устройства России. В частности, целесообразно обратиться к исследованию И. И. Глебовой, определяющей современное состояние системы управления на всех уровнях власти (начиная с публичной политической сферы вплоть до частных контекстов менеджмента в организациях) как олигархический корпоративизм. Характеризуя его, она отмечает: «Если принять для описания современного российского государства метафору «государства–корпорации», «сословие» следует рассматривать в качестве аналога узкого круга её собственников и руководителей (работодателей). Функции «персонала» («корпорации работников») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками «сословности»: чётко осознают свои интересы, противопоставляют их всему обществу и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание социального влияния. Но самое главное: ощущают себя не в структуре социума, а над ним. К этому мировоззрению тяготеют и «работники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы» [Глебова 2001: 84–85]. По нашему мнению, описанные И. И. Глебовой

характеристики подтверждают высказанное нами ранее мнение о пролонгации контекстуальных, традиционных социокультурных оснований коррупции в историческую перспективу. Иными словами, трансформируются лишь формы типичных для России социокультурных практик управления, но содержательно они не меняются, и, соответственно, сохраняют свой коррупциогенный потенциал. Соответственно, механизм функциональной детерминации, представленной на рисунке 3, сохраняется. В отношении объяснения субъектно-личностных аспектов проблемы содержания и трансляции коррупционной культуры мы полагаем методологически продуктивной уже ставшую классической концепцию социального действия М. Вебера [Вебер 1990], т. е. трансляция коррупционной нормативности объясняется механизмами социального действия и социального ожидания. При этом коррупционное поведение может принимать любые формы социального действия, кроме аффективного. Целерациональность коррупции определяется объективацией проблемы решения формальных вопросов в контексте формальной процедуры, но не формальными (коррупционными) средствами. В итоге достигается рациональный результат – исполнение формальных обязанностей субъектов во избежание определённых осложнений в реализации целей, преследуемых в запросе к исполнению действия. Ценностно-рациональный и традиционный тип социального действия в коррупционных моделях отношений идентифицировать дифференцированно более сложно. В частности, коррупционная услуга представляется как ценность субъектами власти и требует исполнения определённого коррупционного ритуала (соблюдение поведенческой формы). В данном случае коррупционный ритуал проявляется как традиционное действие, принимая, например, форму «обязательности предложения взятки» или хотя бы упоминания о намерении «вознаградить за беспокойство». Таким образом, легитимированная коррупционная ценность, заключающаяся в имитации исключительности законной услуги, реализуемая через соответствующие стереотипные формы поведения (ритуалы), сохраняет свои институционализирующие характеристики и транслируется в социокультурный контекст как коррупционная культура. Важно отметить, что и собственно целерациональность коррупционных практик включена в структуру коррупции как социального действия, так как рациональный интерес, цель взаимодействия, выступает исходной, объективирующей весь коррупционный процесс, компонентой. Таким образом, коррупционное поведение интегрирует в себе, как мы утверждали ранее, признаки всех типов социального действия веберовской концепции, кроме аффективного, что согласуется с утверждением самого Вебера о крайне редкой реальной ориентированности поведения людей только на тот или иной тип рациональности, где сама эта классификация носит теоретико-

методологический характер. На основании изложенного возможно представить поведенческую структуру коррупционной культуры (см. рис. 4).

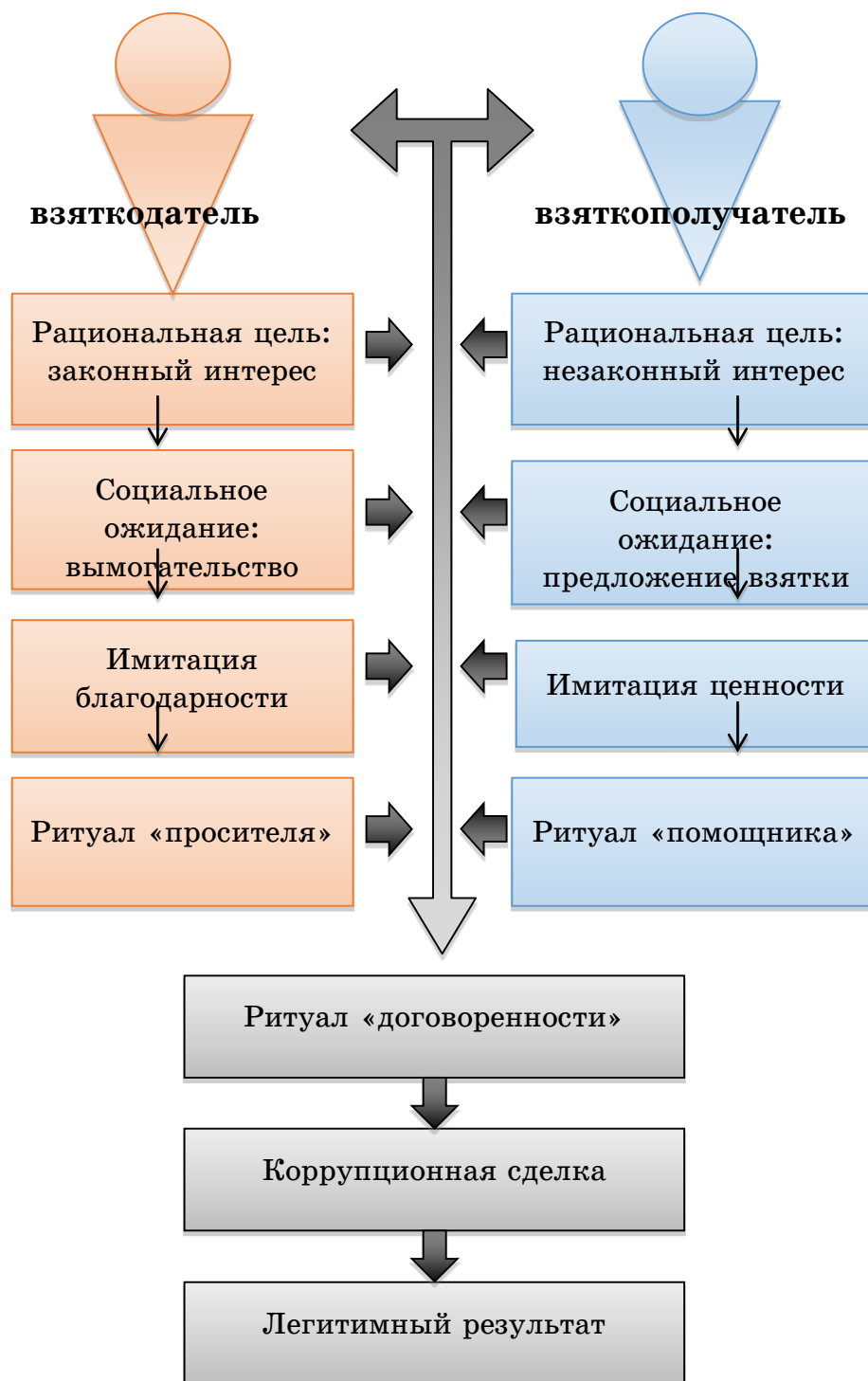

Рис. 4. Поведенческая структура коррупционной культуры

Таким образом, содержательные и структурно-функциональные характеристики коррупционной культуры коррелируют к её понятийному конструкту, репрезентируют позиции, представленные по данной проблематике в научной литературе, что позволяет позиционировать представленные нами выше теоретические модели как базовый, фундаментальный универсальный концепт, позволяющий адаптировать результаты нашего исследования к частным задачам теории коррупции.

Библиографический список

Безубяк Т. М. 2010. Формирование готовности учащихся профессионального лица к антикоррупционному поведению // Человек и образование. № 3 (24). С. 66–69.

Вебер М. 1990. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 602–643.

Глебова И. И. 2011. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология. № 2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.2/05.pdf> [Дата посещения: 11.09.2013].

Гольцов Н. Ф. 2008. Власть и коррупция: психологический аспект // Академический Вестник № 1: сборник научных трудов. Тюмень: Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права. С. 98–103.

Журавлёв А. Л., Юревич А. В. 2012. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. № 1. С. 8–21.

Исаков А. Л., Ермоленко В. В. 2011. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». № 3. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> [Дата посещения: 13.10.13].

Колосова Н. М., Иванюк О. А. 2011. Гражданское общество и государство в борьбе с коррупцией // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 10 (16). URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1114&Itemid=114 [Дата посещения: 13.10.13].

Крупкин П. Л. 2009. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. № 7–8. URL: http://problemanalysis.ru/public/public_230.html [Дата посещения: 13.10.13].

Култыгин В. П. 2008. Социология культуры или социология культурно-духовной сферы // Социологические исследования. № 8. С. 143–146.

Латов Ю. В. 2008. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 6. № 2. С. 123–138.

Манхейм К. 2000. Избранное: Социология культуры. М., СПб.: Университетская книга. 501 с.

Нестик Т. А. 2002. Коррупция и культура // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. № 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> [Дата посещения: 13.10.2013].

Николаева У. Г. 2005. Насилие и внешнеэкономическое принуждение: место архаики в современной экономике и социальной практике // Социология власти. № 4. С. 81–95.

Попов М. Ю. 2010. Институты гражданского общества против коррупции // Историческая и социально-образовательная мысль. № 2 (4). С. 24–31.

Серапина А. А. 2011. Мировой финансовый кризис и необходимость усиления борьбы с коррупцией (проблема глобализации антикоррупционной политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1 (26). С. 84–90.

Якутин Ю. В. 2010. «Вечнозелёные» проблемы коррупции // Финансовая жизнь. № 1. С. 88–92.

The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct

Kamensky Evgeniy Georgievich

Candidate of sociological sciences, associate professor, chair of Philosophy and Sociology Department, Southwest State University, Kursk, Russia. E-mail: kamensky80@mail.ru

Abstract. This article presents the author's concept of the culture of corruption as a social phenomenon. An attempt is made to categorise the functional, structural, behavioural, and other aspects of the content of the phenomenon under study. As a result, this paper formed and instrumentally updated the theoretical, methodological and conceptual basis of the scientific analysis of the corrupt culture in social theory. The main processes of the institutionalisation of corruption, its identification as a social and cultural phenomenon, are the processes of legitimation and ritualisation of corrupt practices, which are classifiable in simulation of formal social practices. As a consequence of this situation, corruption creates an environment that starts to regulate social relations in the society. In particular, as a result of theoretical studies, the author's definition of the concept of a culture of corruption, as well as its features as defined in Russia, have suggested the integration of these criminal phenomena as a national tradition of corruption, in which the corruption organisational model of culture is responsible for the destruction of the institutional organisation of society. Based on the results of this study, the author formed the model of the functional structure of corrupt culture and the mechanisms of its formation in terms of anomie value-normative space in Russian society. Corruption, being itself a generic form of a certain type of social relations, has a wide range of typical variants of its representation, for example, in accordance with the specific institutional loci of the corrupt relations in a socio-cultural environment. In these cases, the value and normative components of corrupt practices are also based on the specifics of the matrix of values and norms of the institution of localisation. Thus, in Russia, corruption as a social phenomenon with a specific value-normative content is extended in the chronological context of the social perspective as a compensatory, complex dysfunctional anomie sociocultural system from a national tradition of organising the economy and production, the specifics of the social psychology of the population and its occupational groups. There is a phenomenon of alternative corruption against the official law. That phenomenon is identified by two institutions regulating their formal relations, operating in parallel, where each process is accompanied by the implementation of formal social practices through their own methods – legal or criminal (corruption).

Keywords: Culture corruption, corruption, corruption risks, institutional structure, social ritual legitimation, criminal practice.

References

Bezubyak T. M. Formirovanie gotovnosti uchaschihsya professionalnogo litseya k antikorrupsionnomu povedeniyu [The Formation of Readiness of Students of Vocational School to Anti-corruption Behavior] – Tchelovek i obrazovanie, 2010, no 3 (24), pp. 66–69.

Glebova I. I. «Dvortzovoe gosudarstvo» v sovremennoy Rossii [“The Palace State” in Modern Russia] – Politicheskaya kontseptologiya, 2001, no 2. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.2/05.pdf> [date of visit 11.09.13].

Goltzov N. F. Vlast` i korrupziya: psihologichesky aspekt [Power and Corruption: the Psychological Aspect] – Akademichesky vestnik. Sbornik nauchnykh trudov. Tumen’: Tumensky gosudarstvennyy institut mirovoy ekonomiki, upravleniya i prava, 2008, No. 1, pp. 98–103.

Isakov A. L., Ermolenko V. V. Modelirovanie arhaizatsii politicheskogo processa kak metodologicheskaya problema sotsialno-gumanitarnogo znaniya [Modeling of Archaization the Political Process as a Methodological Problem of Socio-humanitarian Knowledge] – Inzhenernyy vestnik Dona, 2011, No. 3. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> [date of visit 13.10.13].

Kolosova N. M., Ivanyuk O. A. Grazhdanskoe obschestvo i gosudarstvo v bor`be s korrupziyey [Civil Society and the State in the Fight against Corruption] – Nauka i obrazovanie: hoziaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie, 2011, no 10 (16).

Krupkin P. L. Arhaizatsiya – dominiruyuschiy trend sotsialnykh izmeneniy v Rossii [Archaism is the Dominant Trend of Social Change in Russia] – Nauchnyy ekspert, 2009, No. 7–8. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal7_8_2009.pdf [date of visit 13.10.13].

Kulyigin V. P. Sotziologiya kultury ili sotziologiya kulturno-duhovnoy sfery [Sociology of Culture or Sociology Cultural-spiritual Sphere] – Sotziologicheskie issledovaniya, 2008. No. 8, pp. 143–146.

Latov Y. V. «Glas naroda» o problemakh korruptsii: zakonomernoe i paradoksalnoe [“The Voice of the People” about the Problems of Corruption: a Logical and Paradoxical] – Ekonomichesky vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, V. 6, no.2, pp. 123–138.

Mannheim K. Izbrannoe: Sotziologiya kultury [Favorites: Sociology of Culture: Russian Edition]. M., Sankt-Peterbug, Universitetskaya kniga, 2000. 501 p.

Nestik T. A. Korrupziya i kultura [Corruption and Culture] – Tenevaya ekonomika v sovetskom i postsovetskom obschestvakh (web publ.), 2002, no 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> [date of visit 13.10.2013].

Nikolaeva U. G. Nasilie i vneshneekonomicheskoe prinuzhdenie: mesto arhaiki v sovremennoy ekonomike i sotzial`noy praktike [Violence and Economic Coercion: the Place of the Archaic in the Modern Economy and Social Practice] – Sotziologiya vlasti, 2005, No. 4, pp. 81–95.

Popov M. Y. Instituty grazhdanskogo obschestva protiv korruptsii [The Institutions of Civil Society against Corruption] – Istoricheskaya i sotzialno-obrazovatel'naya mysl`, 2010, No. 2 (4), pp. 24–31.

Serapina A. A. Mirovoy finansovy krizis i neobhodimost` usileniya bor`by s korrupziyey (problema globalizatsii antikorrupcionnoy politiki) [The Global Financial Crisis and the Need to Strengthen the Fight against Corruption (the Problem of Globalization of Anti-corruption Policy)] – Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura, 2011, No. 1 (26), pp. 84–90.

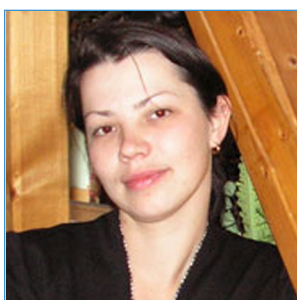
Veber M. Osnovnyie sotziologicheskie ponyatiya [Basic Sociological Concepts]. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. Moscow, Progress, 1990, pp. 602–643.

Yakutin Y. V. «Vechnozeleniy» problemy korruptsii [“Evergreen” Problems of Corruption] – Finansovaya zhizn`, 2010, No. 1, pp. 88–92.

Zhuravliov A. L., Yurevitch A. V. Psihologicheskie faktory korruptsii [Psychological Factors of Corruption] – Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya, 2012, No. 1, pp. 8–21.

К методологии научных исследований

Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом

Подлесная Мария Александровна – кандидат социологических наук, заместитель директора информационно-аналитического центра ПСТГУ, научный сотрудник сектора по изучению социокультурного развития регионов России Институт социологии РАН, Москва

E-mail: yamap@yandex.ru

Особенности сетевых и нишевых подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом

Аннотация

В связи с тем, что Русская Православная Церковь играет всё большую и более заметную роль в жизни российского общества, а приходы Церкви выполняют зачастую роль структур гражданского общества, осуществляя заметное социальное служение, становясь активно действующими социальными субъектами, в социологии всё заметнее проявляется интерес к проблемам приходской и общинной жизни, в связи с чем возникают вопросы о том, какие современные теоретические подходы позволяют решать задачи подобных исследований. В своей работе мы рассматриваем положения двух теоретических подходов – сетевого и теории социальной ниши применительно к изучению православных общин в России и за рубежом. Причём, специализируясь в своих эмпирических исследованиях на изучении православных приходов за рубежом, основной акцент делается на нишевом подходе. Отметим, что теория ниши получила популярность на Западе ещё в середине XX в., но в отечественной социологии практически не использовалась и не переводилась. В статье предпринимается попытка дать некий обзор основных положений этой теории и фундаментальных трудов её разработчиков. В статье даётся определение социальной сети и типов связи внутри неё, упоминаются понятия «чужака», маргинальной личности, введённые и разработанные в социологии Г. Зиммелем, Р. Парком, А. Шюцем, М. Вуд, З. Бауманом. Приводятся основные положения теории социальной ниши: определение ниши, типология её видов; вводится понятие сильноресурсных и слабонересурсных социальных ниш; рассматриваются каналы пополнения ниш, возможности её адаптации и связи с окружающей средой. Предпринимается попытка определить возможности теории социальной ниши в изучении православных общин, даётся список исследовательских задач, которые можно было бы решать с помощью данной теории при изучении православных приходов за рубежом.

Ключевые слова: социальная сеть, сила связей, социальная ниша, разноресурсные организации, окружающая среда, чужак, православный мигрант, православный приход

Православный приход и его община – это не только внутриобщинные связи, согласованные с церковными уставами и положениями, но и целый спектр отношений (в том числе правовых, хозяйственных, имущественных, информационно-коммуникативных) с самим обществом. Причём подобные связи в приходах в России и за рубежом имеют различную специфику. С этим фактом мы столкнулись в своих эмпирических исследованиях, проводившихся в православных приходах в России, Беларуси, Германии и США, в результате чего возник вопрос о теоретических возможностях социологии, позволяющих определить эти связи, обнаружить их специфику, определить место и роль прихода в структуре общественных отношений как в России – православно ориентированной стране, так и за рубежом, в странах, где православие не разделяется большинством, не является основой национальной культуры. Мы остановились на рассмотрении двух теоретических подходов – сетевой теории и теории социальной ниши¹.

Сетевой подход

Сетевой подход в изучении православных приходов в России активно применяется в исследованиях российских учёных. Так, в своих исследованиях социологическая группа Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета во главе с И. В. Забаевым обнаруживает эффективность данного подхода в выявлении многообразия внутрприходских и внешних связей.

Как известно, понятие «социальной сети» было введено в научную лексику и популяризировано благодаря исследованиям М. Грановеттера [Грановеттер 2009]. В дальнейшем оно стало активно использоваться, в результате чего привносились новые методологические уточнения в исследования других авторов. В результате мы получили ряд представлений о том, что такое сеть. Например, Мартин и Велмэн определяют сеть как «набор социально-релевантных узлов, связанных одним или несколькими отношениями», при этом «в качестве узлов могут выступать люди, организации, вэб-страницы, публикации, страны и многое другое, а в качестве связей изучаются потоки информации и различные виды ресурсов, взаимодействие (помощь, общение, сотрудничество и др.), социальные отношения (родственные отношения, дружба, власть и др.),

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Теория социальной ниши в исследовании православной общины за рубежом (на примере русских православных приходов в Берлине, Мюнхене, Штутгарте)» (МК-1415.2013.6), проводимого на средства фонда грантовой поддержки молодых учёных (гранты Президента РФ в 2013–14 гг.).

веб-ссылки и цитирование, и т. д.» [цит. по: Забаев, Пруцкова 2012]. Одной из базовых характеристик отношений между узлами сети является сила связи, которая может быть подвергнута измерению и определяется частотой, интенсивностью, регулярностью, устойчивостью связей. В итоге можно говорить о сильных, слабых и латентных связях.

В дополнение к изложенному весьма значимы те тенденции, которые наблюдаются сегодня в понимании сетей и которые всё чаще связываются с изучением таких сообществ, где основными, играющими жизненно важную роль являются тесные связи родства и дружбы. Так возникает понятие *сети как сети отношений*. В связи с этим И. В. Забаев и Е. В. Пруцкова приводят работу антрополога Дж. Барнса «Класс и комитеты в норвежском островном приходе», в которой на примере изучения классовой системы в Норвегии доказывается, что приходские отношения различных комитетов, лишённые единства управления, тем не менее могли существовать и организовываться [цит. по Забаев, Пруцкова 2012: 4735]. Происходило это благодаря тому, что на острове были развиты неуставные, дружеские, родственные связи, именно они организовывали единую сеть отношений. При всей важности данного наблюдения этого оказалось недостаточным при изучении связей, которые не носили столь длительного характера (например, в отдалённых или ограниченных чем-либо территориях). В связи с чем российские социологи упоминают работу Дж. Боссвэйна, который отмечает, что сеть – это не только более тесные отношения, но и временные объединения (клики, группы, коалиции) [цит. по Забаев, Пруцкова 2012: 4735]. Такое понимание сети подтверждает, в том числе, эмпирическое исследование В. Г. Писаревского [Писаревский 2013], который, изучая православные сообщества социальных сетей в Интернете, обнаруживает сети пользователей, создающие временные объединения и вступающие в отношения «онлайн-оффлайн-онлайн» не только посредством кликов новостей и сообщений на страницах сообществ социальных сетей, но и активного объединения друг с другом в социальной жизни.

В результате анализа работ по сетевому подходу И. В. Забаев и Е. В. Пруцкова приходят к заключению, что именно сетевой подход в отличие от структурно-функционального, который рассматривает общество как сумму групп (более или менее статичных), даёт возможность изучить «изменения в социальной картинке, увидеть, как несуществующее социальное отношение становится существующим» [Забаев, Пруцкова 2012: 4378]. Социологи подчёркивают, таким образом, что общество пронизано существующими и возможными связями, которые могут осуществляться по-разному.

Одной из базовых характеристик отношений между узлами сети является сила связи, которая может быть подвергнута измерению и определяется частотой, интенсивностью, регулярностью, устойчивостью связей.

Теория социальной ниши

Второй рассматриваемый нами подход – теория социальной ниши, позволяющий, на наш взгляд, в отличие от сетевого, фиксировать положение прихода в структуре общественных отношений прежде всего иноконфессиональной среды. Не случайно поэтому, что данный подход своими корнями уходит в теоретические положения Г. Зиммеля [Зиммель 2003] о социальном пространстве как особом пространстве содержания и смыслов, влияющем на социальное взаимодействие между индивидами и выводящем в связи с этим фигуру «чужака», позже представленную как «маргинальная личность» в исследованиях известного представителя «Чикагской школы» Р. Парка [Парк 2011]. Впоследствии проблематика «чужака» в обществе интересовала многих выдающихся учёных самых разных исследовательских направлений, среди которых можно вспомнить А. Шюца, М. Вуд, З. Баумана.

Со времён Г. Зиммеля сам «чужак» серьёзно изменился: пройдя путь от интеллектуала, «потенциального странника», к которому прислушиваются как к стороннему, но вдумчивому наблюдателю, до «чужака» нашего времени, который всё более маргинализируется, а его чертами не всегда являются интеллект и развитость. О них З. Бауман впоследствии скажет: «Это и не друзья, и не враги; чужаки те, кто нарушают нашу гармонию, наш замысел, наши представления о том, что и как должно» [Бауман 1996: 61]. Таким образом признаётся, что чужаками могут быть не только пришлые, но и те, кто прежде были с «нами», но впоследствии оказались предателями и перебежчиками, те, кто занимаются раскалыванием рядов, «раскачиванием лодки». Бауман указывает на ещё одну особенность чужаков, на их способность осуществлять «переход» (ломать установленные границы, делать их непрочными), становиться людьми, которые «ещё вчера были «там», а сегодня уже находятся «здесь». По причине сверхмобильности и сверхнепостоянства чужаков XXI в., им больше не доверяют. Очевидно, что такое недоверие к чужакам может рождать в обществе иную связь с ними, отличную от сетевой, а сами сообщества чужаков или их объединения – представлять собой не столько сетевую, сколько нишевую структуру.

Понятие «ниши» пришло в социологию из таких инвайронментальных областей знания, как биология и экология. Заимствуя этот термин из биоэкологии, социологи сохранили его смысл применительно к социальным общностям, понимая под «нишей» некие целостные единицы, организации, группы людей, находящиеся в условиях окружающей среды (крупных социальных сообществ), и чьи практики отличны от общепринятых. В ранних работах таких социологов, как

Со времён Г. Зиммеля «чужак» серьёзно изменился: пройдя путь от интеллектуала, «потенциального странника», к которому прислушиваются как к стороннему, но вдумчивому наблюдателю, до «чужака» нашего времени, который всё более маргинализируется, а его чертами не всегда являются интеллект и развитость.

Под «нишей» понимаются некие целостные единицы, организации, группы людей, находящиеся в условиях окружающей среды (крупных социальных сообществ), и чьи практики отличны от общепринятых.

Ханнан и Фримен [Hannan, Freeman 1977], а также Маккелви [McKelvey 1982], мы находим, что ниша – это такая организационная форма, которая относится ко всем организациям, входящим в неё и разделяющим общий план организационного действия, преобразующего входы и выходы этих организаций.

Как отмечают П. Попилац и З. Нил [Popielarz, Neal 2007], используемое понятие «ниши» позволяет исследователям выйти за рамки просто классификаций сущностей и прийти к пониманию: (1) их жизненных шансов в различных и меняющихся социальных условиях и (2) их взаимодействия в рамках конкурентной среды, побуждаемой внешними ограничениями. Согласно данной теории, исследуются не только жизненные шансы самой социальной ниши, её взаимодействия с другими нишами, но и с теми, кто не принадлежит данной социальной нише, оставаясь в конкурентной среде как бы «навязанными» им извне. Последние несколько десятилетий понятие «социальной ниши» зачастую используется для описания уникального или специализированного характера каких-то конкретных групп или социальных сообществ, например, рынков, включающих этнический труд [Wilson 2003] или экономики деловой части города [Milder 1997].

Будучи связанной с инвайронменталистскими направлениями в социологии, теория «социальной ниши» говорит о существовании в обществе таких разноресурсных организационных форм, которые рано или поздно по причине необходимости самосохранения начинают процессы своей собственной адаптации. В борьбе за ресурсы организационные формы могут менять свои размеры, положение в обществе, формы, осуществляя, например, переход от основной ниши к осознаваемой. Основная ниша включает все те условия окружающей среды, которые позволяют её общностям процветать и развиваться. Осознаваемая ниша, напротив, имеет только те условия окружающей среды, которые позволяют ей выживать и, следовательно, оставаться подмножеством основной ниши. Таким образом, теория социальной ниши имеет особое значение при изучении динамики взаимодействий между самими организациями внутри одной ниши, между двумя или более социальными нишами, а также между нишей и окружающей её средой.

Ещё одно важное понятие, которое предлагает теория социальной ниши, – это ширина ниши, определяемая в результате её взаимодействия с окружающей средой. Для каждой переменной окружающей среды ниша определяется как площадь между предельными значениями $x'1$ и $x''1$, которая позволяет видам (сообществам) выживать и развиваться, а диапазоном между этими двумя значениями является ширина ниши в соответствии с аналогичными измерениями окружающей среды. Ширина ниши напрямую связана с тем, специалисты какого профиля её составляют, так как от этого зависит

Важное понятие, которое предлагает теория социальной ниши, – это ширина ниши, определяемая в результате её взаимодействия с окружающей средой.

вероятность выживания самой ниши в сложных для неё условиях окружающей среды. Отметим, что представители узкой ниши крайне необходимы, особенно на уровне малых структур окружающей среды. В обществе такой представитель известен как узкопрофильный специалист, поскольку он адаптирован к узкоспециализированному сегменту окружающей среды. И, наоборот, виды или представители более широкой ниши оказываются менее востребованы, но при широком разнообразии окружающей среды именно специалист широкого профиля оказывается наиболее приспособленным к жизни. Таким образом, специалисты широкого и узкого профиля по-разному адаптируются к условиям окружающей среды, следовательно, по-разному адаптируются и организации той или иной социальной ниши, которую составляют те или иные специалисты.

Теория социальной ниши также связана с понятием «сети». Но сеть выступает здесь как структура воспроизводства организаций ниши. Биологи опираются на наблюдения, которые фиксируют, что сохранение вида зависит от наличия жизнеобеспечивающих ресурсов. Аналогично данному процессу, сохранение определённых типов социальных организаций зависит от наличия ресурсов, среди которых наиболее важными являются сами их представители. Теоретики концепции социальной ниши делают несколько интересных выводов относительно того, как же происходит это пополнение, отмечая, что, во-первых, пополнение организаций социальной ниши напрямую зависит от количества потенциальных их членов в окружающей среде и их способностей. Во-вторых, пополнение чаще всего происходит благодаря социальным сетям (например, сообществам друзей, знакомых и т. д.), в которых есть тенденция поиска себе подобных, и чем более эти сети однородны (гомофильны), тем больше шансов у социальной ниши оставаться стабильной. В-третьих, поскольку потенциальными членами организаций чаще всего являются индивиды с похожими социально-демографическими характеристиками, интересами, установками, то те, кто вероятнее всего пополняют организации, находятся либо внутри, либо по краям самой ниши [McPherson 1982]. Руководствуясь тем же принципом, Попилац и Макферсон [Popielarz, McPherson 1995] выдвинули предположение, что ниши стабильны не только за счёт их пополнения из однородных социальных сетей, но и благодаря сохранению этой однородности среди членов организаций. Авторы предположили, что занимающие периферию социальной ниши (например, нестандартные члены), чаще подвержены риску выбывания, чем находящиеся в центре ниши. Вместе с тем являющиеся членами одной организации и одновременно потенциальными членами других организаций эти «маргиналы» в большей степени рискуют покинуть её. Таким образом, данная теория позволяет говорить о неоднородности ниш и их структуры, отмечая, что у ниши есть как свой центр,

так и своя периферия. Периферию составляют, как правило, такие члены социальной ниши, которые либо не укоренены в ней, её недавние члены, либо задействованы в том числе и в других организациях. Именно такие представители более близки к выбыванию из ниши.

Отметим, что спектр возможностей данной теории весьма широк для изучающих религиозные общины. Главным остается то, что данная теория позволяет описывать характер уникальных, специализированных групп и общностей, при этом не забывая учитывать те изменения, которые происходят в процессе взаимодействия социальных общностей друг с другом и с окружающей их средой. Для поли/иноконфессиональных обществ, в которых существует, например, православная община за рубежом, эти возможности нишевой теории становятся особенно актуальными.

Обзор англоязычной литературы в области изучения религиозных общин с помощью теории социальной ниши показал, что основным исследовательским направлением, вызывающим интерес у большинства социологов, в последнее десятилетие является изучение влияния групповой однородности/неоднородности («подобие порождает связь» [McPherson 1982]) на силу связей внутри религиозных общин, на их целостность и способность быть конкурентоспособными в условиях мультикультурных, этнически неоднородных обществ. Отсюда часть преимущественно американских исследований посвящена описанию форм адаптации главным образом протестантских общин к внешним вызовам окружающей среды, в частности к притоку мигрантов (в том числе афроамериканцев). Среди исследуемых форм адаптаций наиболее популярной становится создание кросскультурных религиозных организаций [Edwards 2008]. С точки зрения рассматриваемого теоретического конструкта это позволяет фиксировать влияние окружающей среды, оказываемое на наиболее неустойчивые формы религиозности в обществе, на появление различных форм сектанства. При этом в подобных исследованиях появляются такие понятия, как «религиозные рынки», «строгая церковь» («strict church»), «сектантские» и «несектантские» церкви, отличие которых связывается с принадлежностью к традиционным формам христианства и отхода от них, а также с участием государства в области религии [Stark, Finke 2001]. Ещё одним срезом американских исследований, изучающих религиозные общины с помощью теории социальной ниши, является изучение влияния мегацерквей (протестантские церкви численностью более 2000 прихожан, имеющие свои собственные бизнес- и инфраструктуры) на локальные конгрегации, что становится актуальным в условиях американской рационализации религии [Wollschleger, Porter 2011] и сопровождается всё большим отходом от традиционных форм религиозности. Упомянем также исследования, которые с помощью нишевого подхода анализируют взаимос-

вязь принадлежности к общине единоверцев с уровнем аномии в обществе [Brashears 2010], влияние принадлежности к традиционной церкви и секте на способность к обучению и месте индивида в общей стратификации [Sherkat 2010], влияние пола на восприятие религиозных различий и наращивание социального капитала у мужчин и женщин [Brashears 2008], изучение процессов социального взаимодействия, влияющих на религиозный выбор человека и позволяющих сохранять или менять религиозный статус и конфессию [Loveland 2003] и др.

Заключение

Изложенные положения двух теоретических подходов эффективно могут быть использованы при изучении религиозных, в частности православных приходов и их общин, при этом как самостоятельно, так и в синтезе друг с другом. В нашем исследовательском опыте, который чаще всего был направлен на изучение приходов Русской Православной Церкви за рубежом, мы полагались на нишевый подход, что и соответствовало нашим исследовательским задачам, и давало более широкое представление о жизни таких специфических социальных общностей, как православная община за рубежом, в первую очередь в Германии и США. Нишевый подход позволил нам не только ввести в исследование понятие религиозно детерминированного чужака, выявить его особенности в соответствии с уже имеющимися представлениями в социологии о поведении «другого», маргинальной личности, мигранта, но и посмотреть на православную общину как на нишевую структуру в общественной системе отношений поликонфессиональных зарубежных стран.

Отметим, что данный исследовательский подход позволяет изучить:

- структуру, состав «центра» и «периферии» ниши русских православных общин за рубежом;
- её организационные формы (основная или осознаваемая ниша), размеры, положение в обществе;
- способы адаптации социальной ниши русских православных приходов за рубежом, и, как следствие, её идентичность, способы её сохранения;
- ширину ниши русских православных общин посредством фиксации того, кто является прихожанином русских православных общин, специалист какого рода (узкого или широкого профиля) составляет общины русских православных приходов;
- как и благодаря каким источникам происходит пополнение социальной ниши русских православных приходов за рубежом;
- ресурсы ниши, степень её конкурентоспособности.

Нишевый подход позволил не только ввести в исследование понятие религиозно детерминированного чужака (маргинальной личности, мигранта), но и посмотреть на православную общину как на нишевую структуру в общественной системе отношений поликонфессиональных стран.

Библиографический список

Бауман З. 1966. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс. 257 с.

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей / Пер. с англ. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. Электронный журнал НИУ ВШЭ. Т.10. № 4. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf#page=31 [Дата посещения: 18.07.2014].

Забаяев И. В., Пруцкова Е. В. 2012. Понятие сети в социальных науках. Попытка его использования для изучения приходской жизни в начале XXI в. // IV Всероссийский социологический конгресс. Уфа. С. 4732–4739.

Зиммель Г. 2003. Эссе о чужаке // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: реферативный сборник / Под ред. Гирко Л. В. М.: ИНИОН. 196 с.

Парк Р. Э. 2011. Избранные очерки: Сб. переводов / Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН. 320 с.

Писаревский В. Г. 2013. Православные сообщества в социальных сетях как феномен постсекулярного общества: ключевые особенности // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Приоритетные научные направления: от теории к практике». Новосибирск. С. 46–50.

Шюц А. 2004. Избранное: Мир, светящийся смыслом. / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН. 1056 с.

Brashears M. E. 2008. Gender and homophily: Differences in male and female association in Blau space // Social science research. V. 37. № 2. P. 400–415.

Brashears M. E. 2010. Anomia and the sacred canopy: Testing a network theory // Social networks. V. 32. № 3. P. 187–196.

Edwards K. L. 2008. Bring race to the center: The importance of race in racially diverse religious organizations // Journal for the scientific study of religion. V. 47. № 1. P. 5–9.

Finke R., Stark R. 2001. The new holy clubs: Testing church-to-sect propositions // Sociology of religion. V. 62. № 2. P. 175–189.

Hannan M. T., Freeman J. 1977. The population ecology of organizations // American journal of. sociology. № 82. P. 929–964.

Jason W., Jeremy R. P. 2011. A 'walmartization' of religion? The ecological impact of megachurches on the local and extra-local religious economy // Review of religious research. № 532. P. 79–299.

Loveland M. T. 2003. Religious switching: Preference development, maintenance, and change // Journal for the scientific study of religion. V. 42. № 1. P. 147–157.

Martin A., Wellman B. Social Network Analysis: An Introduction // Handbook of Social Network Analysis / ed. by P. Carrington, J. Scott. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/index.html> [Дата посещения: 14.06.2014].

McKelvey B. 1982. Organizational Systematics: Taxonomy, Evolution, Classification. Los Angeles: University California Press. 251 p.

McPherson J. M. 1982. Hypernetwork sampling: duality and differentiation among voluntary organizations // Social Network. № 3. P. 225–249.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. 2001. Birds of a feather: Homophily in social networks // Annual review of sociology. V. 27. P. 415–444.

Milder D. 1997. Niche strategies for downtown revitalization: A hands-on guide to developing, strengthening, and marketing niches. New York: Downtown Research Development Center. 140 p.

Popielarz P. A., McPherson J. M. 1995. On the edge or in between: niche position, niche overlap, and the duration of voluntary memberships // American Journal of Sociology. № 101. P. 698–720.

Popielarz P. A., Neal Z. P. 2007. The niche as a theoretical tool // Annual review of sociology. № 33. P. 65–84.

Sherkat D. E. 2008. Beyond belief: Atheism, agnosticism, and theistic certainty in the United States // Sociological spectrum. V. 28. № 5. P. 438–459.

Sherkat D. E. 2010. Religion and verbal ability // Social science research. V. 39. № 1. P. 2–13.

Wilson F. D. 2003. Ethnic niching and metropolitan labor markets // Social Science Research. № 32. P. 429–466.

Wood M. W. 1934. The Stranger. A study in social relationships. New York: Columbia University Press. 276 p.

The Feature of Network and Niche Approaches in Studying of Orthodox Parish in Russia and Abroad

Podlesnaya Mariya Alexandrovna

Candidate of sociological sciences, the deputy director of the Info-analytical center of the Faculty of Social Studies of St. Tikhon's Orthodox University, researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: yamap@yandex.ru

Abstract. Due to the fact that the Russian Orthodox Church plays a more and more important role in the life of Russian society, and parishes of the Church often play a role of civil society structures, implementing significant social service and becoming active social entities, the interest to the problems of parish and communal life is more noticeable in sociology. In this connection, there are

questions on modern theoretical approaches that allow solving research tasks of such studies. In our work we consider the statements of two theoretical approaches – network approach and the theory of social niche in relation to the study of Orthodox communities in Russia and abroad. Moreover, specializing in our empirical researches on the study of Orthodox parishes abroad, we focus on niche approach. It should be noted that niche theory became popular in the West as early as the middle of the XX-th century, but in domestic sociology this theory was almost not used and was not translated. In this article, we attempt to give a review of the main provisions of this theory, its main foreign authors and their works. In connection with consideration of network approach, definition of social network is given, as well as the types of communication of social network. In connection with the theory of social niche, the concepts of the “outsider” and marginal personality are given, introduced and developed in sociology by such sociologists as G. Simmel, R. Park, A. Schutz, M. Wood, Z. Bauman. General provisions of the theory of social niche are given, in particular definition of the niche, its typology, the concept of social niches with strong and weak resources is adopted, channels of niche replenishment are considered, as well as the opportunities of its adaptation and relation to the environment. The author of the article attempts to identify the opportunities of the theory of social niche studying Orthodox communities abroad, provides a list of research objectives that could be solved with the help of this theory studying Orthodox parishes abroad.

Keywords: social network, social network binding force, social niche, different-resource form of organization, environment, outsider, orthodox migrant, orthodox parish in Russia and abroad.

References

Bauman Z. Myslit' Sotsiologicheskii [Thinking Sociologically]. Per. s angl. pod red. A. F. Filippova. Moscow, Aspekt-Press, 1966. 257 p.

Brashears M. E. Gender and Homophily: Differences in Male and Female Association in Blau Space – *Social Science Research*, 2008, V. 37, No. 2, pp. 400–415.

Brashears M. E. Anomia and the Sacred Canopy: Testing a Network Theory – *Social Networks*, 2010, V. 32, No. 3, pp. 187–196.

Edwards K. L. Bring Race to the Center: The Importance of Race in Racially Diverse Religious Organizations – *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2008, V. 47, No. 1, pp. 5–9.

Brashears M. E. Anomia and the Sacred Canopy: Testing a Network Theory – *Social Networks*, 2010, V. 32, No. 3, pp. 187–196.

Edwards K. L. Bring Race to the Center: The Importance of Race in Racially Diverse Religious Organizations – *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2008, V. 47, No. 1, pp. 5–9.

Finke R., Stark R. The New Holy Clubs: Testing Church-to-sect Propositions – *Sociology of Religion*, 2001, V. 62, No. 2, pp. 175–189.

Granovetter M. Sila slabykh svyazei [Strength of Weak Ties]. Per. s angl. Z. V. Kotel'nikovoi – *Ekonomicheskaya sotsiologiya. Elektronnyi zhurnal NIU VShE*, 2009, V.10, No. 4, pp. 31–50. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf#page=31 [date of visit 18.07.2014].

Hannan M. T, Freeman J. The Population Ecology of Organizations – *American Journal of Sociology*, 1977, No. 82, pp. 929–964.

Jason W., Jeremy R. P. A ‘WalMartization’ of Religion? The Ecological Impact of Megachurches on the Local and Extra-Local Religious Economy – *Review of Religious Research*, 2011, No. 532, pp. 79–299.

Loveland M. T. Religious switching: Preference development, maintenance, and change – *Journal for the scientific study of religion*, 2003, V. 42, no 1, pp. 147–157.

Martin A., Wellman B. Social Network Analysis: An Introduction. Handbook of Social Network Analysis. Ed. by P. Carrington, J. Scott. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/index.html> [date of visit 14.06.2014].

McKelvey B. Organizational Systematics: Taxonomy, Evolution, Classification. Los Angeles: University California Press, 1982. 251 p.

McPherson J. M. Hypernetwork sampling: duality and differentiation among voluntary organizations – *Social Network*, 1982, No. 3, pp. 225–249.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks – *Annual Review of Sociology*, 2001, V. 27, pp. 415–444.

Milder D. *Niche Strategies for Downtown Revitalization: A Hands-on Guide to Developing, Strengthening, and Marketing Niches*. New York, Downtown Research Development Center, 1997. 140 p.

Park R. E. *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov [Selected Essays. Collection of Translations]*. Otv. red. D. V. Efremenko. Moscow, INION, 2011. 320 p.

Pisarevskii V. G. Pravoslavnye Soobshchestva v sotsial'nykh Setyakh kak fenomen Postsekulyarnogo obshchestva: Klyuchevye osobennosti [Orthodox Community in Social Networks as a Phenomenon of Post-Secular Society: Key Features]. *Sbornik Dokladov mezhdunarodnoi Nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prioritetnye Nauchnye napravleniya: ot Teorii k praktike»*. Novosibirsk, 2013, pp. 46–50.

Popielarz P. A., McPherson J. M. On the Edge or in Between: Niche Position, Niche Overlap, and the Duration of Voluntary Memberships – *American Journal of Sociology*, 1995, No. 101, 698–720 p.

Popielarz P. A., Neal Z. P. The Niche as a Theoretical Tool – *Annual Review of Sociology*, 2007, No. 33, pp. 65–84.

Sherkat D. E. Beyond belief: Atheism, agnosticism, and theistic certainty in the United States – *Sociological Spectrum*, 2008, V. 28, No. 5, pp. 438–459.

Sherkat D. E. Religion and verbal ability – *Social science research*, 2010, V. 39, No. 1, pp. 2–13.

Shyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom [Favorites. World, Glowing sense]*. Per. s nem. i angl. Moscow, ROSSPEN, 2004. 1056 p.

Wilson F. D. Ethnic niching and metropolitan labor markets – *Social Science Research*, 2003, No. 32, pp. 429–466.

Wood M. W. *The Stranger. A study in social relationships*. New York, Columbia University Press, 1934. 276 p.

Zabaev I. V., Prutskova E. V. Ponyatie Seti v Sotsial'nykh Naukakh. Popytka Ego Iispol'zovaniya dlya Izucheniya Prikhodskoi Zhizni v Nachale XXI v. [Network Concept in the Social Sciences. Trying to use it to study the parish life at the beginning of the XXI century]. *IV Vserossiiskii sotsiologicheskii congress*. Ufa, 2012. 4732–4739 pp.

Zimmel' G. *Esse o Chuzhake. Sotsial'noe prostranstvo: Mezhdistsiplinarnye Issledovaniya [The Stranger. Social Space. Interdisciplinary Research]: Referativnyi Sbornik*. Pod red. Girko L. V. Moscow, INION, 2003. 196 p.

Современные войны: социальные причины и последствия

Современные войны: социально-экологическое измерение

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. сектором социально-экологических исследований Институт социологии РАН, Москва

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Современные войны: социально-экологическое измерение

Аннотация

В статье развиваются понятия современной войны и критической ситуации (в отличие от понятия социального конфликта), исследуются предпосылки их возникновения и возможные последствия. Особое внимание уделяется рынку как условию возникновения современных войн и критических ситуаций, международно-правовым, медийным и социально-экологическим факторам их формирования, а также проблеме материальных и человеческих «отходов» как рискогенного фактора. Идентифицированы следующие характеристики современных войн: риски, ими порождённые, охватывают в равной мере институциональные системы, инфраструктуру жизнеобеспечения, природные и социальные экосистемы и уклад жизни пострадавших; они имеют динамический, развивающийся характер; начинаясь с локальных конфликтов, могут приобретать характер военно-политического противостояния государств и их союзов (блоков); процессы социально-экологического метаболизма и порождаемые ими риски, генерируемые современными войнами, не имеют пространственно-временных границ; программируемые и регламентируемые СМИ – мощное оружие современных войн; современные войны бывают двух типов: внезапные всеразрушающие и порождающие длительное медленное умирание природных и социальных сообществ; образ жизни местного населения всецело зависит от неожиданных поворотов в течении современной войны. Всякая современная война и порождаемые ею критические ситуации являются источниками «энергии распада». Автор приходит к выводу, что современные войны являются не столько «неожиданными событиями», сколько кумулятивным эффектом долгой борьбы социальных акторов (отдельных государств и их союзов) за ресурсы и политическое доминирование. Поскольку у современных войн нет пространственно-временных границ, ключевым для социологов, является вопрос: кто, где и основываясь на каких информационных ресурсах способен «отслеживать» и фиксировать быстро изменяющуюся и многостороннюю действительность современных войн?

Ключевые слова: критическая ситуация, отходы, современная война, рынок, международное право, СМИ, социально-экологический метаболизм

Современные создатели боевиков о Великой Отечественной войне 1941–45 гг. («Фронт без линии фронта» или «Фронт без флангов») не подозревают, насколько эти названия соответствуют реалиям войны современной (СВ). Эти войны и создаваемые ими критические ситуации (КС) обычно называют гибридными или неконвенциональными событиями. Это объясняется тем, что они соединяют в себе политические, экономические, социальные, экологические, ресурсные, технологические, научные и другие факторы или силы. Причём действие этих сил может быть попеременным и разнонаправленным. СВ являются одновременно глобальными и локальными вооружёнными столкновениями и борьбой компроматов.

Актуальность проблемы СВ заключается в её нетрадиционном характере. Известна поговорка, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. СВ и порождаемые ими критические состояния (зоны бедствия) – это войны без начала и без конца. Конфликты и вооружённая борьба чередуются с перемириями, договорённостями – с их нарушением и взаимными обвинениями в их несоблюдении. Поэтому, опираясь на опыт множества современных больших и малых войн по всему миру (но, прежде всего, конечно, тех, что случились на постсоветском пространстве), представляется важным выделить некоторые новые общие черты, отличающие их от войн XX столетия. И связать их с процессами, происходящими в живой природе, которые сегодня также не те, что были 100–150 лет назад.

Общая характеристика современных войн

О специфике современных войн пишут много [Арбатов 2014; Гундаров 2014; Киршин 2014; Чекинов, Богданов 2013; Къеза 2006 и другие].

Основной социально-экологической характеристикой современных войн является отсутствие грани между миром и войной, разделения на фронт и тыл, на вооружённые силы и остальное население; а также отсутствие абсолютно безопасных мест: есть только более и менее безопасные. Фактически территория войны – это зона всеохватывающего риска, причём риска подвижного, мигрирующего. В условиях СВ происходит милитаризация общественного сознания и сжатие демократических институтов. Ни о какой системе взаимного согласования и принятия решений консенсусом [Кустарёв, 2007: 10] не может быть и речи – господствует силовой стиль и ручное управление. Если критическая ситуация затягивается на годы и десятилетия, она формирует столь же упрощённые, «директивные» социальный порядок и образ жизни. Формирование в ходе СВ всё более мощных военно-политических надгосударственных союзов и альянсов (НАТО, ЕС, ШОС) ведёт к ещё большему упрощению социального порядка.

Актуальность проблемы современной войны заключается в её нетрадиционном характере. Известна поговорка, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Современные войны и порождаемые ими критические состояния – это войны без начала и без конца.

Основной социально-экологической характеристикой современных войн является отсутствие грани между миром и войной, разделения на фронт и тыл, на вооружённые силы и остальное население; а также отсутствие абсолютно безопасных мест.

Критические ситуации стимулируют резкое ускорение научно-технического прогресса при одновременном замедлении прогресса социокультурного осмысления происходящего. Любая критическая ситуация и меры по её разрешению – барьер для развития демократических институтов и гуманитарной сферы в целом, хотя все они предпринимаются под лозунгом «установления демократии». Так или иначе, в периоды СВ рефлексия и сомнение «не в моде».

В социальной жизни происходит сдвиг от индивидуализации к её массивификации и унификации, рвётся тонкая ткань устоявшейся повседневной жизни. В мыслительных и вербальных структурах преобладают жёсткие оппозиционные конструкции: «жизнь или смерть», «сейчас или никогда», «бежать или оставаться», «пассивное подчинение обстоятельствам или вооружённое сопротивление» и т. п. Высока и амплитуда психологических состояний: покорность или гнев, сковывающий страх или гиперактивность «вопреки обстоятельствам» и т. д. [Шубкин, Иванова 2001]. Сквозное «просвечивание» общества и его институтов при помощи информационных технологий ведёт к утере «кокона основополагающего доверия» (Гидденс), т. е. к утере индивидуальности и столь же индивидуализированного её ближайшего окружения, уникальности собственного Я. Возникает феномен «одинокой толпы», т. е. скопления людей, управляемых другими (the other-directed) [Reisman et al 2001], но только в качественно иных, критических обстоятельствах. Это состояние может порождать массовое катастрофическое сознание, требующее длительной социально-психологической реабилитации [Шляпентох и др. 1999].

Возникновение в рассматриваемых обстоятельствах потоков беженцев и вынужденных переселенцев – также постоянный фактор упрощения социальной жизни критических зон, изменяющий не только их социальный порядок, но и структуру жизненного пространства. Социальная жизнь или предельно упрощается (уехал, убежал или остался) и одновременно жизнь в них хаотизируется, поскольку в критических обстоятельствах выбор стратегий поведения минимален, приходится действовать по принципу «или–или». Адаптация к катастрофам и критическим состояниям – чрезвычайно длительный и сложный процесс [Wilson 1988].

В конечном счёте, СВ – это, прежде всего, война за ресурсы (природные, людские, территориальные). Борьба за ресурсы, их разработка и транспортировка, необходимые для обеспечения жизнедеятельности населения, одновременно наносят вред природе и людям [Beck 1992, 1995, 1999, 2010]. Общий рост населения планеты, истощение старых источников природных ресурсов и разработка новых, общее увеличение территорий, непригодных для жизни (опустынивание, засоление, подтопление вследствие гидротехнических мероприятий,

наконец, потребность в увеличении жизненного пространства высокого качества) для богатейших слоёв населения – всё это увеличивает дефицит ресурсов, необходимых для производства и повседневной жизни [Къеза 2006].

Перечисленные выше характеристики вновь делают актуальным вопрос: что же сегодня происходит – усложнение общества или его упрощение, архаизация? Как полагает российский социолог С. Кравченко, а также многие западные социологи, сегодня происходит становление *сложного* общества [Кравченко 2012]. Однако, поскольку в условиях СВ господствует социально-конструктивный (директивный) подход к управлению государством и обществом, законы самоорганизации в природе и обществе не принимаются во внимание. В результате увеличиваются масштабы и территориальный охват противоположного процесса – *упрощения*. Человеческие сообщества и целые страны, находящиеся в критическом состоянии, не только «упрощаются», но и просто разваливаются, распадаются на наших глазах. Это неизбежно ведёт к снижению совокупного социального потенциала общества, уничтожению высокоценных участков природы, общему снижению биологического разнообразия на планете, что, в свою очередь, приводит к снижению устойчивости биосферы, увеличению риска возникновения экологических катастроф. В целом в условиях СВ складывается «мобилизационная», т. е. директивная социально-политическая структура общества. Внутри неё идут самые разные процессы реорганизации и самоорганизации – легальные и нелегальные. Однако ни те, ни другие не согласуются с законами динамики природных экосистем и биосферы в целом. Отсюда – снижение устойчивости геосферы как результат сокращения разнообразия природных и социальных систем. Сказанное не отрицает того факта, что сами СВ и КС могут быть чрезвычайно сложными [Keen 2009].

Было бы неверным утверждать, что СВ и КС имеют только негативный результат. Мобилизация сил и ресурсов на узком направлении всегда даёт краткосрочный положительный эффект. Так, ещё недавно на Украине планировалось введение «чрезвычайного энергетического положения», т. е. мобилизации всех доступных в настоящее время источников энергоресурсов плюс введения «чрезвычайного» режима их экономии. Такие меры действительно дают некоторый эффект, но без перехода экономики на мирные рельсы обойтись всё равно нельзя. Вспомним «тотальную мобилизацию всех железных вещей» эпохи заката немецкого фашизма.

Наконец, сегодня войну никто уже не объявляет. Напротив, все стараются опираться на принятые нормы международного права, однако каждая из противоборствующих сторон трактует их в своих интересах.

Поскольку в условиях современной войны господствует социально-конструктивный (директивный) подход к управлению государством и обществом, законы самоорганизации в природе и обществе не принимаются во внимание.

Понятие критической ситуации

СВ порождают критические ситуации. С моей точки зрения, критические ситуации являются не единственными, но всё же фокальными точками конфликтов и войн XXI столетия. Кризисы приходят и уходят (преодолеваются), а критические ситуации (точки, зоны) – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются. Их отличительный признак – выделение *энергии распада* в виде потоков беженцев, вынужденных переселенцев, разрушения важнейших систем жизнеобеспечения и т. д. Все эти процессы сопровождаются рискогенным социально-экологическим метаболизмом [Яницкий 2003, 2004, 2004a, 2004b; Wolman 1956, 1965; Boyden et al 1981; Mol 1995; Fisher-Kowalski 1997; Fisher-Kowalski and Haberl 2007]. И, может быть, самое главное в таких негативных трансформациях – неумолимое снижение устойчивости первичных экосоциальных систем, этой всеобщей основы постиндустриального мира [Yanitsky 2012]. В целом же происходит процесс утери общественными системами разного масштаба такого *конституирующего признака, как системность*, и их сползание к ситуации «управляемого хаоса» (И. Пригожин и И. Стенгерс). Хотя, с моей точки зрения, этот термин сегодня уже неадекватен: хаосом можно управлять лишь частично. Когда о каком-то явлении говорят, что это хаос, можно лишь полагать, что у них нет желания или возможностей вникать в хитросплетения социальных, технических и природных процессов в некоторой критической зоне. Проще сказать, что она – очередной «чёрный ящик». В действительности КС безнадежны в плане их реабилитации, но, как показывает мировая практика, если их и удаётся реабилитировать, то в конечном счёте это будут уже качественно иные типы социальных и природных экосистем. Закон социальной сукцессии или, как его называл П. Сорокин, отрицательной селекции, никто не отменял.

Этот тезис можно сформулировать и по-другому. С точки зрения концепции КС, современная война никогда не заканчивается возвращением в исходную точку. Если процесс разрушения (катастрофа) скоротечен, то процесс реабилитации разорённого ею сообщества чрезвычайно длителен, практически бесконечен и заканчивается *конструированием нового сообщества*. Собственно этим и объясняется стремление государства и бизнеса не восстанавливать разрушенное, а строить на «пустом месте» (начинать с чистого листа).

Это, в свою очередь, означает, что в ходе КС люди начинают меняться. В её начальной фазе происходит отток абorigенов и приток пришлых плюс активизация асоциальных

Кризисы приходят и уходят (преодолеваются), а критические ситуации – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются.

элементов (грабителей, мародёров, лиц с отклоняющимся поведением). В критической зоне появляются «чёрные гуси» (иностранцы наёмники) и волонтеры, неопознанные вооружённые формирования, гопники, «романтики» и т. д. Одни из них увеличивают свой социальный капитал, другие, напротив, его утрачивают. Одни общности распадаются, другие создаются. Но опять же это не хаос, а *иной тип* «сложного мира». Важно, что члены этих новых сообществ и движений по-новому относятся к окружающему их миру, принимая его как неизбежность (как судьбу), или, напротив, начинают с ним бороться, в том числе организуясь и вооружаясь. В итоге если человеческое поселение всё же выходит из КС, то его социальный и культурный статус оказывается качественно иным.

Рынок как фактор современной войны

Современный рынок (в широком смысле этого слова) идей, представлений, образов, товаров и ресурсов – это двуликий Янус. Он одновременно является стимулом экономического развития и одним из главных источников и моторов СВ. Расширяющийся рынок в условиях роста народонаселения, его потребностей и ограниченности мировых ресурсов – одна из ключевых предпосылок возникновения современных войн, которые по существу имеют сугубо геополитический характер. Как отмечал Нобелевский лауреат по экономике К. Эрроу, «рынок разрушает общество» (цит. по: [Кустарёв 2005: 113]). Растущий дефицит ресурсов, борьба за доступ к их новым источникам, потребность в дешёвой рабочей силе и новых рынках сбыта – ключевые факторы возникновения современных войн, за которыми обязательно следует геополитический передел мира. В современных условиях рынок всё более становится политическим инструментом и/или предметом политического торга. Так, например, сегодня Литва может получать сжиженный газ из ЕС или США. Он дорогой, но тогда Литва становится менее зависимой от России. Или же покупать более дешёвый российский газ, но в этом случае её зависимость от России увеличится.

Современные войны порождают рывок прогресса в военно-технической сфере на фоне общего снижения совокупного социального капитала общества и его отдельных поселений, взвинчивают недоверие, ведут к обнищанию большинства населения, появлению потоков беженцев и вынужденных переселенцев и увеличению объёмов производимого мусора, как обычного, так и высокорискогенного. Для ускорения разрешения кризиса на юго-востоке Украины предполагалось сокращение «никому не нужных» научных программ и концентрация усилий на производстве высокоточного оружия.

Современный рынок (в широком смысле этого слова) идей, представлений, образов, товаров и ресурсов одновременно является стимулом экономического развития и одним из главных источников и моторов современной войны.

Война – это всегда «чёрный рынок», начиная от продуктов и предметов первой необходимости и вплоть до военных секретов и стратегических материалов. Во время таких войн возникает множество новых, легальных и нелегальных рынков (торговля оружием, боеприпасами и военным снаряжением, лекарствами и перевязочными материалами, продуктами питания, неотложной медицинской помощью, в том числе средствами доставки раненых и пострадавших в медицинские учреждения, другими предметами и услугами, необходимыми в условиях боевых действий).

О медиарынке – особо

Информационные потоки, охватывающие сегодня весь мир, суть одновременно и благо, и бедствие. Или, иначе, эти процессы суть продукт двойного назначения. Без информации развитие невозможно, но она может быть использована для нанесения вреда соседу и даже глобальному мироустройству. В этом смысле информационные потоки и формируемые ими смыслы и представления суть всепроникающий риск.

В условиях современных войн не меньшее значение имеет медиарынок, поскольку определённым образом выстроенная и запрограммированная информация является не только мощным оружием, но и формой борьбы целенаправленно сконструированных образов «правильного мира», а также войны и критических ситуаций. Строго говоря, информационная война между двумя господствующими социальными системами никогда не прекращалась. Сегодня к ней прибавилась третья мощная информационная сила – исламский мир.

Но вернёмся на три четверти века назад. Знаменитая фултонская речь У. Черчилля ознаменовала начало холодной (т. е. по сути информационной) войны. Все утопические концепции меритократического общества, имевшие в своей основе идею высочайшего уровня владения знанием и информацией, не выдержали проверки временем. Шаг за шагом гуманистически ориентированная концепция «информационного общества» (информация и знание как безусловное благо) трансформировалась в инструмент информационной агрессии, навязывания образов «должного мироустройства» по американскому образцу, с которой была тесно связана доктрина силовой территориальной экспансии субъектов, несущих этот образ «городу и миру» («*orbi et urbi*»). Сегодня наши заокеанские контрагенты грозят российским властям всё новыми санкциями за возвращение Крыма в состав России. Но почему-то они забывают, что со своими партнёрами по ЕС они уже много лет разрабатывали модель «Большого Причерноморья», включавшую не только «дружеское вовлечение» в свою орбиту Крыма

Без информации развитие невозможно, но она может быть использована для нанесения вреда соседу и даже глобальному мироустройству. В этом смысле информационные потоки и формируемые ими смыслы суть всепроникающий риск.

и Кавказа, но и всех стран черноморского бассейна. И даже указывали, каким способом этот план может быть реализован: использованием «мягкой силы», т. е. сочетанием политического и экономического, а если нужно, то и прямого военного давления [Яницкий 2008]. Но и в отношении своих ближайших политических союзников американцы не гнушаются тотальным «информационным просвечиванием».

Кратко говоря, есть две основные формы силового информационного воздействия: переключение (или исключение, блокировка) информационных каналов и их перепрограммирование, т. е. именно навязывание нужного образа «должного мироустройства» своему противнику [Arsenalt and Castells 2008]. Форм же информационного воздействия на вероятного противника бесконечное множество. Это, в частности, борьба интерпретаций текущих событий и война компроматов, маскировка и дезинформация, диффамация, аресты и убийства корреспондентов, работающих в «горячих точках», закрытие каналов, дающих объективную информацию и т. д. Определённым образом препарированное историческое знание сегодня в особой цене у идеологов медиарынка. Таким образом, аргументы для современных информационных войн черпаются также и в далёком прошлом.

Ещё одна характерная черта этого рынка: отсутствие рядовых представителей гражданского общества. Там есть только «проверенные фигуры» – рупоры гигантов этого рынка, которые изо дня в день мелькают на телеэкранах.

Заметим, что экологические и техногенные катастрофы, их причины и следствия на этом рынке не анализируются, они используются только как информационный повод или для увеличения рейтинга власть предержащих, осуществляющих «ручное управление» процессами реабилитации критических зон. Так или иначе, медиарынок – это далеко не свободный рынок знаний, идей, представлений. Скорее, это основное оружие «холодной войны» и неременный элемент войны «горячей». Наконец, медиарынок – это своего рода самонаводящийся механизм. Чтобы расти, ему нужны сенсации (breaking news). И если он их не находит, то конструирует их самостоятельно. А какой отзвук находят эти конструкции (чаще всего «утки») в сердцах и мыслях людей, находящихся в критической ситуации, магнатов этого рынка не волнует. Им нужно сконструировать образ врага и навязать его миру, оставаясь при этом «белыми и пушистыми».

Наконец, ещё одно частное, но важное замечание. Все, кто сегодня имеют доступ к прямому эфиру, говорят на языках разных субкультур. Власть предпочитает «вещать» от имени народа, лидеры вооружённой оппозиции придерживаются «патриотической лексики» с сильным обертоном насилия, независимые журналисты используют космополитическую

лексику, спасатели говорят на «командирском» языке, местная власть – на бюрократическом или вообще молчит и т. д. Те же, кто оказался в эпицентре войны или смог вырваться из него, – на языке страха, гнева и боли. Дробление коммуникативного пространства, снижающее надежду на взаимопонимание, – ещё один признак СВ и КС.

Критическая ситуация и международное право

Сегодня нормы международного права, созданные после окончания Второй мировой войны, всё более вытесняются политическими сделками основных игроков на международной арене. Но поскольку состав этих игроков со временем меняется, то и «правовой баланс» тоже не стоит на месте. Так или иначе, эти краткосрочные (ситуативные) сделки оставляют после себя в лучшем случае «замороженные конфликты» а в худшем – пустыню, как это случилось в Афганистане, Ираке, Ливии и других странах.

Сегодня, как и ранее, на первый план выходит «право сильного», т. е. право изменять существующий миропорядок по лекалам одной или нескольких наиболее сильных мировых держав. Юристы, составляющие костяк надгосударственных организаций (ООН, ОБСЕ), всегда толкуют международное право в пользу сильного, не учитывая того вреда, который этот принцип наносит живым экосистемам и биосфере в целом, благодаря которой только и может существовать жизнь на Земле. Сама сущность прецедентного права, т. е. возведения ситуативного решения в закон или принцип международной политики, противоречит принципу всеобщей взаимозависимости как фундаментальному принципу существования биосферы.

Как отмечал Ф. Лукьянов (Особое мнение // Радио «Эхо Москвы», 04.07.2014), по сравнению с прошлой эпохой глобального противостояния двух сил (СССР–США), сегодня мир разделился на «преференциальные зоны». Это ещё более ухудшает общую экологическую ситуацию на планете, т. к. эти «зоны» определяются (назначаются) по политико-экономическим критериям, разрезающим каждый раз по-новому сложившиеся в течение многих веков природные и социальные экосистемы (лесные, береговые, полярные и т. д.). Поскольку, продолжает Лукьянов, ни один блок стран (и тем более отдельная страна) не в силах быть «международным полицейским» (т. е. регулятором глобального миропорядка), эти «преференциальные зоны» постоянно перекраиваются, подрывая тем самым несущую способность сложившихся экосистем, провоцируя дальнейшую деградацию геосферы и появление новых критических зон.

Сегодня нормы международного права, созданные после окончания Второй мировой войны, всё более вытесняются политическими сделками основных игроков на международной арене.

Сама сущность прецедентного права, т. е. возведения ситуативного решения в закон или принцип международной политики, противоречит принципу всеобщей взаимозависимости как фундаментальному принципу существования биосферы.

Никогда в истории ни одна страна (или их союз) своё «право сильного» никому добровольно не отдавала. Напротив, по известным причинам (рост народонаселения планеты, истощение старых источников и потребность в новых природных ресурсах) борьба главных мировых стейкхолдеров будет только усиливаться. Значит, в обозримом будущем «пространств, пригодных для жизни» на планете будет всё меньше, а мусора (отходов) от новых мест добычи полезных ископаемых, мигрирующего производства и военно-политических конфликтов – всё больше.

Ирония истории: интеграционные процессы в мире случаются, как правило, после глобальных потрясений (мировых войн, экологических или техногенных катастроф). Пока же мы наблюдаем дезинтеграционные процессы административно-политических систем, новые размежевания и устремления к автономии и/или независимости. Естественно, что эти субъекты международного права рассматривают геосферу только как ресурс или жизненное пространство, необходимое для себя. Вот такой вселенский эгоизм.

Чтобы снова запустить интеграционные процессы, говорят политики, надо начать с экономической интеграции (государств или их альянсов), потом (со временем!), может быть, подойти к интеграции политической. О соотношении этих планов с законами природы речи вообще не идёт. Пока мировое сообщество находится в состоянии «ни прочного мира – ни войны», поддержанием устойчивости биосферных процессов не занимаются никакие международные институты. А, как известно, ничегонеделание, т. е. тактика выжидания, только увеличивает риск деградации социально-экологических систем.

Сегодня противоборствующие стороны уповают на переговоры как на первую ступень деэскалации вооружённых конфликтов. На практике затяжка переговоров выгодна противоборствующим сторонам, однако она чрезвычайно негативно сказывается на мирном населении и состоянии природной среды. Пока идут переговоры (а ситуация на Украине показывает, что они могут тянуться месяцами), критическая ситуация имеет тенденцию к ухудшению: население страдает или бежит, системы жизнеобеспечения не восстанавливаются, начинаются голод, болезни и т. д. В иных случаях переговоры могут даже усилить военные действия: передышка может быть использована в интересах обеих воюющих сторон. Это ещё раз подтвердила ситуация на Украине: международные организации всё договаривались и договаривались, а украинская власть вела войну на уничтожение.

Но даже если удаётся о чём-то договориться, до разоружения и начала реабилитации – ещё очень далеко. Как отмечает академик А. Арбатов (Эхо Москвы, 23.06.2014), после прекращения огня необходимо разделение воюющих сторон,

гарантии для безопасности обеих сторон (кто их даёт?), введение международного миротворческого контингента, долгие (в несколько этапов) переговоры и лишь потом поэтапный отвод войск и их разоружение. Замечу, что все эти меры *предшествуют началу этапа реабилитации* человеческих поселений и природных систем.

Социально-экологический аспект

Человеческая история – это процесс бесконечного передела мира во всех его ипостасях: земной, водной, воздушной и т. д. [Thomas 1965]. СВ – это борьба за социально-политический и ресурсный передел современного мира. Среда обитания, природная, искусственная и социальная (территория войны) рассматривается противоборствующими сторонами одновременно как орудие борьбы и как ресурс в этом переделе мира. В частности целью геополитической войны является лишение противника доступных ему ресурсов и/или возможности маневрирования ими.

В условиях СВ среда обитания насыщается и перенасыщается инородными предметами и веществами, которые не могут быть со временем ею ассимилированы. В этом смысле СВ – это почти всегда постепенное превращение естественной среды обитания в искусственную, непригодную для жизни и требующую постоянного ухода и наблюдения. Более того, когда несущая способность среды превышена, она из поглотителя (нейтрализатора) вредных веществ может превратиться в их производителя. Так, среда обитания человека и биосфера в целом не смогли нейтрализовать риски, порождённые Чернобыльской катастрофой. Напротив, «саркофаг» и прилегающие к нему земли и по сей день являются потенциальными источниками рисков так же, как и Фукусима-1.

СВ – это также разрушение сложившихся годами (а иногда и веками) социально-биологических систем и замена их на искусственные, требующие постоянного поддержания человеком и притока энергии. В глобальном масштабе эти процессы влекут за собой снижение уровня экосистемности обществ (т. е. опять же снижение устойчивости этих обществ и рост потребности в ресурсах для поддержания их в рабочем состоянии).

Здесь есть один важный гносеологический момент. В условиях СВ знание о закономерностях поведения природных и созданных человеком систем *используется как экологическое или военно-политическое оружие* (угроза или разрушение систем водоснабжения, переброска части стока и/или загрязнение рек и водоёмов, имеющих важное стратегическое значение и т. д.). Более того, в условиях СВ происходит целенаправленное разрушение систем жизнеобеспечения мирного

В условиях современной войны среда обитания насыщается и перенасыщается инородными предметами и веществами, которые не могут быть со временем ею ассимилированы.

населения с максимизацией поражающего метаболического эффекта (например, разрушение или заражение источников питьевой воды), что также влечёт за собой снижение уровня экосистемности общественного организма, увеличение потоков беженцев, общее снижение социального и экологического капитала данного города или сообщества.

Принципиально важно: социально-экологический конфликт нельзя просто «остановить». Прекращение военных или иных разрушительных действий и даже начало реабилитации, скажем, некоторого человеческого поселения не означает прекращения деградации социально-экологических систем, поскольку эти процессы инерционны.

Общим итогом современных войн является: повсеместное и ускоренное сокращение пригодного для жизни людей пространства, замещение самоподдерживающихся экосистем искусственными, требующими со временем всё больше сил и ресурсов на их восстановление и поддержание и, в конечном счёте, – снижение устойчивости биосферы. Территории жизни всё более вытесняются зонами добычи ресурсов и инфраструктурами для их перекачки по всему миру. Можно предположить, что со временем практически вся поверхность Земли будет покрыта искусственными системами жизнеобеспечения, однако у этой перспективы есть предел: недостаток исходных ресурсов и, в первую очередь, солнечной энергии.

Отходы и мусор критических состояний

Избыточное производство мусора – норма рыночного производства и потребительской культуры, а утилизация мусора – вторичная культурная норма в рыночном (потребительском) обществе. Утилизация и/или вторичная переработка мусора всегда есть функция пары «затраты–выпуск», т. е. «затраты–прибыль». Используемое теоретиками современного общества понятие «риск» гораздо шире понятия «мусор». Но при этом всякий бесхозный мусор есть потенциальный риск.

Производственный и бытовой мусор – не только побочные продукты общественного производства, но *его необходимая и специфическая фаза*. Как и другие фазы этого производства, оно имеет свои специфические закономерности. Важнейшая из них заключается в том, что при завершении очередного цикла общественного производства мусор, вывезенный на свалки и полигоны, вследствие процессов социально-экологического метаболизма, продолжает жить собственной жизнью, оказывая не только обратное, обычно замедляющее воздействие на исходный производственный процесс, но изменяя среду обитания на многие сотни и даже тысячи километров от «точки» его производства. Более того, такие формы производства «мусора»,

Прекращение военных или иных разрушительных действий и даже начало реабилитации некоторого поселения не означает прекращения деградации социально-экологических систем, поскольку эти процессы инерционны.

как извержение вулканов или техногенные катастрофы, могут оказывать негативное воздействие на состояние биосферы в целом.

СВ – мощные производители мусора (wastes) и мёртвых зон (dead areas). Причём это почти всегда рискогенный мусор: необезвреженные минные поля, разрушенные системы жизнеобеспечения, сожжённые леса и другие экосистемы. Любой вид мусора не стабилен, не локализован. Вследствие процессов природного, химического и социального метаболизма *мусор или его производные постоянно мигрируют*, иногда ассимилируясь средой, а иногда, напротив, порождают новые высоко рискогенные химические соединения. В некоторых случаях вовремя не убранный (не утилизированный) мусор имеет способность к расширенному само-воспроизводству. Например, сгоревший, но вовремя не убранный лес производит вредителей, поражающих не тронутые пожаром леса и т. д. Но широко распространены также и «мирные» мусорные войны. Перенос загрязняющих среду предприятий из развитых стран в развивающиеся с целью увеличения нормы прибыли является наиболее типичным примером такой «мусорной войны». Далее, создание газотранспортных сетей и их хабов приводит к неизбежному разрушению природных экосистем, не говоря уже о той угрозе, которую представляют аварии на этих сетях, сегодня опутывающих весь мир.

В критических ситуациях производство мусора резко возрастает вследствие разрушения зданий, сооружений и технических инфраструктур, дезорганизации социальной жизни, разрушения специальных служб уборки и утилизации мусора. Количество и характер бытового мусора – важный индикатор социального благополучия. Причём часть бытового и производственного мусора используется при создании разного рода оборонительных (защитных) сооружений (блокпостов, завалов и т. д.). Более того, в подобных ситуациях «мусор» становится товаром (приобретает рыночную стоимость) как для бедных, бомжей и других обнищавших групп населения, так и для противоборствующих сторон (похищение и продажа оружия, радиоактивных и других поражающих, т. е. высоко рискогенных веществ).

Местные жители, состояние их умов и психики

О них политики и журналисты, как правило, забывают. Скучная материя. Куда интереснее и престижнее писать о глобальных силах современных войн и «мировой закулисе». Забывают или не интересуются, потому что понимают: борьба идёт не за благополучие и умы этих «местных», а за *политическое влияние, территорию и ресурсы* сильных мира сего.

Современные войны – мощные производители мусора и мёртвых зон. И это почти всегда рискогенный мусор: необезвреженные минные поля, разрушенные системы жизнеобеспечения, сожжённые леса и другие экосистемы.

В современной войне борьба идёт не за благополучие и умы местных жителей, а за политическое влияние, территорию и ресурсы сильных мира сего.

Сейчас завести несколько сот тысяч мигрантов из любой точки планеты – не проблема. Тем более что отряды наёмников, «частные батальоны» или «неопознанные вооружённые формирования» – они ведь тоже не местные, они – пришлые, вахтовики, только с оружием. Но, в конце концов, значительная часть и местных, и пришлых превращается в «лишних людей», дезадаптантов [Яницкий 2004; Вауан 2004].

Местные – по преимуществу, обыватели. В этом слове нет никакого укора. Просто это люди индустриальной (и доиндустриальной) эпохи, жившие всегда тяжёлым физическим трудом пополам с хронической безработицей, обременённые безденежьем, болезнями, хроническим недоеданием. С большими семьями и нищенскими пенсиями, а то и вообще без них. Что же удивительного в том, что местные из Донбасса, Египта или стран Северной Африки хотели бы жить, как в России или на юге Европы?

Да, если взять Донбасс, то поначалу самопровозглашённая власть их обнадёжила и многие (в основном 35–45-летние) встали на защиту этой власти и своего дома, посёлка, города. Но когда против обывателей началась настоящая война киевской власти, война с человеческими жертвами и разрушениями их жилищ (о мародёрстве и грабежах я уже не говорю), а новая власть отступила, первоначальная эйфория рядовых граждан сменилась сначала страхом, а потом оцепенением. Тем более что и уйти поначалу было некуда: «официального безопасного коридора для беженцев и гуманитарных грузов между Россией и мятежными регионами Украины не появилось до сих пор» [Бурская 2014: 4]. Хотя уже случились три волны украинских беженцев в Россию, долгое время они оседали, главным образом, в приграничных районах. И при первой возможности стремились вернуться домой: кто пенсию получить, кто огород полить, свиней накормить и т. д. [Макаренко 2014: 2]. До последнего эти люди будут держаться за свой дом и хозяйство, за свою «малую родину».

Но далеко не все местные жители стремились уехать и, тем более, присоединяться к ополченцам. «До тех пор, пока народу платят здесь зарплату, и пока они не пострадают лично, то исправно будут ходить на работу, спокойно жить, ни о чём не беспокоиться и наблюдать за происходящим со стороны». Психологически это было оцепенение, «люди были как бы в футлярах», как сказал один волонтер [Боброва 2014: 4]. Замечу, что волонтеры более надёжны в своих оценках, чем журналисты. Но всё же истинную картину случившегося можно будет составить много позже, и основными информантами будут именно местные. Тем более что современная техника (смартфоны) позволяет фиксировать то, что не могут сделать ни журналисты, ни тем более официальные лица.

Правозащитники опять утверждают, что «эти люди должны быть услышаны. Гибель гражданского населения требует тщательного и объективного расследования со стороны властей Украины» [Локшина 2014: 5]. Но это произойдёт когда-то потом, если вообще произойдёт. Тем более кто-то за это время уедет, эмигрирует, умрёт. А люди и их жилища гибнут здесь и сейчас. На место упавшего малазийского Boeing'a сбежался чуть ли не весь мир. Но за время артиллерийских и авиаударов армии Украины по мятежным регионам погибло или было изувечено на порядок больше людей. И никакие международные организации эти жертвы не собирают и не «документируют», даже правозащитники. Вот это – *критический разрыв* между трагическим настоящим и спекулятивным политическим будущим. Я бы назвал таких правозащитников новым и быстро растущим отрядом международной бюрократии. Кто, когда и по каким источникам будет документировать эту быстро меняющуюся и многоаспектную критическую ситуацию? – вот ключевой вопрос для нас, социологов.

Выводы

Современные войны и порождаемые ими критические состояния не имеют ни территориальных, ни временных границ. Более того, эти состояния имеют тенденцию к расползанию по всему миру. Как сказал один «ополченец» из воюющего юго-востока Украины: «Если я не могу сбить пикирующий на мой дом самолёт, то я могу взорвать бомбу во Львове или Киеве». Важнее другое: критические состояния разного происхождения и масштаба «производят» контингент милитаризованных людей, готовых воевать не только за свой дом, но и в любой точке земного шара, что, в свою очередь, порождает потребность в частных институтах рекрутинга и обучения таких людей. Конкретные причины здесь разные: безработица, отсутствие гражданской специальности, этические и религиозные мотивы и просто тип характера. Но есть одна фундаментальная причина, она же и проблема: *современный мир перенасыщен оружием и его носителями*. А оружие – неизменный атрибут насилия, легитимного и нелегитимного. И акторами этого насилия всё чаще являются субъекты не государственной, но частной власти (читай: частного капитала). Три батальона, принадлежащие одному из украинских олигархов и до недавнего времени воевавшие на юго-востоке Украины, лишь единичный тому пример. По некоторым сведениям, национальная гвардия Украины – это фактически частная армия, которая далеко не всегда согласует свои действия с центральным правительством. Общая закономерность состоит, на мой

Общая закономерность состоит в том, что в наше мирное, казалось бы, время растёт число людей и социальных групп, склонных решать все жизненные проблемы насилием. Это уже «другие люди». Грань между критической ситуацией и вооружённым столкновением, между социальной нормой и социальной патологией становится всё более условной.

взгляд, в том, что в наше мирное, казалось бы, время растёт число людей и социальных групп, склонных решать все жизненные проблемы насилем. Это уже «другие люди». Грань между критической ситуацией и вооружённым столкновением, между социальной нормой и социальной патологией становится всё более условной. И это очень опасный тренд.

Сиюминутные политические цели не оправдывают человеческих жертв, нарушения социального порядка и расточительства невозможных ресурсов. Казалось бы, только глобальное потрясение может привести к пересмотру системы ценностей современного мира и установлению (на какое-то время!) мира и согласия. Однако ни опыт двух мировых войн, ни глобальные экологические катастрофы (Бхопал, Чернобыль, Фукусима-1) не привели к пересмотру фундаментальных ценностей, лежащих в основе экономики и политики современного капитализма. Столь же бессильными оказались рекомендации международных саммитов (Стокгольм, Рио, Рио+10). Человечество, как и сто, и тысячу лет назад, продолжает вести себя как биологический вид.

В краткосрочной перспективе оказывается экономически эффективнее и политически выгоднее заниматься в очередной раз ликвидацией «последствий» экологических или техногенных катастроф, нежели пытаться создать всеобъемлющую систему международного социально-экологического права (провал самой идеи Киотского протокола – лучшее тому подтверждение). Не говоря уже о том, что не существует прецедентного экологического права, подобного политическому. Всеобъемлющий и всепроникающий риск глобальной капиталистической системы должен иметь столь же всеобъемлющее и действенное правовое «противоядие».

Библиографический список

Арбатов А. 2014. Ядерный потолок // Военно-промышленный курьер. № 26 (544). С. 1, 4, 5.

Боброва И. 2014. Война глазами волонтера // Московский комсомолец. 09.07. С. 1, 4.

Бурская З. 2014. За что? // Новая Газета. 09.07.С. 4.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. Шляпентоха В. Э., Шубкина В. Н., Ядова В. А. М.: Моск. общественный научный фонд, 1999. 119 с.

Киршин Ю. 2014. Армейская интеграция // Независимое военное обозрение. № 24 (813). 18–24.07. С. 10–11.

Кравченко С. А. 2012. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО «Университет». 306 с.

Ни опыт двух мировых войн, ни глобальные экологические катастрофы (Бхопал, Чернобыль, Фукусима-1) не привели к пересмотру фундаментальных ценностей, лежащих в основе экономики и политики современного капитализма.

Кустарёв А. 2005. Рецензия на книгу: Ясин Е. Приживётся ли демократия в России? // Pro et contra. № 2 (24) С. 108–116.

Кустарёв А. Кем и как управляется мир // Pro et contra. 2007. № 6 (39). С. 6–19.

Къеза Дж. 2006. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо. 320 с.

Локшина Т. 2014. Нами документированы жертвы среди гражданского населения и значительные разрушения // Новая Газета. 09.07. С. 5.

Макаренко В. 2014. Откуда прилетел «Град»? // Новая Газета. 18.07. С. 2.

Чекинов С. Г., Богданов С. А. 2013. О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. № 10. С. 13–24.

Шубкин В. Н., Иванова В. А. 2001. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В. Ядова. М.: КАНОН-Пресс. С. 348–358.

Яницкий О. Н. 2003. Социология риска. М.: LVS. 192 с.

Яницкий О. Н. 2004. Модерн и его отходы. // Социологический журнал. № 1/2. С. 199–205.

Яницкий О. Н. 2004а. Риск-солидарности: российская версия // Интер. № 2–3. С. 52–62.

Яницкий О. 2004b. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–15.

Яницкий О. Н. 2008. Европейские лидеры о долгосрочной перспективе Европейского Союза // Мир и политика. № 11. С. 41–52.

Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. International Sociology 23(4). P. 488–513.

Bauman Z. 2004. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press. 140 p.

Beck U. 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 260 p.

Beck U. 1995. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society. New Jersey: Humanities Press. 159 p.

Beck U. 1999. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 184 p.

Beck U. 2010. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Boyden S., Millar S., Newcombe K., O'Neill B. 1981. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong.* Canberra: Australian National University Press. 437 p.

Fisher-Kowalski M. 1997. *Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star* // Redklift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology.* Northampton, MA: Edward Elgar. P. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. 2007. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use.* Vienna: Klagenfurt University. 384 p.

Keen D. 2008. *Complex Emergences.* Cambridge: Polity. 296 p.

Reisman D., Glaser N., Reuel D. 2001. *The lonely crowd: a study of the changing American character.* Yale: Yale University Press (reprint). 378 p.

Mol A. P. J. 1995. *The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry.* Utrecht: Van Arkel. 452 p.

Thomas W. I. (ed.). 1965. *Man's Role in Changing the Face of the Earth,* Chicago: University of Chicago Press. 320 p.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. 1988. *Human adaptation to extreme stress. From the Holocaust to Vietnam.* N.Y. and London: Plenum Press. 387 p.

Wolman A. 1956. *Disposal of Man's Wastes* // W. L. Thomas (ed.) *Man's Role in Changing the Face of the Earth,* Chicago: University of Chicago Press. P. 178–193.

Wolman A. 1965. *The Metabolism of the Cities,* Scientific American. № 213 (3). P. 178–93.

Yanitsky O. 1982. *Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice.* International Social Science Journal. Vol. XXXIV. № 3. P. 469–480.

Yanitsky O. 2012. *A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing.* Social Analysis. Vol. 2. No 2. P. 7–24.

Modern Wars: The Socio-ecological Dimension

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Professor, chief of the Department of socio-ecological researches, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. In contrast to the concept of a social conflict, the notions of a modern war (MW) and critical situation are still insufficiently investigated. The main topics of the article are the general characteristics of modern wars and critical situations, the role of market, international legal institutions, and media and socio-ecological factors on the emergence and development of MWs. It also addresses the problem of material and human wastes as risky forces that diminish the portion of the planet suitable for life. The following features of the above phenomena have been identified.

First, risks engendered by MWs equally affect the institutional system of a society, ways of life, and natural and man-made ecosystems. Second, every MW has a dynamic character: in the course of its development some actors involved lose their power and others gain more strength. As a rule, starting as a local/intra-state conflict, the MW gradually acquires an international character. Third, the processes of socio-ecological metabolism generated by MWs have no definite space-time limits. Fourth, the programmed media-market is a mighty weapon of MWs. Fifth, there are two types of MWs: a sharp overall destruction of natural and human communities and their long-term 'peaceful' extinction, which is risky as well. Sixth, the behaviour of the local population is totally dependent on the swings of MWs in the given area. The author came to the conclusion that the majority of MWs are not 'unintended events', but present the cumulative effects of a long chain of everyday struggle of social actors for resources and political domination. In sum, MWs and critical situations they generate have no space-time limits. Then, by whom, when and based on which informational sources will this rapidly changing and multisided critical situation be fixed? – that is the question for us as sociologists.

Keywords: critical situation, international legal institutions, market, media, modern war, risk, socio-ecological metabolism, wastes

References

Arbatov A. Jaderny potolok [Nuclear Flow]. *Voenno-promyshlenny kur'er*, 2014, No. 26 (544), pp. 1, 4, 5.

Arsenalt A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics – *International Sociology*, 2008, No. 23(4), pp. 488–513.

Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK, Polity Press, 2004. 140 p.

Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London, SAGE, 1992. 260 p.

Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society*. New Jersey, Humanities Press. 1995. 159 p.

Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA, Polity Press, 1999. 184 p.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Bobrova I. Voyna glazami voluntiora [War through the Eyes of a Volunteer] – *Moskovsky komsomoletz*, 2014, 09.07, pp. 1, 4.

Boyden S., Millar S., Newcombe K., O'Neill B. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong*. Canberra, Australian National University Press, 1981. 437 p.

Burskaja Z. Za chto? [For What Reason?] – *Novaja Gazeta*, 2014, 09.07. P. 4.

Chekinov S. G., Bogdanov S. A. O haraktere i sodержanii voyny novogo pokolenija [The Nature and Content of the New Generation of War] – *Voennaja mysl'*. 2013, No. 10, pp. 13–24.

Chiesa J. Voyna imperiy: Vostok – Zapad. Razdel sfer vlijaniya [War of Empires: East – West. Spheres of Influence]. Moscow, Exmo, 2006. 320 p.

Fisher-Kowalski M. Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star. Redclift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology*. Northampton, MA: Edward Elgar. 1997, pp. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna, Klagenfurt University, 2007. 384 p.

Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v konce XX veka (po materialam mezhdunarodnyh issledovaniy) [Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late XX Century (on Results of International Research)]. Ed. by V. E. Shliapentokh, V. N. Shubkin, V. A. Yadov. M.: Mosk. obshhestvenny nauchny fond, 1999. 119 p.

Keen D. *Complex Emergences*. Cambridge, Polity, 2008. 296 p.

- Kirshin Y. Armejskaja integracija [The American Integration] – *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2014, No. 24 (813), pp. 10–11.
- Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshhestva: k obosnovaniju gumanisticheskoy teorii slozhnosti [Formation of a Complex Society: to the Justification of the Humanistic Theory of Complexity]. Moscow, MGIMO “Universitet”, 2012. 306 p.
- Kustariov A. Recence on the book: Yassin E. Prizhiviotsia li demokratija v Rossii? [Will a Democracy Survive?] – *Pro et contra*, 2005, No. 2 (24), pp. 108–116.
- Kustariov A. Kem i kak upravliaetsia mir [Who and How is Managing the World] – *Pro et contra*, 2007, No. 6 (39), pp. 6–19.
- Lokshina T. Nami dokumentirovany zhertvy sredi grazhdanskogo naselenija i znachitel'nye razrushenija [We have Documented Civilian Casualties and Considerable Damage] – *Novaja Gazeta*, 2014, 09.07, p. 5.
- Makarenko V. Otkuda priletel «Grad»? [Whence Came “Grad”?] – *Novaja Gazeta*, 2014, 18.07, p. 2.
- Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry. Utrecht, Van Arkel, 1995. 452 p.
- Reisman D., Glaser N., Reuel D. The lonely crowd: a study of the changing American character. Yale, Yale University Press (reprint), 2001. 378 p.
- Shubkin V. N., Ivanova V. A. Strahi, trevogi, sposobnost' protivostojat' im [Fears, Anxieties, the Ability to Resist Them]. Rossiya: transformirujuschaiasia obschestvo. Pod. red. V. Yadova. Moscow, KANON-Press, 2001, pp. 348–358.
- Thomas W. I. (ed.). Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, University of Chicago Press, 1965. 320 p.
- Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam. New York and London, Plenum Press, 1988. 387 p.
- Wolman A. Disposal of Man's Wastes. W. L. Thomas (ed.) Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, University of Chicago Press, 1956, pp. 178–193.
- Wolman A. The Metabolism of the Cities – *Scientific American*, 1965, No. 213 (3), pp. 178–93.
- Yanitsky O. N. Sociologija riska [Sociology of Risk]. Moscow, LVS, 2003. 192 p.
- Yanitsky O. N. Modern i ego othody [Modernity and its Wastes] – *Sotziologicheskij zhurnal*, 2004, No. 1–2, pp. 199–205.
- Yanitsky O. N. Risk-solidarnosti: rossiyskaja versija [Risk-solidarity: Russian Version] – *Inter*, 2004, No. 2–3, pp. 52–62.
- Yanitsky O. N. Rossiya kak obschestvo riska: metodologija analiza i kontury koncepcii [Russia as a Risk-society: Methodology of Analysis and Outlines of the Concept] – *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, No. 2, pp. 5–15.
- Yanitsky O. N. Evropeyskie lidery o dolgosrochnoy perspektive Evropeyskogo Sojuza [European Leaders on Long-term Perspectives of European Union] – *Mir i politika*, 2008, No. 11, pp. 41–52.
- Yanitsky O. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice – *International Social Science Journal*, 1982, Vol. XXXIV, No. 3, pp. 469–480.
- Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing – *Social Analysis*, 2012, Vol. 2, No. 2, pp. 7–24.

Современные войны: социальные причины и последствия

Война идентичностей

Дибиров Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, профессор, ректор НАОДПО «Дагестанский институт экономики и политики», Махачкала

E-mail: anzidi@yandex.ru

Белоусов Евгений Васильевич – кандидат философских наук, директор АНО «Московский институт социально-политической экспертизы», Москва

E-mail: ev.beloysov@yandex.ru

Война идентичностей

Аннотация

В предлагаемой статье на основе теоретического обоснования авторского понимания содержания понятия «идентичность» вскрываются причины конфликта идентичностей на постсоветском пространстве. При этом авторы обращаются к опыту формирования национальной идентичности в имперской России, Советском Союзе и постсоветских государствах. В статье на основе анализа содержания таких понятий как «этнократизм», «конструирование национальной идентичности», «символы национальной гордости» вскрываются причины краха государственности в полиэтничных обществах и анализируются факторы сохранения или возрождения в них государственности. Большое внимание в статье уделено содержанию советской идентичности и её роли в формировании и сохранении российской государственности. По мнению авторов работы, основой конфликта идентичностей на всём постсоветском пространстве является конфликт между советской идентичностью, сохранившейся вплоть до сегодняшнего дня у части населения, и идентичностью, несущей в той или иной мере элементы национализма, которую пытаются сформировать в новых государствах. Конфликт между искусственно конструируемой национальной идентичностью в постсоветских государствах и сохраняющей своё влияние советской идентичностью определял и определяет во многом политическую ситуацию в этих государствах. Классическим воплощением этого конфликта, считают авторы статьи, стала война идентичностей, разразившаяся на Украине. Авторы подвергают критике устоявшуюся в нашем общественно-политическом дискурсе точку зрения о том, что здесь произошло столкновение русского мира и украинского национализма. В статье аргументированно вскрывается природа этой войны идентичностей, как войны между сконструированным за последние двадцать лет украинским национализмом и устоявшейся советской идентичностью, объединяющей, главным образом, граждан юго-востока Украины с такими же гражданами других постсоветских государств, прежде всего, России.

Ключевые слова: война, государство, граждане, идентичность, история, нация, национализм, конфликт

*Мы должны со всей силой своего ответственного разума
подавлять нашу естественную склонность относиться
к социальным нормам и ритуалам других культур
как к неполноценным.*

К. Лоренц

События на Украине показывают, что спустя 23 года после развала Советского Союза тектонические сдвиги на постсоветском геополитическом пространстве не успокоились, а продолжают с нарастающей силой. Первый кровавый межэтнический конфликт той эпохи распада разразился ещё в 1988 г. в Азербайджане. Затем полыхнула Средняя Азия, за ней Грузия, Приднестровье, российский Северный Кавказ. Волна военных столкновений, имеющих этническую окраску, то затихая, то разгораясь с новой силой, докатилась и до Украины. Нет гарантий, что на Украине она остановится. В частности, нервная реакция лидеров прибалтийских стран, потребовавших ввода войск НАТО на свою территорию, недвусмысленно выдаёт их опасения оказаться на её гребне.

Трагическая последовательность этих событий создаёт впечатление, что время подтачивает и рвёт незримые узы, которые связывали некогда «братские» народы великой страны в неразрывное целое – рвёт их общую идентичность. То здесь, то там некогда «свои», «наши» вдруг обнаруживают себя в окружении «чужих» и «врагов», причём каждая линия такого разрыва имеет тенденцию превратиться в очередную – большую или маленькую – линию фронта.

Отправной вопрос в оценке подобных тенденций звучит так: а была ли на самом деле та самая «советская» идентичность, позволявшая советским людям говорить о себе, как о едином народе, и до сих пор называть представителей воюющих народов «братьями»? Д. А. Медведев, например, в бытность Президентом РФ заявил в интервью каналу «Евро Ньюс», что никакой «единой общности – советского народа» никогда не было, что это – теоретическая конструкция [Медведев 2011]. Надо признать, что подобное мнение стало, по сути, официальной точкой зрения большинства постсоветских государств, объясняющих своё былое пребывание в рамках Союза не добровольностью, основанной на осознании объективной исторической общности, а насилием – русской или советской оккупацией. Но если это так, тогда перед постсоветскими странами, в том числе перед Российской Федерацией, встаёт тот самый роковой вопрос: если разные этносы в рамках СССР объединяла не общая идентичность, а насилие, то что, кроме насилия, объединяет их в рамках возникших на руинах СССР государств?

Национальная идентичность и этнократия

Мрачная перспектива, которая открывается за таким видением причин нашего бывшего единства, заставляет в поисках адекватного ответа вернуться на столетие назад к историческим истокам проблемы – к тем трагическим событиям, когда Российская империя, не выдержав испытания Первой мировой войной, потерпела крушение. Историкам, вообще говоря, хорошо известен факт, что поражение в войне в большом числе случаев вело к распаду полиэтничного государства на множество этнонациональных государственных образований, даже если это не было результатом прямой аннексии территории: достаточно вспомнить судьбу далёкой уже Римской империи или более близких Османской и Австро-Венгерской империй, рухнувших после поражения в Первой мировой войне. Причина такого распада достаточно понятна: империи – а в отношении названных выше это достаточно общепризнанно – являются, как правило, этнократическими государствами, в которых один или несколько этносов угнетают множество других. И в момент крушения государства, т. е. в момент исчезновения государственной власти как таковой, угнетаемые этносы – если тому не мешают победители – сразу же учреждают собственную государственность, реализуя универсальный принцип революции: «кто был ничем, тот станет всем».

Однако крах Российской империи плохо вписывается в эту схему. Хотя России не было в числе победителей, её дальнейшая судьба совершенно не похожа на судьбы названных империй: вначале тотальный распад, а затем – через несколько лет гражданской войны – возрождение единой многонациональной страны практически в тех же имперских границах. В чём же причина того, что Российское государство не повторило тогда судьбу исчезнувших империй?

Как представляется, тут можно назвать две основные причины. Первая: Российская империя, в отличие от названных, никогда не была этнократическим государством в своём классическом виде. Вторая причина: именно новая национальная – «советская» – идентичность, возникшая в ходе Октябрьской революции и гражданской войны, на тот момент оказалась «сильнее» практически любой этнической идентичности входивших в империю народов.

В советское время царскую Россию (по понятным идеологическим основаниям) называли «тюрьмой народов», подразумевая, однако, что в этой тюрьме наравне со всеми в своей камере также томился и русский народ. Но после распада СССР как-то само собой стало подразумеваться, что «тюрьма народов» – это русская этнократия. И именно угнетением

Распад российской империи был вызван вовсе не национально-освободительными восстаниями, которых тогда попросту не было, а тотальным крахом центральной власти империи.

малых этносов и их национально-освободительной борьбой и стали объяснять причину распада Российской империи. Однако, как представляется, подобную точку зрения вряд ли возможно подтвердить фактами. Распад империи, что хорошо известно, был вызван вовсе не национально-освободительными восстаниями, которых тогда попросту не было, а тотальным крахом центральной власти империи.

Военные неудачи российской армии, нараставший экономический хаос в стране, моральная дискредитация правящей элиты (вспомнить хотя бы «распутинщину») привели к полной делегитимации монархической власти, формально завершившейся отречением последнего русского царя, после которого трон так и остался незанятым. Этот факт означал внезапное прекращение всей государственной традиции страны, где тысячу лет законной признавалась только власть, переданная от царя к царю. Таким образом, Россия в результате войны лишилась не только легитимной, но в одночасье и законной власти. Временное правительство, пришедшее на смену монархии и учреждённое на принципах, неведомых российской государственности, в глазах народа с самого начала было не вполне законным, а по мере дальнейших военных поражений и гражданской анархии также лишилось и зачатков «революционной» легитимности. В стране, где исчезла государственная власть или, что одно и то же, повсеместно не признавалась таковая, совершенно закономерно исчезала *гражданская идентичность*, т. е. признание гражданами своей подвластности существующему (или уже несуществующему) государству.

В этой ситуации и начался обвальный распад империи, первоначально без участия всякого национального фактора, хотя плодами этого распада в первую очередь воспользовались именно национальные элиты. Первой здесь выступила Центральная Рада, провозгласившая автономию Украины; далее последовали соответствующие декларации о независимости Польского и Финляндского Сеймов, «суверенизация» Сибири и т. д. А к концу 1918 г. на бывшей территории Российской империи образовались уже десятки государственных образований, в том числе этнонациональных, заявивших о своей независимости.

Таким образом, фактический ход событий не даёт особых оснований видеть причину распада страны в борьбе народов против этнократии, против национального угнетения. Разумеется, вопрос об «угнетении» весьма субъективный: кто-то, например, считает угнетением (т. е. недопустимым ущемлением прав) любое замечание в свой адрес со стороны представителя другого этноса и тотчас бурно протестует против этого. Однако более или менее объективным критерием наличия или отсутствия этнократии в исторической ретроспективе является как раз степень желания или степень нежелания

различных этносов жить в одном государстве. Тем более жить и дальше вместе, если государство, в котором они жили до этого, вдруг исчезло. И если такое происходит (а в России по итогам гражданской войны произошло именно это), можно сделать вывод, что граждан исчезнувшей страны не столько разделяла их этническая идентичность, сколько связывало нечто большее – историческая и культурная общность, которую принято называть *национальной идентичностью* [Белоусов, Дибиров 2010]. Однако не известно, чтобы когда-нибудь в истории в многоэтнической империи, в которой господствовала этнократия, у граждан вдруг появилась эта самая национальная идентичность и после крушения империи они по-прежнему захотели бы жить вместе.

Существует возражение, что единство российского государства было восстановлено исключительно военной силой Красной армии, и национальная идентичность граждан многоэтнической страны не имела к этому отношения. Как представляется, это – слабый аргумент. Польша, в отношении населения которой в империи действительно имелись законодательно оформленные этнократические ущемления прав, не захотела жить в едином государстве и ушла. Ушла Финляндия, ушли прибалтийские страны – и Красная Армия пальцем не пошевелила, чтобы помешать им в этом. Причём последовавшая в дальнейшем польская интервенция показала, что если население мобилизовано по этническому признаку, то справиться с ним и армии было не под силу.

Следует вспомнить, что на стороне национальных буржуазных правительств, которые возникли повсеместно на территории распавшейся Российской империи, практически без исключения выступали интервенционистские силы в лице Германии, Турции или стран Антанты. И без массовой поддержки народов национальных образований, тем более при их сопротивлении, шансы Красной армии, обутой в лапти, были равны нулю. «Не российское советское правительство выгнало нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого, ещё раз говорю, российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории», – вот именно так заявил, можно считать, от лица всех неудачников-националистов бывший глава Директории В. К. Винниченко [Винниченко 1920], и ему следует поверить. Если к сказанному добавить, что при распаде империи государственно обособились также территории, практически полностью заселённые русскими, в частности в Сибири, на Дальнем Востоке и т. д., к чему «национальное угнетение» точно не имело никакого отношения, можно сделать вполне обоснованный вывод, что отсутствие этнократии в Российской империи – это первая причина того, почему российское многонациональное государство смогло возродиться из пепла двух войн.

Советская идентичность и гражданская война

Однако надо признать, что само по себе отсутствие этнократии и отсутствие восприятия русских как угнетателей – это недостаточное основание для того, чтобы у представителей российских национальных меньшинств, которые уже де-факто вышли из состава империи, вдруг появилось желание опять объединиться в новом государстве. Особенно это справедливо в отношении тех мелкобуржуазных элит, в руках которых впервые в истории оказалась государственная власть и отдавать которую по понятным мотивам им вовсе не хотелось. А этнонационализм в такой ситуации оказывался единственной идеологией, оправдывавшей их претензии на власть. Тем не менее, объединение страны состоялось. И, как представляется, решающую роль в нём сыграли именно революция и гражданская война, которая шла не по этническому, а по классовому признаку, и которая во много раз ускорила формирование новой национальной – теперь уже *советской* – идентичности.

Идентичность как таковая, как субъективная антитеза «мы – они», делящая весь человеческий мир на «своих» и «наших», с одной стороны, и «чужих» и «врагов» – с другой, в исторической ретроспективе вообще есть исключительно порождение войны [Белоусов, Дибиров 2010]. Да, люди сотни лет могли мирно сосуществовать рядом, представляя на посторонний взгляд, скажем, единую племенную общность или общность граждан одного государства, но только война действительно могла разделить людей и воочию показать, с какой человеческой общностью они себя на самом деле идентифицировали и за какую общность были готовы сложить свои головы. При этом война закономерным образом не только разделяла людей по какому-то основанию, но по этому же основанию и объединяла их, превращая это основание в фундамент собственной идентичности. Гражданская война, если речь не идёт о банальной борьбе за престол, – это всегда война идеологий, это всегда размежевание и конфликт идентичностей.

Общий взгляд на историю позволяет выделить, исключая династические «разборки», три основания, по которым когда-либо велись гражданские войны: они носили характер либо межэтнического, либо классового, либо религиозного столкновения, либо совмещали в некоторой пропорции их признаки. Например, первые башкирские восстания XVII в., связанные с попыткой Москвы окрестить башкир, с очевидностью несут в себе элементы этнического и религиозного противостояния. А вот восстание Пугачёва, в котором те же башкиры, как и другие национальные меньшинства, вместе с русскими принимали самое деятельное участие, хотя началось оно под предлогом восстановления на престоле «законного» царя, при

Идентичность как субъективная антитеза «мы – они», делящая весь человеческий мир на «своих» и «наших», с одной стороны, и «чужих» и «врагов» – с другой, в исторической ретроспективе вообще есть исключительно порождение войны.

любом подходе иначе, как классовым столкновением, назвать трудно. В то же время восстание Спартака в Риме, которое, по советской традиции, по большей части называют исключительно классовой войной, несомненно, имело и этнический характер, поскольку врагом восставших были не просто рабовладельцы, но и все (этнические) римляне.

В соответствии с приведённым делением можно утверждать, что стороны гражданского конфликта всегда идентифицируют себя либо по этническому («мы – люди, они – звери!»), либо по религиозному («мы – правоверные, они – неверные!»), либо по классовому («мы – товарищи, они – господа!») основанию. Причём очевидно, что противостоящие стороны могут принимать различные основания для идентификации себя и противника.

Что касается гражданской войны в России, то здесь вряд ли есть серьёзные поводы подвергать сомнению традиционный взгляд на её характер, а именно на тот факт, что со стороны «красных» она носила ярко выраженный классовый, интернациональный и в известной мере антиклерикальный характер. С противной стороны вместе с «белой» армией им противостояли националистические формирования, часто под религиозными знамёнами. «Красная» идентичность основывалась на идее всеобщего равенства людей; «белая» – на идее «загнать быдло в стойло»; националистическая и религиозная – это смесь идей национальной исключительности с идеями утверждения «истинной» веры – в основном с идеями того же джихадизма. И надо подчеркнуть, что нигде, даже в Средней Азии, большинство населения – социальные низы – не поддержало ни националистов, ни религиозных фанатиков, ни тем более «белых». «Красная» идентичность, основанная на идеях равенства и справедливости, оказалась более привлекательной и победила в головах подавляющей части российских народов. В результате страна в конечном итоге разделилась на «своих» и «чужих» не по этническому, не по религиозному, а именно по классовому признаку. Характерное свидетельство, касающееся опять же Украины, но, по сути, относящееся в той или иной степени ко всем буржуазным национальным образованиям того времени, оставил В. К. Винниченко. Он признавался впоследствии, что политика «украинизации», призванная, по сути, разжечь националистические настроения среди населения, потерпела крах. Вместо «незалежности» большинство украинцев поддержало большевиков и радовалось, когда те разгоняли Раду. «Ужасно и странно во всём этом было то, – сетовал он, – что они тогда получили всё украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги» [Винниченко 1920].

И чем сильнее разгоралась война, тем сильнее классовая ненависть – *социальный расизм*, как определил её С. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2002], мобилизовывала многоэтническое

население бывшей империи, разводя его по разные стороны баррикад. Брат шёл против брата, русский против русского, дагестанец против дагестанца, украинец против украинца... В то же самое время по одну сторону баррикад братьями по оружию, братьями по борьбе за светлое будущее всё сильнее чувствовали себя те же самые русские, дагестанцы, украинцы... – представители социальных низов всех этносов, населявших территории тогдашней России.

При этом следует иметь в виду, что в формировании идентичности, особенно национальной идентичности, огромную роль играет не только война сама по себе, создающая «братство по оружию», но и общая *победа* в этой войне. В более широком смысле идентичность всегда опирается на общие символы гордости, среди которых военные победы находятся, конечно же, на первом месте. А именно социальные низы бывшей империи, представлявшие подавляющее большинство населения, вышли победителями из кровопролитной войны и стали по факту носителями новой, завоёванной в классовых боях, национальной идентичности, известной нам под именем «советской».

Таким образом, можно утверждать, что «советская» идентичность в своём «первозданном» виде – это классовая идентичность бывших граждан Российской империи, победивших в гражданской войне. Естественно, что эта идентичность опиралась на многовековую гражданскую и культурную общность российских народов, и без этой общности не могла бы служить прочной основой новой советской государственности. Также очевидно, что в годы гражданской войны и непосредственно после неё эта идентичность была «сильнее» любой этнической идентичности: «чистота» рабоче-крестьянского происхождения и участие в революционной борьбе значили в социальном статусе человека практически всё, этническая принадлежность не значила ничего. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – абстрактный лозунг стал практическим принципом человеческих взаимоотношений в огромной многонациональной стране.

Но «победа» классовой идентичности над идентичностью этнической, сыграв исключительно важную роль в реинтеграции распавшейся страны, в то же самое время сыграла роль «троянского коня», заложив фатальные противоречия в основы нового государственного устройства. Ведь только в условиях, когда этнические различия объявлялись классовой идеологией чуть ли не «пережитком прошлого», стали возможны такие волюнтаристские «нарезки» национальных территорий, когда этносы оказались разделены и ранжированы по своему статусу: одни стали титульными нациями союзных республик, другие – титульными нациями автономных республик, подчинённых союзным республикам ..., а самые последние оказались с составе национальных округов, подчинённых всем

Идентичность всегда опирается на общие символы гордости, среди которых военные победы находятся, конечно же, на первом месте.

«вышестоящим» нациям. При этом границы часто нарезались так, чтобы части одной этнической общности оказались в различных национально-территориальных образованиях (как, скажем, Карабах в Азербайджане, Новороссия в Украине и т. д.), «усиливая», таким образом, «интернациональность» этих территорий. Учитывая, что буквально за год или два перед этим (т. е. во время гражданской войны) те самые общности могли воевать друг с другом за те самые территории, подобные эксперименты были возможны только в условиях, когда авторитетом (и силой) рабоче-крестьянского государства была предложена альтернативная – классово-интернациональная идентификация «своих» и «врагов».

Хотя подобная иерархия национально-территориального деления, по крайней мере в годы расцвета СССР, не давала никакого социально-политического или экономического преимущества представителям титульных этносов, её бесперспективность заключалась в том, что фатальной слабостью классовой идентичности являлась временность и неизбежная «самоликвидация» в условиях отсутствия классового врага. Как только «они – классовые враги» исчезают в ходе революции и гражданской войны, классовая идентичность теряет питающие истоки и лишается своей объединяющей силы. А вместе с тем «линии» и «трещины» между общностями начинают вдруг появляться в других местах и по другим основаниям – там, где они и пролегли до этого сотни лет. Общество, изгнавшее классовых врагов, неумолимо начинало «разрыхляться» в то время как начавшиеся в стране социалистические преобразования требовали его полной мобилизации. Сталинский парадоксальный тезис об углублении классовой борьбы по мере строительства социализма интерпретируют сегодня большей частью в аспекте борьбы за власть. Однако этот тезис точно также можно интерпретировать, как попытку власти остановить демобилизацию советской (в тот момент исключительно классовой) идентичности, совершенно необходимой для глобальной модернизации общества с помощью революционного энтузиазма масс.

Советская идентичность и распад СССР

Неизвестно, как долго можно было бы подпитывать классовую идентичность с помощью террора и поиска всё новых «классовых врагов». Но грянувшая Великая Отечественная война, сделавшая многонациональный народ СССР великим народом-победителем, вовремя и совершенно естественным образом заменила умирающую классовую основу советской идентичности обычным культурно-гражданским основанием, которое составляют общие символы гордости граждан, принад-

лежащих одной великой стране. Великая военная победа, принадлежавшая по праву всем без исключения народам СССР, сплотила страну без всяких «классовых врагов», подтвердив одновременно по факту историческую справедливость сделанного «социалистического выбора». Хотя поиски «врагов» продолжались ещё по инерции какое-то время, но стало очевидно, что классовая идентификация граждан изжила себя, а после смерти Сталина государство отказалось от неё навсегда. Конечно, официальная пропаганда продолжала противопоставлять советское бесклассовое общество «загнивающему» капиталистическому, однако советская идентичность уже подпитывалась вовсе не классовой принадлежностью, а вполне «общечеловеческими» символами гордости: славной Победой, успехами в экономике, науке и технике, освоении космоса, в спорте и т. д. Люди просто гордились своей общей принадлежностью к могучей Сверхдержаве, к общности избранных историей людей.

Следует отметить, что в более широком историческом масштабе советская идентичность – это, несомненно, всего лишь историческая форма российской национальной идентичности (в данном случае, понятно, «национальная» от слова «нация», а не «национальность»). В её основе лежит историко-культурная общность всех этносов, входивших в состав российского государства задолго до революции 1917 г. От «гражданской» идентичности она отличается тем, что основана не на общем гражданстве или «подданстве», которые могут быть и формальными, и насильственными, а именно на *историко-культурной общности*, складывавшейся во времени с участием всех этих этносов и опиравшейся на общий язык (исторически им стал русский язык), на понимание общности исторической судьбы в рамках антитезы «мы – они» и на завоёванные совместным ратным и мирным трудом общие символы гордости. И героическая советская история, аналогов которой нет в мировой истории, несомненно, многое добавила к общей идентичности народов страны. Потому эта идентичность и заслужила отдельного имени.

Тот факт, что в СССР до самого его распада существовала эта самая «единая советская нация» – т. е. подавляющее большинство граждан, обладавших советской национальной идентичностью – подтверждается простым историческим фактом, когда на мартовском референдуме 1991 г. из 148,6 млн. голосовавших (80% электората) 113,5 млн. (76,4%) проголосовали за сохранение СССР. Против этого в подавляющем большинстве были лишь этнические общины из Прибалтийских республик, Западной Украины и (правобережной) Молдавии¹.

¹ Грузия и Армения не участвовали в референдуме по причине того, что Москва не поддержала их позицию ни в Карабахском, ни в Юго-Осетинском конфликтах.

Это вполне естественно: откуда было взяться у них советской национальной идентичности, если им исторически не привелось разделить с народами СССР гордости ни за великую революцию, ни за великую Победу?

Тем не менее, время шло, а административная модель управления экономикой, основанная на «общественной собственности на средства производства», весьма эффективная в условиях войны, всё меньше отвечала требованиям мирного времени. Страна нуждалась в модернизации, а модернизация требовала политической воли. Однако политическая система в стране была устроена таким образом, что на смену «политическим титанам» в следующем поколении приходили те, кто был у них, по сути, «на побегушках». От одного поколения к другому власть медленно, но неумолимо теряла и волю, и авторитет. И для поднятия своего авторитета первым делом пыталась уронить авторитет предшествующей власти. Сталин сделал здесь первый шаг, когда объявил «врагами народа» и расстрелял героев гражданской войны и революции; Хрущёв в свою очередь развенчал Сталина и вынес его из Мавзолея; Брежнев сверг Хрущёва, обвинив его во всех грехах; а Горбачёв стал топтать ногами всех их вместе. В результате легитимность власти и КПСС в последние годы СССР опустилась, наверно, ниже уровня, на котором находилась легитимность последнего русского царя, безвольно покинувшего престол.

Единственным реальным содержанием горбачёвской «перестройки», замахнувшейся на модернизацию страны, была «гласность». Пожалуй, единственным реальным содержанием «гласности» был сокрушительный удар по символам гордости нации, по её советской идентичности. Мы далеки от того, чтобы давать моральные оценки и называть «лжецами» всех тех, кто находил тёмные пятна во всех героических событиях и на всех героях советской эпохи. Мы лишь обращаем внимание, что в мировой истории, докатившей своё колесо до сегодняшнего дня, лишь несколько стран и несколько народов действительно являются Победителями, и среди них на достойном месте находится Россия – наследница Империи и СССР. Подавляющее же большинство остальных субъектов мирового сообщества являются «по жизни» многократно побеждёнными и наблюдающими за мировой политической сценой с исторической галёрки. Однако это не мешает им – всем без исключения! – иметь свою «героическую» историю, в основание которой, как заметил К. Дойч, кладутся факты «как подлинные, так и поддельные, но в любом случае символизирующие национальное величие» [Deutsch 1979]. Ибо без героической истории, без «национального величия» не может быть национальной идентичности; и ни в какой сколько-нибудь отдалённой перспективе не может быть единой и суверенной

Без героической истории, без «национального величия» не может быть национальной идентичности; и ни в какой сколько-нибудь отдалённой перспективе не может быть единой и суверенной страны. Поэтому уничтожать общие символы гордости своего народа – какой бы ценой они ни были завоёваны, – всё равно, что стрелять ему в затылок.

страны. Поэтому уничтожать общие символы гордости своего народа – какой бы ценой они ни были завоёваны, – всё равно, что стрелять ему в затылок.

Канонада из всех «демократических» орудий по советской истории и символам, несомненно, подорвала объединяющую мощь советской идентичности, вместе с падающим авторитетом власти послужив спусковым крючком тех самых первых межэтнических конфликтов, предпосылки которым были заложены ещё в первые годы существования СССР. Однако надо признать, что эти конфликты – ни на Кавказе, ни в Средней Азии – не вдохновлялись идеями сепаратизма и потому прямо не угрожали существованию Советского государства. Государство рухнуло по другой причине: атака «гласности» на советскую идентичность окончательно добила центральную коммунистическую власть, авторитет которой был уже близок к точке замерзания и легитимность которой покоилась не на избирательном праве, а на советских символах гордости: социалистической революции, «успехах социализма» и т. д. Символ её собственного падения – вернувшийся из Фороса Горбачёв – генсек без партии, президент без государства. И в августе 1991 г. повторилась в точности ситуация августа 1917 г.: в стране, кроме Прибалтики, отсутствовали националистические выступления под лозунгами сецессии, однако в силу самоликвидации центральной власти страна фактически распалась на полтора десятка государств. Отличие же заключалось в том, что на этот раз не нашлось «большевиков» с их политической волей и объединяющей идеей. И это дало возможность подписантам в Беловежской Пуще поставить жирную точку в истории СССР.

Конфликт идентичностей на постсоветском пространстве

Хотя шесть лет «перестройки» и «гласности» уничтожили веру во многие советские идеологические иллюзии: в коммунизм, в непогрешимость партии, в универсальную ценность «общенародной собственности на средства производства» и т. д., однако они никак не могли уничтожить реальные символы гордости советского народа. Нельзя в одночасье уничтожить до основания всё, во что верили, чем гордились и за что сложили головы миллионы людей. И подавляющее большинство граждан распавшегося Союза – что не подлежит сомнению – вошли в новые постсоветские государства со своей «старой» советской идентичностью.

В подавляющем числе случаев к власти там пришли люди, которые разделяли тезис: государство – это исключительная собственность титульной нации, имя которой значи-

Во всех постсоветских государствах стала решаться одна и та же задача: создать «великую» идентичность «великого» титульного этноса, до краёв наполненную символами его собственной гордости.

лось в названии государства. В этих условиях, как справедливо замечает В. А. Тишков, «идентичность – это прежде всего вопрос обретения власти (empowerment) в широком значении слова (легитимность, статус, полномочия и даже право на насилие)» [Тишков 2001]. И повсюду стала решаться одна и та же задача: создать «великую» идентичность «великого» титульного этноса, до краёв наполненную символами его собственной гордости, а затем «привить» её всем другим этносам, оставшимся от СССР в составе данного государственного образования.

Очевидно, советская идентичность с её символами никак не годилась для националистического проекта: она основывалась на *общей* истории, её символы были *общими*, а её идеологической платформой была идея национального и социального равенства, что в принципе противоречит идее национализма. Кроме того, эта идентичность в силу многовековых исторических причин, спорить с которыми бесполезно, требовала в качестве языка межнационального общения – пусть даже наряду с государственным языком титульного этноса – *русского языка*. Утверждение советской идентичности на государственном уровне в качестве основания для новой национальной идентичности давало бы право национальным меньшинствам в новых этно-государствах иметь равный статус (в том числе в качестве субъекта федерации), равные права в использовании родного языка и исторического языка межнационального общения, равные права на институционализацию собственных символов гордости, и т. д. В итоге это давало бы им равный доступ к социальным лифтам с титульным этносом и равный доступ к власти. И можно утверждать, что только лишь в одной постсоветской республике – Беларуси – советская идентичность в своей максимально возможной в тот момент полноте была положена в фундамент новой национальной идентичности. Парадокс: даже в России, в которой советская идентичность является наиболее «родной» исторической формой, поскольку опирается на русский язык и русскую национальную (не-этническую) культуру, вместо великой идеи «всеобщего равенства», объявленной «утопией» и стыдливо забытой, быстро пророс и набрал силу великорусский национализм, а на все советские символы гордости было наложено «табу» – за исключением разве что Победы в Великой Отечественной войне. После этого не удивительно, что только маленькая Беларусь, ограниченная во всех своих ресурсах, оказалась, по сути, единственным государством, которое без социально-политических катаклизмов и потрясений вошло в новый миропорядок.

Поскольку Беларусь по большому счёту оказалась единственным исключением, повсюду на постсоветском пространстве возник и начал разрастаться конфликт между «советской»

идентичностью и официальным национализмом пришедших к власти элит, хотя степень развития этого конфликта напрямую зависела и от степени интенсивности националистических устремлений власти, и от степени организованности этнических меньшинств, и от степени полиэтничности общества. В Прибалтике, например, где уровень государственного национализма порой становится близок неонацизму, вооружённого столкновения не произошло, пожалуй, только по причине полной неорганизованности «Интерфронта» и отсутствия всякой его поддержки со стороны России на фоне прекрасной организованности националистов, получивших полный пакет помощи от Запада, быстро прибравших к рукам весь государственный аппарат и институционализировавших своё политическое господство в государственное право. Сегодня бывшие прибалтийские республики – типичные этнократические государства, в той или иной степени ограничивающие права граждан в зависимости от их этнической принадлежности. Тамошние власти хорошо понимают, что конфликт идентичностей на подконтрольных им территориях вовсе не исчерпался, а лишь заморожен и ждёт своего настоящего разрешения.

В постсоветских государствах, оказавшихся в высокой степени моноэтничными, в том числе и в силу мощных миграционных процессов, быстро «вымывших» нетитульную часть населения ещё во времена «перестройки», этот конфликт либо не перерос в полномасштабную войну, ограничившись «боями местного значения», либо принял форму «этно-клановой» войны за власть, как в Таджикистане и Киргизии. Однако там, где националисты, вдохновлённые идеей собственного величия, тут же захотели привести в повиновение с помощью военной силы этнические меньшинства, возжелавшие равенства, как в Грузии и Молдове, там сразу же разразились гражданские войны, окончившиеся фактическим распадом этих государств.

Война идентичностей на Украине

В своей наиболее развитой, можно сказать, классической форме, война идентичностей разразилась, несомненно, на Украине, хотя даже сама по себе идентификация сторон конфликта здесь оказалась совсем не очевидной. У российской либеральной оппозиции на этот счёт одна точка зрения, у «патриотических» СМИ другая, у власти – трудно сказать какая. Позиция либералов – «Путин начал войну против Украины» – не нуждается в комментариях. Идеологическая позиция, на которой стоят «патриоты», сводится к тому, что на Украине столкнулись два мира: «Русский мир» и «мир украинских националистов (фашистов, нацистов и т. д.)». Понятие «Русский мир» в данном контексте возникло спон-

танно с подачи российского президента и значит оно ровно то, что каждый под ним понимает. Однако «патриотические» СМИ, большей частью стоящие на позициях русского национализма, консолидировались в его трактовке и связали её прежде всего с русским языком, а затем с «русским духом» или, следуя В. В. Путину, с «русским характером», с русским православием, и т. д., а потому и стали понимать как общность людей, обладающих *русско-православной этнической* идентичностью. Таким образом, лозунг «борьбы за объединение Русского мира» – *«русская весна»* как таковая – понимается ими как борьба за объединение территорий, заселённых этническими русскими. И если отбросить эмоциональные эпитеты и обратиться к сути, получается, что в Донбассе русские этнические националисты воюют за территорию с украинскими националистами. И в контексте присоединения Крыма подобная трактовка уже получила полное признание Запада.

Однако как совместить эту трактовку с тем обстоятельством, что в Крыму русских меньше 60%, остальные – украинцы, татары, армяне, греки и т. д., но не 60, а 90% из них проголосовали за вхождение в Россию? И как тогда объяснить то, что в Донбассе больше половины населения – этнические украинцы, из которых значительное, если не подавляющее, большинство проголосовало за независимость от Киева; как и то, что вместе с русскими и украинцами на стороне ополчения воюют и местные жители, и граждане России, принадлежащие другим этническим меньшинствам (армяне, немцы, осетины, чеченцы, ингуши и т. д.) и другим традиционным конфессиям?

А объяснение здесь простое: хотя все ополченцы («дальние» иностранцы не в счёт) говорят на русском языке, их идентичность (т. е. их линия между «мы» и «они») вовсе не проходит между этническими русскими и украинцами или между этническими русскими и нерусскими. Уже один только хорошо известный факт, что подавляющее число из них имеет возраст от 40 лет и выше, практически однозначно говорит, что по своей идентичности они – *советские люди*, их идентичность – это *советская интернациональная идентичность*. Ещё двадцать с небольшим лет назад практически всё украинское общество, за исключением исторической Галиции, состояло из советских людей. На мартовском 1991 г. референдуме 70% – абсолютное большинство! – населения Украины высказалось за сохранение СССР. А выступавшие против этого западно-украинские ультра-националисты воспринимались как откровенные маргиналы. И если бы украинские власти проводили ту же самую политику создания национальной идентичности на мощном фундаменте советской, что и власти Беларуси, сегодня Украина была бы монолитным сплочённым государством.

Однако на протяжении 1990-х гг. партноменклатура, получившая в своё распоряжение новую Украину, скорее в силу своей политической слабости и близорукости, чем в силу националистических убеждений, устранилась от стратегически важного выбора в формировании новой идентичности. Так, со стороны власти не было тогда какого-то признания «заслуг» ОУН и УПА перед Украиной или официального поношения советских символов, но, с другой стороны, не было, по сути, и никакого внятного противодействия оформившимся идейно, организационно и юридически украинским неонацистам в лице, скажем, той же УНА-УНСО. А между тем на Украине, как нигде на постсоветском пространстве, существовала агрессивная «точка роста» национализма, связанная как с давней, так и с «ближней» – советской – историей. Так, в западных областях Украины, присоединённых к СССР в 1939 г., население, в том числе и женская его часть, в массовом порядке участвовало во Второй мировой войне как в составе вооружённых сил Германии, так и в формированиях УПА, но в любом случае против Красной армии, против партизан и просоветски настроенного населения. По некоторым подсчётам, общая численность этнических украинцев, воевавших против СССР, составляла 400 тысяч человек [Илющенко 2014], что (даже в случае тенденциозности такого подсчёта и при всех возможных оговорках) для населения, локализованного в основном лишь на западных территориях УССР, представляет огромную цифру. Эти люди в послевоенный период вполне заслуженно (а символами этой «заслуги» являются и Волынская резня, и Бабий Яр, и Хатынь, и др.) были названы «предателями», «карателями», «бандитами» и т. д., – одним словом, «бандеровцами». И когда Украина в 1992 г. получила независимость, у их многочисленных потомков, представляющих, наверное, большинство украинского этнического населения западной части страны, которым до этого официально следовало не гордиться, а стыдиться «подвигов отцов», произошёл «взрыв» идентичности: *«Наши отцы и деды – не изменники и не бандиты, а борцы за свободу! Они – Герои, которым Украина обязана своей сегодняшней независимостью! Слава Украине! Слава Героям!»*. Этот взрыв был направлен как внутрь – на подавление советской иноидентичности, так и вовне – против «клятых москалей», на поругание всего, что связано с Россией, Советским Союзом, их символами и историей. Патологическая ненависть западноукраинских националистов к «москалям» и ко всем символам советской эпохи вызвана не столько этнической неприязнью, сколько полувековым неутолённым желанием «в открытую» гордиться своими предками-«героями», ведь без этой легализованной гордости они не «великий народ», а просто потомки уголовников; неутолённым желанием утвердить, наконец, свою

(в нашем понимании – маргинальную) идентичность в качестве «официально-героической». В мотивационном плане что-то похожее на Западе произошло с гомосексуалистами.

Столкновение этой пассионарной, сверхмотивированной массы националистов с совершенно пассивным государством привело к тому, что к концу 1990-х гг. они захватили в стране все ключевые позиции: в масс-медиа, в сфере образования и культуры. История украинского народа была придумана заново, учебники переписаны, и новое поколение выросло в ненависти к самой идее братства народов некогда единой страны. Общество стало другим. И власть, смирившись с тенденцией «бандеризации» идентичности своего электората, была вынуждена направить свою утлую лодку по течению. В 2003 г. вышла книга бывшего тогда президентом Украины Л. Кучмы, – как подозревают, до сих пор не вполне владеющего украинским языком [Кучма не смог...], – которая называлась «Украина – не Россия», но в которой уже само название говорило националистам: «Я тоже с вами!». И, наконец, В. Ющенко, сменивший Кучму на посту президента, присвоивший звания «Героя Украины» Шухевичу и Бандере и объявивший «голодомор» единственным символом Советской Украины, поднял маргинальную «бандеровскую» идентичность до уровня официальной государственной идентичности.

Следует отметить, что утвердившаяся идентичность украинских националистов и советская идентичность являются абсолютными и непримиримыми антагонистами, поскольку основываются на взаимоисключающих символах гордости. Гордиться Петлюрой, Шухевичем, Бандерой и иже с ними, значит ненавидеть и считать «бандитами» или «оккупантами» и красногвардейцев, и советских солдат, и простых украинских граждан, считавших родным Советское государство. Поэтому присвоение официального и неофициального звания героев украинской нации всем этим персонажам было открытым оскорблением символов гордости другой половины общества, чьи предки боролись за Советскую власть на Украине и воевали с фашистами.

Избранный этой другой половиной украинского общества своим президентом В. Янукович попробовал изменить баланс идентичностей в противоположную сторону, отменив одиозные решения о «героизации» Шухевича и Бандеры и отказавшись считать голодомор «советским геноцидом украинцев». Эти, как и другие шаги Януковича по смягчению отношений с Москвой, привели к мобилизации «бандеровского» Запада страны и были восприняты там как вызов со стороны «москальского» Востока. После чего нужен был лишь повод, чтобы мобилизованная националистическая идентичность запалила войну. И Янукович дал этот повод, затеяв вначале игру с Евросоюзом, а потом вдруг сделав движение в противополож-

ном направлении – в сторону Таможенного союза. А ведь этот выбор сверхпринципиален для носителей «бандеровской» идентичности. В России, Беларуси и Казахстане подавляющее большинство населения по-прежнему считают Бандеру, Шухевича и всю украинскую националистическую братию изменниками Родины, убийцами и бандитами, а потому до окончания веков будут считать носителей «бандеровской» идентичности маргиналами. И только для Запада их символы гордости или безразличны, или даже привлекательны, как привлекательно там всё антирусское и антисоветское. Понимая или чувствуя кожей, что грядущий цивилизационный выбор может закончиться для них катастрофой, западно-украинские «пассионарии» бросились в атаку и при массовой поддержке Запада совершили государственный переворот. На улицах Киева, в тёмных коридорах одесского Дома профсоюзов, а затем и на полях Донбасса вначале с напалмом, а потом с оружием в руках бандеровская – сугубо националистическая – идентичность пошла войной на советскую – сугубо интернационалистическую. Идея первой: «загнать советско-москальское быдло в стойло, заставить забыть их родной язык и символы гордости». Идея второй: «все народы равны и имеют право говорить на родном языке и поклоняться собственным символам гордости».

Таким образом, не за территорию идёт война на Украине, а за идею. И тотальный снос националистами памятников Ленину – это знак, что ни при каком формальном перемирии компромисса идей не будет, что под «единой и неделимой» Украиной как обществом национального и социального согласия, равенства и справедливости подведена жирная черта.

Заключение

Национализм, как и нацизм, и расизм, – это идея исключительности, превосходства одних людей над другими, требующая от своих адептов относиться к другим народам и другим культурам как к неполноценным. Она берёт начало на заре человеческого существования, когда человек был ещё зверем и только начал выходить из своей звериной сущности. Но, вероятно, именно тогда зародилась и противостоящая ей, взаимоисключающая идея – идея равенства людей и общечеловеческой справедливости. И на протяжении всей человеческой истории эти идеи ведут между собой непримиримую борьбу. Это та самая мировая борьба Добра со Злом. И по мере того, как Добро – идея равенства – побеждала, человек терял своё звериное и приобретал человеческое. Частью этой мировой борьбы была Великая Российская Революция безотносительно к тому, что ее цели так и остались не реализованными. Частью этой борьбы была и война советского народа с немецким нациз-

мом. Фрагментом этой борьбы является сегодняшняя гражданская война на Украине. И как бы ни развивались текущие события, стратегически финал этой борьбы предрешён, и нам не нужно гадать, за кем в конечном итоге останется победа.

Библиографический список

Белоусов Е. В., Дибиров А.-Н. З. 2010. Страна, война и наша идентичность // Российская нация. № 5–6. С. 61–69.

Винниченко В. 1920. Відродження нації. Київ-Відень: Дзвін. 348 с.

Илющенко Р. 2014. Не наши братья // Военно-промышленный курьер. Еженедельник. № 34. 17.09.2014. URL: <http://vpk-news.ru/articles/21842> [Дата посещения: 12.11.2014].

Кара-Мурза С. Г. 2002. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм. 528 с.

Кучма не смог ответить на вопрос на украинском языке // ВЗГЛЯД. Деловая газета. URL: <http://vz.ru/news/2014/9/20/706654.html> [Дата посещения: 12.11.2014].

Лоренц К. 1994. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Прогресс. 272 с.

Медведев Д. А. 2011. Интервью телеканалу «Евроньюс» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/12623> [Дата посещения: 12.11.2014].

Тишков В. А. 2001. Политическая антропология. Спецкурс для студентов гуманитарных факультетов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А. Г. Селезнёва, С. С. Тихонова, Н. А. Томилова. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 48–56.

Deutsch Karl W. 1979. Tides among Nations. New York: Free Press. 342 с.

The War of Identities

Dibirov Abdul-Nasir Zirarovich

Doctor of political sciences, professor, rector of NANODPO “Dagestan Institute of Economics and Politics”, Makhachkala, Russia. E-mail: anzidi@yandex.ru

Belousov Yevgeny Vasilyevich

Candidate of philosophical sciences, director of ANO “Moscow Institute of socio-political analysis”, Moscow, Russia. E-mail: ev.beloysov@yandex.ru

Abstract. In the present article, the causes of a conflict of identities in the post-Soviet space are exposed based on the theoretical grounds of the authors’ understanding of the meaning of the concept “identity”. For that, the authors turn to the formation of national identity in Imperial Russia, the Soviet Union and post-Soviet States. This paper analyses the content of such concepts

as “ethnocracy”, “constructing national identity”, and “the symbols of national pride” to explore reasons for the collapse of statehood in polyethnic societies and the factors for the preservation or restoration of statehood in such societies. In particular, the paper examines the content of Soviet identity and its role in the formation and preservation of Russian statehood. According to the authors, the conflict between identities in the former Soviet space is based on a conflict between the Soviet identity preserved until the present day on the part of the population and the formation of identity in the new states – an identity that includes some elements of nationalism. According to the authors, the war of identities that broke out in Ukraine became a classical embodiment of this conflict. The conflict between artificially designed national identity in the post-Soviet states and the Soviet identity defines in many respects the political situation in these states. The authors criticize the point of view of the current political discourse that there was a collision of the Russian world and Ukrainian nationalism. The article reasonably exposes the nature of this war of identities as the war between Ukrainian nationalism constructed over the last twenty years and the established Soviet identity, uniting mainly citizens of southeastern Ukraine with the same citizens of other post-Soviet States, especially Russia.

Keywords: war, state, citizens, identity, history, nation, nationalism, conflict.

References

Belousov E. V., Dibirov A.-N. Z. Strana, vojna i nasha identichnost' [The Country, War and Our Identity] – Rossijskaja nacija, 2010, No. 5–6, pp. 61–69.

Deutsch K. W. Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. 342 p.

Il`ushhenko R. Ne nashi bratia [Not Our Brothers] – Voenno-promyshlenny kur'ier. Ezhenedel'nik, 2014, No. 34. URL: <http://vpk-news.ru/articles/21842> [date of visit 12.11.2014].

Kara-Murza S. G. Sovetskaja civilizacija [Soviet Civilization]. T. 1. Moscow, Algoritm, 2002. 528 p.

Kuchma ne smog otvetit' na vopros na ukrainskom jazyke [Kuchma was unable to answer the Question in Ukraine language] – Vzgliad. URL: <http://vz.ru/news/2014/9/20/706654.html> [date of visit 12.11.2014].

Lorenz K. Agressija (tak nazyvaemoe “zlo”) [On Aggression]. Moscow, Progress, 1994. 272 p.

Medvedev D. A. Interview for “Euronews” TV. – Official Website Presidenta RF. URL: <http://www.kremlin.ru/news/12623> [date of visit 12.11.2014].

Tishkov V. A. Politicheskaja antropologija. Speckurs dlja studentov gumanitarnykh fakul'tetov [Political Anthropology] – Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovaniy. Ed. by A. G. Seleznirov, S. S. Tikhonov, N. A. Tomilov. Nal'chik; Omsk, OmGPU, 2001, pp. 48–56.

Vinnichenko V. Vidrodzhennja naciï [Degeneration of Nation]. Kyiv-Viden', Dzvin, 1920. 348 p.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>